

Научно-практический журнал

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

№ 1
2024

ISSN 2079-0295

Автономная некоммерческая организация
**«Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 1 (57) 2024
Выходит ежеквартально

© Власть Закона, 2024

ISSN 2079-0295

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ 1 (57) 2024

Выходит ежеквартально

SALUS POPULI SUPREMA LEX

Благо народа – высший закон (*лат.*)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
ПИ № ФС77-38792 от 8 февраля 2010 г.

**Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по научным специальностям 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4
(юридические науки)
(категория К 2)**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Учредитель и издатель:

Автономная некоммерческая организация

«Научно-исследовательский институт

актуальных проблем современного права»

Сайт издателя: www.niapsp.ru; e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru

Сайт журнала: www.vzlaw.ru; e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru

Адрес издателя и редакции: 350000, г. Краснодар, ул. Гимназическая, 60, к. 49

Подписано в печать 5.04.2024. Выход в свет 25.04.2024г. Формат 70×100 1/16. Объем
19,5п. л. Тираж 500 экз. Цена свободная.

При использовании материалов данного печатного издания
обязательна ссылка на источник публикации.

Мнения, высказанные в публикациях, размещенных в данном печатном издании,
являются субъективными позициями авторов относительно рассматриваемых ими
вопросов, за которые редакция журнала ответственности не несет.

© Власть Закона, 2024

Главный редактор

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Заместитель главного редактора

Руденко Евгения Юрьевна, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Редакционный совет

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Белых Владимир Сергеевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заслуженный деятель науки РФ.

Букалорова Людмила Александровна, д. ю. н., профессор, проректор НОУ ОВО «Российская академия адвокатуры и нотариата», профессор Государственного университета управления.

Губин Евгений Парфирьевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова», заслуженный юрист РФ.

Диденко Анатолий Григорьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры частноправовых дисциплин Каспийского общественного университета (Казахстан).

Зайцев Олег Александрович, д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, вице-президент Союза криминалистов и криминологов

Кузнецова Ольга Анатольевна, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Стус Нина Владимировна, д. ю. н., профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

Филиппов Петр Мартынович, д. ю. н., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»

Малько Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права РАН», заслуженный деятель науки РФ.

Муртазакулов Джамшед Саиданевич, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Таджикского национального университета (Таджикистан).

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой коммерческого права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заслуженный деятель науки РФ.

Турдуковский Ярослав Владимирович, доктор права, профессор Института гражданского права, руководитель Центра исследований права Восточной Европы и Центральной Азии факультета Права и управления Варшавского университета (г. Варшава, Польша).

Цыбуленко Зиновий Иванович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Редакционная коллегия

Анисимов Алексей Павлович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет».

Барков Алексей Владимирович, д. ю. н., профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Долинская Владимира Владимировна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина» (МГЮА).

Емелькина Ирина Александровна, д. ю. н., профессор факультета права Департамента дисциплин частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Ильин Игорь Вячеславович, д. ю. н., доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России»

Иншакова Агнесса Олеговна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», Почетный работник сферы образования РФ.

Курманалиева Асель Абылкановна, к. ю. н., директор Центра нормотворчества и верховенства права при Министерстве юстиции Кыргызской Республики

Мазаев Владимир Дмитриевич, д. ю. н., профессор, заместитель заведующего базовой кафедры межотраслевого регулирования факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Меретуков Гайса Мосович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой криминалистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Молчанов Александр Александрович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД РФ».

- Морозов Сергей Юрьевич**, д. ю. н., профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», .
- Рузанова Валентина Дмитриевна**, к. ю. н., доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.
- Савченко Марина Станиславовна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой государственного и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».
- Серова Ольга Александровна**, д. ю. н., профессор, первый проректор по учебной работе ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.
- Тужилова-Орданская Елена Марковна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Почетный работник высшего профессионального, образования РФ, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заслуженный юрист Республики Башкортостан.
- Харитоновна Юлия Сергеевна**, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», руководитель НОЦ «Центр правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики».
- Чеговадзе Людмила Алексеевна**, д. ю. н., профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. Кикотя»

Editor-in-Chief

Vladimir Pavlovich Kamyshansky, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Director of the ANO "Research Institute of Current Problems of Modern Law", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honoured Scientist of Kuban.

Deputy editor-in-chief

Rudenko Evgenia Yurievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin".

Editorial board

Rasskazov Leonid Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law of FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honored Scientist of the RF, Honored Scientist of Kuban.

Belykh Vladimir Sergeevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at the Ural State University of Law, Honoured Scientist of the Russian Federation.

Bukalerova Ludmila Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector of non-profit educational institution organization of higher education "Russian Academy of Advocacy and Notaries", Professor at the State University of Management.

Gubin Evgeny Parfiryevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at Moscow State University named after M.Y. Lomonosov. Professor, Head of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University, Honoured Lawyer of the Russian Federation.

Didenko Anatoly Grigorievich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Private Law Department at the Caspian Public University (Kazakhstan).

Zaitsev Oleg Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice of the Federal State Research Institution "Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation", Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice President of the Union of Criminalists and Criminologists

Kuznetsova Olga Anatolievna, Professor of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Process FGBOU IN «Perm State National Research University»

Stus Nina Vladimirovna, Doctor of Law, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice".

Philippov Pyotr Martynovich, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law Disciplines at the FGKOU HE Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

- Malko Alexander Vasilievich**, Doctor of Law, Professor, Director of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation.
- Murtazakulov Jamshed Saidalievich**, Doctor of Law, Professor of the Civil Law Department of the Tajik National University (Tajikistan).
- Popondopulo Vladimir Fedorovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Commercial Law Department of the Saint Petersburg State University, Honoured Science Worker of the Russian Federation.
- Turlukovsky Yaroslav Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor at the Institute of Civil Law, Head of the Center for Law Studies in Eastern Europe and Central Asia, Faculty of Law and Government, University of Warsaw (Warsaw, Poland).
- Tsybulenko Zinoviy Ivanovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil and Family Law of Saratov State Law Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Editorial board

- Anisimov Alexei Pavlovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of the Civil and International Private Law at the Institute of Law Volgograd State University.
- Barkov Alexey Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
- Dolinskaya Vladimira Vladimirovna**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University.
- Emelkina Irina Aleksandrovna**, Doctor of Law, Professor of the Law Department of the Private Law Disciplines of the National Research University Higher School of Economics.
- Ilyin Igor Vyacheslavovich**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the FGKOU HE Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia"
- Inshakova Agnesa Olegovna**, Doctor of Law, Professor, Head of Department of the Civil and International Private Law at the Institute of Law, Volgograd State University, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.
- Kurmanaliev Aysel Abylkanovna**, Candidate of Juridical Sciences, Director of the Center for Rule-Making and Rule of Law under the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic.
- Mazaev Vladimir Dmitrievich**, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Basic Department of Intersectoral Regulation, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics.
- Meretukov Gaisa Mosovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin
- Molchanov Alexander Alexandrovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Civil Procedure at the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education "St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation".
- Morozov Sergey Yurievich**, Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Ulyanovsk State University", Honorary Professor of Zhengzhou University (PRC), Honored Lawyer of the Ulyanovsk Region..

- Ruzanova Valentina Dmitrievna**, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Business Law at Samara National Research University named after Academic S. P. Korolev, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
- Savchenko Marina Stanislavovna**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.
- Serova Olga Alexandrovna**, Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector for Academic Affairs, Pskov State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.
- Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology", Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan.
- Haritonova Yulia Sergeevna**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Pre-business Law Department at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Head of the REC "Center for Legal Research of Artificial Intelligence and Digital Economy".
- Chegovadze Lyudmila Alekseevna**, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, FGKOU HE "Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after Kikotya"

Содержание

Колонка главного редактора

<i>Камышанский В. П. Нашему дорогому юбиляру, профессору А. П. Рассказову – 75 лет</i>	<i>16</i>
<i>Филиппов П.М. Моему первому ученику профессору В. П. Камышанскому – 70 лет!</i>	<i>22</i>

Актуальные проблемы современного права

<i>Ибрагимов К.Х. Демократия новой России и государственное единство</i>	<i>31</i>
<i>Коваль В.Н. Проблемы учёта частноправовых интересов в процессе разработки правовой концепции экологии города Севастополя</i>	<i>46</i>
<i>Павлов В.П. Проблемные вопросы теории вещного права и приватизационной процесс в России</i>	<i>58</i>
<i>Булатов Р.Б, Костычев С.С Правозащитная деятельность органов муниципальной власти в Российской Федерации.....</i>	<i>72</i>
<i>Савченко М.С, Кириченко Е.В, Калустова А.А. Содержание конституционно-правового регулирования защиты семьи, материнства, отцовства и детства</i>	<i>81</i>
<i>Цечоев В.К. Влияние различных моделей мировой юстиции на формирование института мировых судей в Российской империи</i>	<i>91</i>
<i>Баландина Н.В. Эволюция общих требований к лицам, поступающим на службу в полицию (милицию): от советского прошлого к настоящему.....</i>	<i>104</i>
<i>Глиницинкова Т.В, Антун Т.И. Вопросы толкования положений венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров, определяющих сферу ее действия.....</i>	<i>114</i>
<i>Гаврилов В. Н., Чиркаев С.А, Волков Б.Д. Правовая природа цифрового рубля как объекта наследования.....</i>	<i>123</i>

<i>Рудик И.Е, Закирова С.А. Банкротство лица, состоящего в браке: анализ судебной практики.....</i>	<i>133</i>
<i>Шикула И.Р, Романова Г.В. К вопросу о применении законодательства о компенсации морального вреда гражданам судами Российской Федерации</i>	<i>145</i>
<i>Чаркин С.А. Онтологические к гносеологические аспекты гражданско-правового режима недвижимости</i>	<i>156</i>

Наука и практика стран СНГ

<i>Витушко В.А. Духовное единство, коллективизм и сотрудничество как врожденные социально-правовые и социально-психологические свойства человека и народа</i>	<i>168</i>
---	------------

Трибуна молодого ученого

<i>Беличенко А.В. Нормы гражданского права в нормативных правовых актах иной отраслевой принадлежности</i>	<i>191</i>
<i>Гетажеева А.Р. Концепция философии права Г. Ф. Шершеневича: предмет, задачи и методы изучения правовой действительности</i>	<i>209</i>
<i>Дулаева Д.С. Владельческая (посессорная) защита в Российском законодательстве.....</i>	<i>219</i>
<i>Задорин М.В. Организация правового воспитания в советский период (1970–1980)</i>	<i>228</i>
<i>Калимуллина Л.Р. НДСФЛ как механизм реализации социальной политики государства: историческое и теоретическое обоснование.....</i>	<i>238</i>
<i>Калимуллин Д.И. Особенности реализации следователем оперативной информации о лице, занимающем высшее положение в преступной иерархии</i>	<i>248</i>
<i>Ковалев И.А. Социальная инфраструктура: объект гражданских прав и законодательные сложности</i>	<i>258</i>
<i>Коваленко С.Г. Актуальные проблемы правового регулирования деятельности органов принудительного исполнения российской федерации</i>	<i>272</i>

<i>Колотилина А.А. Уголовно-правовые характеристики должностных преступлений, совершаемых судебными приставами-исполнителями</i>	<i>280</i>
<i>Кортяев В.Е. Некоторые вопросы государственного устройства древнерусской Тмутаракани: историко-правовое исследование</i>	<i>290</i>
<i>Мишкович М.К. вопросу о применении венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров к продаже электрической энергии.....</i>	<i>302</i>
<i>Намитоков Ю.А. Юридический инструментарий и публичный механизм обеспечения национальных экономических интересов в сфере международного сотрудничества.....</i>	<i>313</i>
<i>Шпак А. А. Криминальная субкультура в молодежной среде</i>	<i>325</i>

Contents

Column of the chief editor

<i>Kamyshansky V. P. To our dear hero of the day, professor I. P. Rasskazov is 75 years old!</i>	<i>16</i>
<i>Filippov P.M. My First Student, Professor V. P. Kamyshansky, Is 70 Years Old!!</i>	<i>22</i>

Actual problems of modern law

<i>Ibragimov K. H. The democracy of new Russia and state unity</i>	<i>31</i>
<i>Koval V. N. Problems of taking into account private legal interests in the process of developing the legal concept of the ecology of the city of Sevastopol</i>	<i>46</i>
<i>Pavlov V. P. Problematic issues of the theory of property law and privatization process in Russia".....</i>	<i>58</i>
<i>Bulatov R. B., Kostychev S. S. The human protective activities of municipal power bodies in the Russian Federation</i>	<i>72</i>
<i>Savchenko M. S., Kirichenko E. V., Kalustova A. A. The content of constitutional and legal regulation of the protection of the family, maternity, paternity and childhood.....</i>	<i>81</i>
<i>Tsetchoev V. K . The Impact Of Different Models Of Justice Of The Peace On The Formation Of The Institute Of Justices Of The Peace In The Russian Empire).....</i>	<i>91</i>
<i>Balandina N.V Evolution of general requirements for persons entering the police (militia) service: from the soviet past to the present</i>	<i>104</i>
<i>Glinshchikova T. V., Antun T. I. Issues of interpretation of the provisions of the Vienna convention of the Vienna convention on contracts for the international sale of goods defining its scope of application.....</i>	<i>114</i>
<i>Gavrilov V. N., Chirkaev , S. A., Volkov B. D. The legal nature of the digital rouble as an object of inheritance</i>	<i>123</i>
<i>Rudik I.E., Zakirova S.A. Bankruptcy of a married person: an analysis of court practice.....</i>	<i>133</i>

<i>Shikula I.R., Romanova G.V. On the issue of the application of legislation on compensation for moral harm to citizens by the courts of the Russian Federation</i>	<i>145</i>
<i>Charkin S.A Ontological and epistemological aspects of the civil law regime of real estate</i>	<i>156</i>

Science and practice of the CIS countries

<i>Vitushko V. A. Spiritual unity, collectivism and cooperation as innate socio-legal and socio-psychological properties of a person and a people</i>	<i>168</i>
---	------------

Tribune of a young scientist

<i>Belichenko A.V. Norms of civil law in normative legal acts of other industry affiliation.....</i>	<i>191</i>
<i>Getazheeva A.R. The concept of G. F. Shershenevich's philosophy of law: the subject, tasks and methods of studying legal reality.....</i>	<i>209</i>
<i>Dulaeva Z.S. Possessory protection in Russian legislation.....</i>	<i>219</i>
<i>Zadorin M. V. Organization of legal education in the soviet period (1970-1980).....</i>	<i>228</i>
<i>Kalimullina L. R. Personal income tax as a mechanism for the implementation of social policy of the state: historical and theoretical background.....</i>	<i>238</i>
<i>Kalimullin D.I. Features of the investigator's implementation of operational information about a person occupying the highest position in the criminal hierarchy.....</i>	<i>248</i>
<i>Kovalev I. A. Social infrastructure: the object of civil rights and legislative difficulties.....</i>	<i>258</i>
<i>Kovalenko S. G. Actual problems of legal regulation of the activities of enforcement agencies of the Russian Federation.....</i>	<i>272</i>
<i>Kolotilina A. A. Criminal and legal characteristics of official crimes committed by bailiffs.....</i>	<i>280</i>
<i>Kortyaev V. E. Some issues of the state structure of ancient Russian tmutarakan:historical and legal research.....</i>	<i>290</i>

<i>Mishkovich M. On the application of the Vienna convention on contracts for the international sale of goods to the sale of electric energy</i>	<i>302</i>
<i>Namitokov Yu.A. Legal tools and public mechanism for ensuring national economic interests in the field of international cooperation.....</i>	<i>313</i>
<i>Shpak A. A. Criminal subculture in the youth environment....</i>	<i>325</i>

Колонка главного редактора

**НАШЕМУ ДОРОГОМУ ЮБИЛЯРУ,
ПРОФЕССОРУ Л. П. РАССКАЗОВУ – 75 ЛЕТ!**

**TO OUR DEAR HERO OF THE DAY,
PROFESSOR L. P. RASSKAZOV IS 75 YEARS OLD!**

«Твой учитель не тот, кто тебя учит,
а тот, у кого ты учишься»
Ричард Дэвис Бах

В 2024 г. доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани Леонид Павлович Рассказов празднует тройной юбилей: 75 лет со дня рождения, 50 лет педагогической деятельности, 25 лет работы в Кубанском государственном аграрном университете.

Леонид Павлович диссертацию на соискание доктора юридических наук защитил в 1995 г. в Санкт-Петербургском юридическом институте МВД России, а диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук – в 2001 г. в Московском государственном университете имени М. В.

Ломоносова. С 1985 по 2001 г. занимался научно-преподавательской деятельностью в образовательных учреждениях системы МВД. Работал начальником кафедры Краснодарского юридического института МВД РФ, заместителем начальника Новороссийского филиала Краснодарского юридического института МВД РФ по учебной и научной работе, заместителем начальника Краснодарского юридического института МВД РФ по научной работе.

С мая 1999 г. стал работать профессором Кубанского государственного аграрного университета (с мая 1999 г. по апрель 2001 г. по совместительству), с января 2004 г. – заведующий кафедрой теории и истории государства и права. Будучи исполнительным и дисциплинированным сотрудником, опытным педагогом, всегда на высоком научно-теоретическом и методическом уровне проводит все виды учебных занятий.

Научной общественности профессор А. П. Рассказов известен как крупный специалист в теории государства и права, истории государства и права, истории правоохранительных органов. Среди публикаций этого незаурядного ученого и творческой личности – более 400 научных и учебно-методических работ, в том числе 20 монографий и 27 учебников, учебных пособий по теории государства и права, методологии юридической науки и истории государства и права. Можно, в частности, выделить такие монографии, как «Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941)», «Лишение свободы в России. Истоки, развитие, перспективы», «Ответственность за транснациональные преступления», «История уголовного процесса в России», «Спецслужбы монархической России».

Одно из фундаментальных изданий, подготовленное под руководством А. П. Рассказова, историко-правовое исследование «Кубань и казачество (конец XVIII в. – 1920 г.)», стало лауреатом конкурса на лучшую научную книгу 2004 г. среди преподавателей высших учебных заведений РФ и завоевало первое место на краевом конкурсе как лучшая научная и творческая работа среди преподавателей высших учебных заведений Краснодарского края в 2005 г. Леонид Павлович принимал участие в создании таких учебников и учебных пособий по истории государства и права, как «История государства и права России с древности до 1961 года», «История

государства и права России 1861–1917 гг.», «История государства и права России: Советское государство и право 1917–1991 гг.».

Особой популярностью у студентов пользуется авторский учебник А. П. Рассказова по теории государства и права, выпущенный в 2008 г. и выдержавший восемь изданий! Учебник награжден дипломом Фонда развития отечественного образования как лучшая научная книга 2009 г. и дипломом победителя IV Всероссийского конкурса «Аграрная учебная книга – 2009». Последнее, восьмое издание этого учебника, вышло в 2021 г. В 2015 г. увидел свет еще один учебник «Теория государства и права: углубленный курс». В 2021 г. появилось его второе издание. Все эти учебники допущены Учебно-методическим объединением по юридическому образованию вузов РФ в качестве учебников для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». Широко известен, популярен учебник «История и методология юридической науки», изданный в 2021 г., переизданный в 2022 и 2023 гг.

Значительный вклад в развитие науки Северного Кавказа А. П. Рассказов внес как председатель регионального диссертационного совета ДМ 220.038.10 при Кубанском государственном аграрном университете. Особое внимание следует обратить на вклад профессора Рассказова в подготовку научных кадров. При его научном консультировании и научном руководстве защищено более 120 диссертаций на соискание ученых степеней доктора юридических наук и кандидата юридических наук.

С именем А. П. Рассказова связано создание нескольких научных школ. Одна из них посвящена исследованию российской правовой и политической системы, месту и роли органов государственной безопасности в данной системе, организационным и правовым основам деятельности правоохранительных органов в Российском государстве. В контексте развития этой проблематики под руководством Леонида Павловича защищено 75 диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук, а при его консультировании состоялась защита трех докторских диссертаций. По указанному выше научному направлению издано несколько монографий («Сыскная полиция Российской империи: вторая половина XIX века – 1917 год (историко-правовое исследование)», «Уголовный сыск Российской империи»

и др.), учебные пособия, подготовлен и осуществляется учебный курс «Государственные органы в политической системе» для направления подготовки «Юриспруденция» (программа магистратуры).

Другое новое научное направление, связанное с именем А. П. Рассказова, посвящено исследованию историко-правовых аспектов институтов гражданского права и предпринимательской деятельности в Российском государстве: института инвестиционного права, института частной собственности на землю, института пользования недрами, акционерного движения и др. При его научном руководстве по данному направлению защищено 27 кандидатских диссертаций и состоялась защита двух докторских диссертаций, опубликованы монографии «Юридические лица в сфере предпринимательской (хозяйственной) деятельности в Российском государстве: теоретический и историко-правовой анализ», «Экономико-правовые аспекты возникновения и основные этапы развития института судебного разбирательства по экономическим спорам в России», «Коллективные (юридические) лица в предпринимательстве и порядок разрешения судебных споров между ними в Российском государстве: историко-правовое исследование».

Как юрист и историк, профессор Рассказов стоял у истоков новой школы, раскрывающей государственно-правовую историю Кубани, историко-правовые аспекты зарождения, развития и функционирования казачества. В развитие этого научного направления при его научном консультировании и научном руководстве прошла защита трех докторских диссертаций и одиннадцати кандидатских, опубликованы монографии «Кубань и казачество (конец XVIII в. – 1920 г.)», «Кубанское казачество: историко-правовое исследование (конец XVIII в. – начало XXI в.)», «Тюремное попечительство в Российской империи и на Кубани», «Пожарная охрана Российской империи и ее особенности на Кубани», «Правоохранительные органы и спецслужбы Кубани в дореволюционный период», «Кубанский край как государственное образование в годы Гражданской войны», «Военная контрразведка Российской империи и ее особенности на Кубани». В 2021 г. под редакцией академика А. И. Трубилина и профессора А. П. Рассказова издана четырехтомная монография «История Кубани с конца XVIII в. до начала XX в.: государственно-правовой анализ», посвященная 230-летию

переселения казаков на Кубань, 85-летию образования Краснодарского края и 100-летию Кубанского государственного аграрного университета. В коллективной монографии в концентрированном виде представлены наиболее важные аспекты исследовательской деятельности научного коллектива за два последних десятилетия по государственно-правовым проблемам истории Кубани.

За плодотворную научно-педагогическую деятельность Леонид Павлович неоднократно поощрен государственными, ведомственными наградами и наградами Краснодарского края. Награжден медалями «За безупречную службу», нагрудными знаками «За отличную службу в МВД» и «За службу на Кавказе». Указом Президента России в 1999 г. удостоен медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

За высокое мастерство в научно-педагогической деятельности, многолетний добросовестный труд доктору юридических наук, доктору исторических наук, профессору Рассказову присвоены звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», «Заслуженный деятель науки Кубани». Он является академиком нескольких общественных академий, в том числе Российской академии юридических наук.

Научная общественность Краснодарского края также позитивно относится к научной деятельности Л. П. Рассказова. Он является лауреатом премии «Фемида-2009» в номинации «Ученый года». В 2019 г. Краснодарским региональным отделением Ассоциации юристов России Л. П. Рассказову присуждена высшая юридическая премия «Юрист года Краснодарского края» за вклад в юридическую науку.

У нашего юбиляра два сына и четыре внука. Сыновья последовали по стопам отца. Старший сын – Олег Леонидович Рассказов – доктор юридических наук, доцент, в настоящее время работает судьей Арбитражного суда Северо-Кавказского округа. Младший сын – Вячеслав Леонидович Рассказов – доктор юридических наук, доцент, преподает в Кубанском государственном университете имени И. Т. Трубилина. Жена – Вилена Хаматовна Рассказова – кандидат филологических наук.

Годы педагогического труда Л. П. Рассказова в коллективе университета стали примером порядочности, честности и позитивного взгляда на жизнь. Вот уже четверть века нас с

Леонидом Павловичем связывает крепкая мужская дружба. Немногие знают еще об одной грани этого творческого человека: играет на разных музыкальных инструментах (баяне, гитаре, пианино), любит вокальный жанр и прекрасно танцует вальс под настроение с любимой женой Виленой.

Его отличают открытость души и простота в общении, высокая работоспособность и талант глубоко проникать в суть исследуемых научных явлений. Леонид Павлович всегда активно занимался спортом. Не одно десятилетие в любое время года совершал заплывы в Черное море на длинные дистанции.

В юбилейный год желаем нашему дорогому Леониду Павловичу крепкого здоровья, долгих лет жизни, новых творческих успехов! Радуйте нас, как и прежде, своим оптимизмом, нацеленностью на успех во всех начинаниях. Огромного Вам человеческого счастья!

В. П. Камышанский
главный редактор журнала «Власть закона»
доктор юридических наук, профессор

**МОЕМУ ПЕРВОМУ УЧЕНИКУ –
ПРОФЕССОРУ В. П. КАМЫШАНСКОМУ 70 ЛЕТ!!**

**MY FIRST STUDENT, PROFESSOR
V. P. KAMYSHANSKY, IS 70 YEARS OLD!!**

Владимиру Павловичу Камышанскому, известному ученому-цивилисту, доктору юридических наук, профессору, заведующему кафедрой гражданского права Кубанского государственного аграрного университета, директору АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации (РФ), заслуженному деятелю науки Кубани, исполнилось 70 лет.

Далеко не каждый человек, посвятивший себя науке и подготовке специалистов высшей квалификации, может быть одновременно учителем и благодарным учеником. Владимир Павлович в течение не одного десятилетия проявляет способность не только увлекательно давать основы знаний будущей профессии, но и формировать у своих учеников высокие духовные начала, преданность избранному делу, порядочность, зажигать их новыми идеями. Профессионализм, талант ученого, способность видеть главное и умение достигать поставленных целей – неотъемлемые качества В. П. Камышанского, которые

притягивают к нему ученых и практикующих юристов, судей и адвокатов, аспирантов и докторантов, бакалавров и магистрантов и всех, кто интересуется современными проблемами науки гражданского права.

В. П. Камышанский родился 26 февраля 1954 г. на ст. Казахстан Западно-Казахстанской области Казахской ССР. В 1979 г. с отличием окончил Волгоградский сельскохозяйственный институт, а затем, в 1992 г., с отличием окончил Высшую следственную школу МВД СССР. С 1992 по 1994 г. обучался в адъюнктуре Высшей следственной школы МВД РФ (г. Волгоград).

Под моим руководством Владимир Павлович подготовил в Волгограде и успешно защитил в 1994 г. в Санкт-Петербурге кандидатскую диссертацию на тему «Правовое регулирование приватизации государственных и муниципальных предприятий и его эффективность», которая стала первым в современной России комплексным исследованием проблем приватизации в науке гражданского права. В 2000 г. в этом же городе защитил докторскую диссертацию под названием «Ограничения права собственности (гражданско-правовой анализ)», посвященную проблемам ограничений права собственности, которые более века оставались вне поля зрения цивилистической науки.

С 1992 по 2000 г. осуществлял преподавательскую деятельность на кафедре гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России в должности преподавателя, доцента, профессора. После защиты докторской диссертации приглашен на работу в Краснодар, в Кубанский государственный аграрный университет (КубГАУ). В этом вузе с 25 сентября 2000 г. трудился профессором кафедры гражданского и международного частного права, а с 1 сентября 2004 г. по настоящее время работает заведующим кафедрой гражданского права.

В. П. Камышанский является автором более 450 научных и учебно-методических работ, в том числе около 40 монографий, учебников и учебных пособий. Основное направление его научных исследований – разработка теоретических основ правового регулирования отношений собственности на современном этапе, возникающих при обороте объектов недвижимого имущества, приватизации и национализации имущества, резервировании и изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд, а также ограничения и обременения права собственности.

Результаты научных исследований приносят существенный вклад в теорию пределов и ограничений гражданских прав, в первую очередь за счет разработки концептуального понятия «ограничение права собственности», отражающего сужение возможностей собственника по осуществлению субъективного права собственности. Проведенные исследования ограничений права собственности позволили создать новое направление в науке гражданского права: теорию пределов и ограничений права собственности.

В многочисленных научных исследованиях теоретически обосновано понятие усмотрения собственника как правомерной, властной, интеллектуально-волевой деятельности по выбору наиболее оптимального варианта реализации предоставленных правомочий в отношении имущественных благ, обеспечивающих наиболее полное удовлетворение его интересов с учетом прав и законных интересов третьих лиц и общества в целом, предложена общая классификация ограничений права собственности. Особое внимание в своих работах В. П. Камышанский уделил определению соотношения понятий ограничения права и ограниченного вещного права как обременения, вызывающего ограничения субъективного права собственности.

Сформулированные научные выводы нашли воплощение в целой серии монографий: «Право собственности: пределы и ограничения» (М., 2000), «Ограничения права собственности» (СПб., 2000), «Пределы и ограничения права собственности» (Волгоград, 2000), «Актуальные проблемы права собственности» (Краснодар, 2008), «Право собственности и приватизация предприятий в России на рубеже веков» (М., 2008), «Приватизация предприятий. Право собственности» (М., 2009), «Гражданское правоотношение: социально-психологический аспект» (М., 2016), в главе 4 «Вещное право» пятого тома «Гражданское право России» монографии «Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России», изданной в 12 томах под редакцией А. А. Демичева, Р. Л. Хачатурова (М., 2021) и др.

Многие научные разработки включены в содержание учебной литературы, изданной, например, в 2007–2011 гг., необходимой для изучения курса гражданского права. Совместно с Н. М. Коршуновым и В. И. Ивановым в качестве одного из редакторов Владимир Павлович обеспечил издание учебников по гражданскому праву, в том числе первого в России учебника по

гражданскому праву (2011) в двух томах для бакалавров по специальности «юриспруденция». В 2024 г. под общей редакцией В. П. Камышанского вышло в свет в издательстве «ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право» второе издание, переработанное и дополненное, учебника «Гражданское право» для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». Учебник подготовлен авторским коллективом профессионалов высокого уровня, который объединил цивилистическую Россию от Краснодара и Севастополя до Перми и Тюмени, от Санкт-Петербурга и Москвы до Томска и Иркутска. В составе авторского коллектива – 22 доктора юридических наук и профессора по научной специальности 5.1.3 Частно-правовые (цивилистические) науки. Издание удостоено золотой медали «Профессиональный учебник за вклад в развитие науки и высшего образования в Российской Федерации и стран СНГ». Наряду с этим В. П. Камышанский внес значительный вклад в методическое обеспечение учебного процесса по дисциплинам гражданско-правового цикла .

Исследование теоретических проблем ограничения права собственности видится особенно актуальным на современном этапе развития гражданского законодательства, в условиях его модернизации. В своих работах Владимир Павлович особое внимание уделяет ограничениям права собственности и пределам осуществления права собственности с формулированием предложений по содержанию и форме закрепления института ограничений права собственности в Гражданском кодексе (ГК) РФ. Особое значение имеет и авторская оценка целесообразности закрепления соседских прав в ГК РФ в соотношении с ограничениями прав собственника .

При этом отличительной чертой научных разработок, подготовленных В. П. Камышанским, является не только их теоретический, фундаментальный характер, но и практическая направленность, оценка текущего состояния гражданского законодательства, постановка актуальных проблем и выработка путей их преодоления в целях защиты имущественных прав граждан и юридических лиц. Среди таких работ можно выделить монографию «Реконструкция Краснодара: законность и целесообразность (проблемы соотношения)» (Краснодар, 2006), получившую широкое признание и научной общественности, и тысяч жителей города Краснодара, имущественные права которых были существенно ограничены в связи с принятием

решения о резервировании около 2 000 га земель центральной части исследуемого города.

В качестве примера практического значения избираемых научных направлений выступают и актуальнейшие исследования правового режима земельных участков из состава земель курортов, определения их особенностей как объектов гражданских прав и позиции о нецелесообразности ограничения их оборота, правового регулирования сельского туризма, энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии, деприватизации и национализации, правового регулирования отношений в сфере цифровизации экономики и искусственного интеллекта. В. П. Камышанский поддерживает постоянную связь с практикой, осуществляет научное сотрудничество с арбитражными судами, органами законодательной и исполнительной власти. Он является членом экспертно-консультативного совета Комитета Законодательного Собрания Краснодарского края по вопросам законности, правопорядка и правовой защиты граждан. Им подготовлены десятки предложений по совершенствованию правоприменительной практики и законодательства, регулирующего отношения в сфере гражданского оборота, в том числе в Государственную Думу РФ.

Уникальные личностные качества, творческое мышление, организаторский талант в сочетании с высокой работоспособностью позволяют Владимиру Павловичу претворять в жизнь самые смелые, продуктивные и жизнеспособные идеи. По его инициативе и при непосредственном участии 27 августа 2009 г. в Краснодаре создан Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права (НИИ АПСР) как консолидирующий центр целого ряда научных школ ученых-цивилистов России, экспериментальная площадка для поиска и вовлечения в активный научный поиск талантливой молодежи. НИИ АПСР обеспечивает организационные предпосылки для интеграции юридического образования, юридической науки и юридической практики, вовлечение в научно-исследовательскую и просветительскую работу наиболее способной молодежи из числа бакалавров, магистрантов, аспирантов, а также юристов-практиков, в частности судей, адвокатов, государственных служащих и др.

На протяжении девяти лет, ежегодно, НИИ АПСР совместно с юридическим факультетом КубГАУ и Краснодарским

региональным отделением Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» проводит круглые столы, Международную научно-практическую конференцию (симпозиум) молодых исследователей «Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал» и Национальную научно-практическую конференцию (симпозиум) «Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития», вовлекая в научную работу сотни бакалавров, магистрантов и аспирантов. По итогам конференций издаются сборники научных статей с размещением в РИНЦ. За истекший период НИИ АПСР издано 15 монографий из серии «Молодые ученые России и стран СНГ», три монографии – из серии «Золотой фонд юридической науки. 21 век».

В. П. Камышанский осуществляет издательскую деятельность с целью пропаганды и популяризации результатов научных исследований современных ученых-юристов. Является главным редактором федерального научно-практического журнала «Власть Закона» (входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК Министерства науки и высшего образования РФ, категория К2), учрежденного НИИ АПСР, членом редакционных советов ряда периодических научных изданий. Среди них – «Гражданское право», «Вопросы права», «Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права», «Актуальные проблемы правоправедения», «Бизнес, менеджмент и право», «Право и управление» и др.

Под его руководством создана и работает научная школа по проблемам осуществления и защиты имущественных прав граждан и юридических лиц. В. П. Камышанский в качестве научного руководителя подготовил более 70 кандидатов юридических наук из числа аспирантов и соискателей. В течение 15 лет являлся ученым секретарем диссертационных советов по юридическим наукам в Волгограде и Краснодаре.

У Владимира Павловича большая и дружная семья. Старшие дети, сын Андрей и дочь Светлана, завершив обучение в Волгоградской академии МВД РФ, защитили кандидатские диссертации. Светлана по окончании магистратуры Калифорнийского университета в Беркли успешно сдала экзамен на адвоката по штату Калифорния, и сегодня ее коллегия адвокатов в Сан-Франциско входит в топ 3 % лучших. Давид, майор полиции, возглавляет ответственный участок работы в

миграционной службе Краснодарского края. Младшая дочь Диана после окончания факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова работает в аппарате Государственной Думы РФ. Дополним, что у В. П. Камышанского семь внуков и внучек, которые с детского сада и начальных классов школы впитали в себя любовь к Отечеству. София получает уроки патриотического воспитания, являясь членом юнармейского класса в школе. Сашуня и Владислав учатся в университете и находятся в активном творческом поиске будущего призвания. Все они хорошо знают свои исторические корни, гордятся Родиной, бабушкой и прабабушкой, Павлом Николаевичем Камышанским, который в 17 лет, в 1942 г., воевал под Сталинградом, затем участвовал в Курской битве, освобождении Харькова, Будапешта. А в 1945 г. в Вене он встретил Победу в свои 20 лет. Со всеми семейными заботами и хлопотами успешно справляется Александра, жена Владимира Павловича, известная исключительным радушием, энергией и гостеприимством.

За успехи в научно-педагогической деятельности наш юбиляр неоднократно поощрен. Является почетным работником высшего профессионального образования РФ, действительным членом Российской академии юридических наук. Награжден медалями «За безупречную службу» III степени, «200 лет МВД России», нагрудным знаком «За отличную службу в МВД», Почетной грамотой Министерства науки и высшего образования РФ (2021), Почетной грамотой Департамента образования Краснодарского края за участие в краевом конкурсе «Лучший инновационный проект среди преподавателей высших учебных заведений Краснодарского края (2000)». Неоднократно награжден Почетными грамотами КубГАУ. За многолетний добросовестный труд, большой личный вклад в подготовку высококвалифицированных специалистов отмечен Благодарностью главы администрации Краснодарского края (2007). Постановлением главы администрации Краснодарского края в 2011 г. В. П. Камышанскому присуждено почетное звание «Заслуженный деятель науки Кубани».

Талант педагога, профессионализм, добросовестность и требовательность в сочетании с принципиальностью, внимательным отношением к коллегам и ученикам на протяжении многих десятилетий вызывают уважение и признательность. От всего сердца желаю Владимиру Павловичу

дальнейших профессиональных успехов, новых научных достижений, конструктивных идей и мудрых решений.

*П. М. Филиппов
профессор кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
почетный работник высшего
профессионального образования РФ*

Раздел

Актуальные проблемы современного права

К. Х. Ибрагимов
профессор кафедры
гражданского права и процесса
Чеченского государственного университета
имени А. А. Кадырова,
главный научный сотрудник
лаборатории социально-политических исследований
Комплексного научно-исследовательского института (КНИИ)
имени Х. И. Ибрагимова
Российской академии наук (РАН)
Россия, г. Грозный
7800467@mail.ru

**ДЕМОКРАТИЯ НОВОЙ РОССИИ
И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЕДИНСТВО**

THE DEMOCRACY OF NEW RUSSIA AND STATE UNITY

В статье рассмотрены некоторые аспекты соотношения демократии и государственного единства в Российской Федерации (РФ). Утверждается, что какую бы разновидность демократии не демонстрировал общественный строй будущей России, ее идентификация будет проходить строго по линии, господствует ли в этой стране верховенство закона или наоборот. Акцентировано внимание на том, что для российской демократии на современном этапе важнейшей целью должно быть обеспечение равенства и прав, и возможностей, как в гарантировании молодежи возможностей всестороннего роста, так и равного доступа к ресурсам (природным, интеллектуальным, политическим, экономическим, культурным, иным). По мнению автора, нация не может существовать и без так называемого репродуцирования национальных ценностей. Поскольку «репродуцирование» последних является основной задачей демократии, а она, в свою очередь, не справляется с ней, то это свидетельствует о депрессии демократии и низкой эффективности в обеспечении государственного единства.

Ключевые слова: Российская Федерация, Конституция РФ, демократия, государственное единство, соотношение, национальные ценности, гражданская идентичность, федерализм, принципы демократии, сепаратизм.

The article considers some aspects of the correlation between democracy and state unity in the Russian Federation (RF). It is argued that

whatever kind of democracy the social order of the future Russia demonstrates, its identification will be strictly along the line of whether the rule of law prevails in this country or vice versa. The author emphasises that the most important goal of Russian democracy at the present stage should be to ensure equality of rights and opportunities, both in guaranteeing young people opportunities for comprehensive growth and equal access to resources (natural, intellectual, political, economic, cultural, etc.). In the author's opinion, a nation cannot exist without the so-called reproduction of national values. Since the "reproduction" of the latter is the main task of democracy, and it, in its turn, fails to cope with it, this indicates the depression of democracy and low efficiency in ensuring state unity.

Keywords: Russian Federation, Constitution of the Russian Federation, democracy, state unity, correlation, national values, civic identity, federalism, principles of democracy, separatism.

В соответствии с Конституцией РФ российский народ выбрал демократический путь развития. Как бы эту российскую демократию не называли – «специфической», «демократией по-русски», «с русской спецификой» или иной – это единственный путь обеспечения счастливой жизни российскому народу и единственная надежная основа поддержания в нашей стране долгосрочного, устойчивого государственного единства. Ничего предосудительного в российской специфике отправления демократии, на наш взгляд, не просматривается. Еще Ш. Монтескье утверждал: «Каждый народ имеет свое собственное государственное устройство; английское является государственным устройством англичан, и, если бы захотели дать его пруссакам, это было бы столь же абсурдно, как решение дать прусское государство туркам. Каждое государственное устройство есть только продукт, манифестация собственного духа данного народа и ступени развития сознания его духа»¹.

Худшей из практик заимствования чужого опыта обеспечения государственного единства является шаблонный, механический его перенос на российскую действительность без необходимой адаптации к специфическим условиям страны, как это осуществили в начале 90-х гг. прошлого столетия демократы первой волны. В истории России много примеров учета зарубежного опыта государственного строительства. Например,

¹ Монтескье Ш. О духе законов. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 290.

возможно, что первые русские цари наделяли своих солдат землей по опыту Македонской империи (IV в. до н. э.). М. Г. Григорьев писал: «В Македонии Филипп (отец Александра Македонского. – К. И.) сразу же после своего восшествия на престол начал награждать солдат землей. Теперь эти новые македонские землевладельцы были кровно заинтересованы в служении императору. Кроме того, их новое богатство дало им средства, чтобы экипироваться как новая македонская тяжелая пехота. Защищать своего короля теперь означало также защищать свои земли»¹.

Наиболее верное определение понятия «демократия» предложил ее апологет Ф. Закариа: «Демократия – это постоянно действующая, институционально закрепленная система, гарантирующая подотчетность обществу лиц, принимающих решения. Демократия – это система, при которой не элита манипулирует правилами, а правила существуют для того, чтобы регулировать действия элиты. В Соединенных Штатах эффективность подобной системы поддерживается судебной властью, вершиной которой выступает Верховный суд. ... Среди богатых стран по-настоящему недемократических государств в мире не осталось (здесь я не беру страны-нефтеэкспортеры). ... Вот почему стремление к верховенству закона есть необходимое условие модернизации страны и повышения благосостояния ее граждан»².

Можно ли считать Россию демократической страной в полном смысле этого слова? Подчиненность судебной системы страны Администрации Президента РФ вызывает справедливые сомнения относительно этого. Сомнения относительно перспектив демократии в России возникли и у доцента Софийского университета Д. Григоровой. Она пишет: «Демократические принципы закреплены в Конституции России 1993 г. Но чтобы быть по-настоящему демократической, Конституция РФ должна быть эффективно работающей, а закрепленные в ней нормы обладать действенным механизмом правового регулирования, а не только буквой закона. ... Россия – страна контрастов, “русская демократия” – тоже; ореол власти совместим со свободами

¹ Григорьев М. Г. Имперский строй Македонии IV в. до н. э. // Правовая реформа. 2023. № 1. С. 18.

² Закариа Ф. Если демократия «слишком нелиберальна», то это не демократия // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 21. С. 11.

современной демократии. Будет ли сохранен впредь хрупкий баланс между властью и обществом, не доходя до поглощения зарождающегося гражданского общества государством, это вопрос будущего, или испытание «евразийской демократии»¹.

Какую бы разновидность демократии не демонстрировал общественный строй будущей России, ее идентификация будет проходить строго по линии, господствует ли в этой стране верховенство закона или наоборот. К сожалению, сегодня вопрос в контексте этой проблемы остается неоднозначным и открытым. Поэтому лучшие умы России мечтает о счастливом будущем нашей страны проявляют в ностальгии об устойчивом и последовательно правовом государстве. Например, Ю. Скуратов пишет: «Я хочу, чтобы в России господствовало уважение к закону, к Конституции, к справедливости. И над этим необходимо работать всем. Не только юристам, но и простым гражданам. Обязательно законодателю, т.к. многие законы сегодня вызывают искреннее удивление. Важно соблюдение законов теми людьми, за которыми мы пристально наблюдаем. Моя самая большая мечта, чтобы соблюдение права стало нормой нашей жизни»².

Э. Армандо и В. Гонсалес утверждают: «Надо признать, что политические партии и их лидеры воюют больше в защиту своих интересов и голосов, чем для общего интереса. ... Национальные и глобальные экономические олигархии имеют огромную власть, что позволяет им доминировать и влиять на политических выборах в защиту своих интересов, и они также склонны продвигать недемократические идеалы для увеличения своих прибылей. Однако нельзя забывать, что, несмотря на свои серьезные недостатки, преимущества и возможности, предлагаемые демократией, делают ее предпочтительной любой альтернативе, тем более что другой вариант есть – авторитаризм. Плохая демократия всегда предпочтительнее хорошей диктатуры»³. Аналогичной точки зрения придерживаются С. Левицки и Д. Зиблатт: «Несмотря на все свои слабости и

¹ Григорова Д. Демократия по-русски, или демократия новой России // Обозреватель. 2012. № 3 (266). С. 21.

² Куда делся честный Генпрокурор и кандидат в президенты РФ Юрий Скуратов, пытавшийся посадить Чубайса и еще 780 чиновников // Дзен. 2023. 5 мая. URL: <https://dzen.ru/a/ZFR5sKqN7H6v6O7o> (дата обращения: 12.09.2023).

³ Armando E. V., Gonzalez W. C. La democracia: desde su triunfo a su declive // Iberoamerica. 2021. No. 4. P. 30.

несовершенства, демократия продолжает предлагать человечеству все больше и больше возможностей для свободы, достоинства и самореализации, чем любая другая существующая форма правления»¹.

В свою очередь, А. Турен заявляет: «Главное в демократии то, что она обеспечивает равенство не только прав, но и равенство возможностей и максимально ограничивает неравенство в распределении ресурсов»². Последнее является квинтэссенцией современной демократической мысли. Что еще может быть более актуальным для современных граждан России, особенно молодежи, чем «равенство прав, возможностей и доступа к ресурсам: природным, интеллектуальным, политическим, экономическим, культурным, всяким иным цивилизационным и т. д.»! Чтобы понять смысл этой сентенции, необходимо сравнить возможности для профессионального и духовного роста, которыми располагают дети российских состоятельных людей и простолюдинов. Разница колоссальна, и она четко осмысливается миллионами обездоленных молодых российских граждан, от воли которых будет зависеть настоящее и будущее состояние российской государственности. Вот почему у многих современных молодых людей и России, и других стран с аналогичной экономикой существует мечта попасть на работу в США. В этом смысле остается лишь позавидовать достижениям американской демократии, которые кратко можно охарактеризовать словами А. Токвиля: «Народ властвует в мире американской политики словно Господь Бог во Вселенной. Он – начало и конец всему сущему, все исходит от него и все возвращается к нему»³. Тем самым знаменитый ученый описывает сущность американской системы федерализма, в которой только за народом США признано верховенство полной и безоговорочной суверенности. Последняя заключается в том, что все полномочия народ делегирует Штатам, немногие из них – федеральной власти.

Важнейшим фактором, способствовавшим успехам диктаторского сталинского режима, считают то обстоятельство,

¹ *Levitsky S., Ziblat D. Cómo mueren las democracias. Barcelona: Editorial Planeta, 2018. P. 181.*

² *Touraine A. Qué es la democracia? México: Fondo de Cultura Económica, 2001. P. 28.*

³ *Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с фр.; предисл. Г. Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. С. 63.*

что партия большевиков широко открыла двери во власть детям простолюдинов, на что последние были бесправны веками от слова «совсем». Об этом справедливо пишет и С. Фицпатрик: «... Сталинский режим полагался на народную поддержку для легитимации в той же степени, что и на террор. Очищение общества от групп, считающихся “антисоветскими”, открыло новые возможности трудоустройства для целой когорты молодых граждан из рабочего класса, которые увидели драматическую социальную мобильность вверх, о которой они едва ли могли мечтать до революции. Эти “бенефициары” насилия стали яростно лояльны Сталину и советскому режиму. Им казалось, что обещание революции было выполнено. Они стали готовы защищать и поддерживать Сталина не вопреки террору, а благодаря ему»¹. В этом решении Сталина просматривается заимствование опыта Петра Великого, который при формировании Правительствующего Сената главный акцент делал на выходцев из простолюдинов: 2/3 состава Сената составляли выходцы из семей, не занимавших высокое положение в государстве². Но, в отличие от Петра Первого, сталинизм искал себе опору в молодежи из самых низов, низкая культура которых не ограничивала их в совершении любых бесчеловечных преступлений, лишь бы это было в угоду тирану.

Один представитель старшего поколения сетует на молодежь: «Какая-то она несуразная. Нету у нее ни физического здоровья, ни силы духа, ни воли, ни устремлений к светлому будущему, чего было у нас в нашей молодости в избытке». Другой ему отвечает: «А что ты еще хотел ожидать от современной молодежи, которая только и питается “химией” из магазинов! Поэтому у них и нету ни физического, ни духовного здоровья. Корпус тела вроде бы и есть, и на редкость крупный, но – “хилый”. А какие устремления у них могут быть: ... что, кому-нибудь из них, власть в последние полвека позволяла проявлять волю к постижению вершин управления страной или самостоятельно добиваться крупного экономического роста. За редким исключением, конечно, нет!»

¹ *Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999. P. 6–7.*

² *Ибрагимов К. Х., Ибрагимов А. К. Петр Великий и Правительствующий Сенат: монография. М.: ЮНИТИ, 2012. С. 293.*

Трудно не согласиться с приведенным мнением. Это и есть один из ответов на вопрос о том, почему множество россиян не поддерживают День народного единства, а следовательно, и единства российского государства. Не может же быть так, что одни на людях едят дорогие и вкусные яства, а другие смотрят на них и слюну глотают. По крайней мере, это не может происходить постоянно. Тем более что бедные знают о том, что богатые незаконно, точнее, создав «свои законы» и прикрываясь ими, присвоили себе природные ресурсы, принадлежавшие всем от рождения. Хотя Л. Н. Гончаренко и Э. Б. Авакова, видимо, не без доли лукавства свидетельствуют об обратном: «Сложившаяся к началу XXI в. историческая самоидентификация современной России ... выполняет в современных условиях ряд важнейших общенациональных функций: – ... закрепляет право россиян на освоение природных богатств своей страны»¹.

Согласно опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проведенного в 2017 г., «лишь 36 % россиян признались, что в День народного единства, отмечаемый 4 ноября и утвержденный в 2005 году, испытывают особые чувства, задумываются о прошлом и будущем страны»². Поскольку День народного единства должен символизировать общероссийскую гражданскую идентичность, а фактически это проявляется слабо, то это свидетельствует не только о глубоком кризисе индивидуальной идентичности, но и о кризисе идеалов демократии вообще. Это означает, что многие россияне не хотят признавать себя россиянами и не желают ассоциировать себя как с легендарным прошлым России, так и с ее будущим.

Еще более категоричным является следующее утверждение: «Национальная (цивилизационная) идентичность связана с осознанием единства нации в прошлом (историческая память), а соответственно, с ориентацией на сохранение ее в будущем, достигаемое посредством процесса естественного воспроизводства. Нация как исторически преемственный организм не может существовать без репродуцирования

¹ Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б. Историческая самоидентификация России: этапы становления и современные функции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 2. С. 144.

² Россияне о единстве нации. Чувство народного единства в обществе за прошедший год заметно окрепло // ВЦИОМ. 2017. 3 ноября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-o-edinstve-naczi> (дата обращения: 14.09.2023).

национальных традиций. Таким образом, ... национальная цивилизационная ориентированность является фактором, способным воспрепятствовать тренду депопуляции»¹. Дополним, что «нация ... не может существовать и без репродуцирования национальных» ценностей. Поскольку «репродуцирование» последних является основной задачей демократии, а она, в свою очередь, не справляется с такой задачей, то это свидетельствует о ее депрессии.

Неслучайно африканский ученый Р. Д. Оминабо пишет: «Демократию часто рассматривают как утилитарный инструмент, платформу, с помощью которой могут быть выражены и достигнуты основные человеческие добродетели и ценности. ... Демократические обещания (кандидатов в лидеры. – К. И.) – это ... государственные обязанности, которым должны быть привержены лидеры, потому что именно выполнение этих обещаний гарантирует легитимность и укрепляет доверие между гражданами и правительством. ... Демократия на всем африканском континенте не смогла послужить буфером для человеческих страданий и не смогла помочь объединить народы страны, – это из-за существующих разрывов между обещаниями и повседневной реальностью жизни граждан»².

Российские граждане должны учиться на современном опыте, к сожалению, кризиса государственного единства в африканских странах. В контексте этой проблемы в Абудже состоялся диалог под названием «Демократическое единство государства», который отразил настроения континента на фоне недавней тенденции к политическим переворотам и общих проблем демократического спада. Основной докладчик Абдулай Батили в своем толковании современных проблем Африки и кризиса демократии и государственного единства говорил о следующем: «Мы не создали государство для граждан, которых следует рассматривать как лиц с равными возможностями и равным обращением на всех уровнях. ... Нынешний кризис государства является отражением кризиса лидерства на

¹Историко-страновой анализ. Фактор III – национальная (цивилизационная) идентичность Российского государства // Vuzdoc. URL: https://vuzdoc.org/147883/sotsiologiya/istoriko_stranovyy_analiz_faktor_natsionalnaya_tsivilizatsionnaya_identichnost_rossiyskogo_gosudarstva (дата обращения: 11.09.2023).

²Ominabo D. Democracy and unity of the state // TheCable. December 7. 2021. URL: <https://www.thecable.ng/democracy-and-unity-of-the-state> (дата обращения: 11.09.2023).

африканском континенте. Нам нужно качественное руководство на африканском континенте, дальновидное руководство, вооруженное новым кодексом управления, новой этикой, сострадательное руководство, образованное руководство. ... Лидерство – это не тот, кто все знает, кто притворяется, что все знает или способен все знать, а тот, кто учится у других»¹. Чтобы достичь единства на континенте, по мнению Батили, «нужно построить новое государство, в котором будут жить все граждане, независимо от их этнического, культурного или религиозного происхождения. Государство, которое будет ставить заслуги во главу угла продвижения»².

Таким образом, силовые методы африканских стран по сохранению государственного единства в борьбе с сепаратизмом показали их абсолютную безуспешность. России в случае возможного возникновения очередной «Чечни», по-видимому, необходимо взять на вооружение опыт мирного урегулирования конфликтов, приобретенный в европейских странах: Великобритании относительно Северной Ирландии и Шотландии, Испании относительно Каталонии и Страны Басков, Франции относительно сепаратистских настроений на Корсике и т. д. В этих странах сепаратистские движения нейтрализуют применением таких средств, как мирные переговоры с лидерами повстанцев, организация воспитательной работы по формированию любви к большой Родине и культивированию ответственного отношения к сохранению ее целостности, защите единства государства, предоставление широкой автономии регионам, которые ранее настаивали на отделении от государства, и др.

В преамбуле Конституции РФ, главной конструкции и базовом механизме нашей страны, содержатся слова «сохраняя исторически сложившееся государственное единство». В содержании Основного закона страны слово «единство» упоминается еще два раза: «единство системы государственной власти» (ч. 3 ст. 5), «единство экономического пространства» (ч. 1 ст. 8). Естественно, у ученых и практиков, да и у рядовых граждан, систематически возникает вопрос о том, что представляет собой категория «государственное единство», на

¹ Bathily A. Democracy and unity of the state // TheCable. December 7. URL: <https://www.thecable.ng/democracy-and-unity-of-the-state> (дата обращения: 15.09.2023).

² Там же.

которую неоднократно сделан акцент в Конституции РФ. И справедливо, поскольку без определения природы данной категории невозможно будет решить множество вопросов, детерминирующих поступательное функционирование такого многонационального государства, как Россия.

Часть 3 ст. 5 Конституции РФ гласит: «Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации»¹. В этом перечне конституционных принципов, составляющих более обобщающее правовое образование (принцип федерализма), наиболее приоритетным является принцип единства системы государственной власти, поскольку при его отсутствии не может быть и речи о возможностях нормального функционирования остальных конституционных принципов, будь то принцип государственной целостности или принцип разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, или принципы суверенитета и демократизма и т. д.

Принцип государственного единства – самый главный принцип, своеобразный «оберег» любой страны. Именно приоритет данного принципа как ключевого позволил высшим органам публичной власти России в конце 1990-х – начале 2000-х гг. спасти страну от сползания к неминуемому хаосу и распаду. Следование этому принципу позволило Президенту РФ В.В. Путину сконструировать жесткую, эффективную конструкцию иерархии власти от центра государства к его периферии. Это не только способствовало оперативному приостановлению прогрессирующего деструктивных процессов в стране, но и восстановлению устойчивого правопорядка, действенного

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=ltjz4nt7f2532349513 (дата обращения: 20.11.2023).

взаимодействия и должного соподчинения всех ветвей государственной власти.

В истории стран, по крайней мере России, трудно найти аналогичное эффективное решение такой судьбоносной проблемы, как быть государству или не быть. Его суть состоит в том, что исполнительная власть в России в соответствии с функциями передана министерствам и ведомствам. Но суммарная результирующая этих эффективных структур ни в коей мере не отражает арифметического (два плюс два равно четыре) и может оказаться цифрой 8 или 10, что вполне укладывается в законы синергетической логики.

Без преувеличения укажем, что вторым после начала административной реформы в 2003 г. этапом упрочения государственного единства РФ являются реформаторские преобразования Конституции РФ, предусмотренные проектом Закона о поправке к Конституции РФ от 20 января 2020 г. «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации публичной власти», оформившим предложения, заявленные в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ 15 января 2020 г. Полного отвержения заслуживает выдвинутая известным ученым славянофильная концепция новых доктринальных принципов в сфере соотношения государственного единства и прав народов на самоопределение применительно к национальным республикам внутри многонациональных государств. К ним он относит следующие: «Субъектом самоопределения являются все граждане республик, и только при обеспечении базового равноправия возможна особая поддержка культур и языков титульных народов; земля принадлежит тем, кто на ней проживает, а право на территорию и пользование ресурсами путешествует вместе с гражданином; исторические аргументы и насилие не могут служить основанием для определения или изменения границ и статусов образований».

Фабула этой умозрительной концепции такова: на любом лакомом куске национальной земли, особенно богатой золотом, нефтью, газом или отличающейся отменным плодородием и оросительной водой, высаживают иностранный мигрантский десант. В итоге он является полным хозяином данной территории, и не имеет значения то обстоятельство, что за этот лакомый кусок земли веками отдавали драгоценные жизни целые поколения коренного населения. Если бы этой концепции

суждено было бы сбыться, то горе было бы русскому народу: десанты кавказских и среднеазиатских народов тут же заняли бы самые драгоценные территории России, которые сегодня в основном пустуют, и федеральная власть ничего не смогла бы сделать в таких случаях, поскольку это прописано в ею принятом законе.

Некоторые горе-ученые называют данную концепцию интересной, обещающей России большие радужные перспективы. Все они, полагаем, готовы на ура принять любые концепции, направленные против интересов кавказских народов. Их зашкаливающая и выходящая за любые рамки неприличия ненависть к кавказцам не позволила бы увидеть в этих концепциях куда большее зло, которое они тем самым посулят своему многострадальному русскому народу.

Государственное единство – это прежде всего единство народа, затем единство этого народа с властью, то есть с лучшими среди них, кого они избрали. Казалось бы, единство государства – арифметическая сумма государствоведческих настроений и воля граждан каждой страны, плюс такие же ментальные доминанты у каждого из власть предержащих. В действительности в данном процессе один плюс один не может быть равно двум. Как правило, бывает и 4, и 6, и 8, то есть действует синергетический эффект. Очевиден тот факт, что, если люди проявляют в едином порыве солидарность в достижении чего-то хорошего, богоугодного, Всевышний от Себя им оказывает помощь, и результата эти люди достигают быстро.

Приведем пример. Однажды в селе, к сожалению, сгорел дом. У чеченцев исстари ведется, что среди селян объявляют субботник (по-чеченски «белхи»). Собрались 30 молодых людей. И они за день воздвигают на уцелевшем фундаменте из сохранившегося саманного кирпича стены, а затем, к концу дня, успевают и накрыть дом крышей из шифера. Дом размером 12 на 8 м. Трудно поверить, но это – факт. Хозяин дома самостоятельно, без помощников, за 30 дней не выполнил бы такую работу. Сплоченная группа молодых людей показала, что их единство, их общая одержимость намного сильнее простого арифметического сложения усилий отдельных людей. Видимо, Бог смилостивился над погорельцами, придал волонтерам недюжинную силу и волю к оказанию этой спасительной помощи.

Такого рода примеров существует множество. В 1909 г. Ф. У. Лестер предпринял попытку обосновать социальную

синергетику как универсальную форму космической синергии и созидательно творящую силу Природы следующим образом: «Я охарактеризовал социальную борьбу как центробежную, а социальную солидарность как центростремительную. И то, и другое по отдельности приводит к пагубным последствиям. Борьба по сути разрушительна для социального порядка, в то время как коммунизм устраняет индивидуальную инициативу. Одно ведет к беспорядку, другое – к вырождению. Чего не видно – истины, которая не имеет толкователей, – так это того, что благотворное, конструктивное движение заключается в должным образом упорядоченном сочетании и взаимодействии обоих этих принципов. Это социальная синергия, которая является формой космической синергии, универсального созидательного принципа»¹.

Думается, что достижение государственного единства будет невозможным без солидарной воли народа на это. Сегодня мир бурлит вследствие бифуркационных процессов, и интересы сохранения российской государственности крайне остро нуждаются в единстве народа и его сплочении вокруг своей верховной власти. По сути, идет бескомпромиссная война между добром (Россия за равный и справедливый, гуманный миропорядок) и злом (Запад пытается создать новый миропорядок, чтобы продолжать безраздельное господство миром, прикрываясь демократией). В этих беспрецедентных условиях российский народ в целях достижения оптимального для человечества приемлемого мироустройства, сохранения единства нашего государства в интересах настоящего и будущих поколений россиян обязан проявить социальную солидарность и как один встать на борьбу против общего врага рода людского.

В переживаемый Россией и человечеством в целом грозный исторический период, когда над страной нависла угроза потери государственного единства и территориальной целостности, род людской как один должен проявить массовую непримиримую ненависть к коллективному Западу – этой адовой кузне тлетворных ценностей, зачинателю и разжигателю военных конфликтов на Украине и в Израиле, пытающихся столкнуть мир в пекло ядерной войны и разрушить любые попытки доброй воли

¹ *Ward L. F. Glimpses of the Cosmos. 1918. Vol. VI (1897–1912). New York, London:*

G. P. Putnam's Sons, 1918. P. 358.

среди людей, попытки к приостановлению войны и достижению на Земле стабильного мира.

Библиографический список

1. Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б. Историческая самоидентификация России: этапы становления и современные функции // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2019. № 2. С. 132–147.
2. Григорова Д. Демократия по-русски, или демократия новой России // Обозреватель. 2012. № 3 (266). С. 15–22.
3. Григорьев М. Г. Имперский строй Македонии IV в. до н. э. // Правовая реформа. 2023. № 1. С. 12–18.
4. Закариа Ф. Если демократия «слишком нелиберальна», то это не демократия // Международные процессы. 2009. Т. 7. № 21. С. 5–12.
5. Ибрагимов К. Х., Ибрагимов А. К. Петр Великий и Правительствующий Сенат: монография. М.: ЮНИТИ, 2012. 302 с.
6. Историко-страновой анализ. Фактор III – национальная (цивилизационная) идентичность Российского государства // Vuzdoc. URL: https://vuzdoc.org/147883/sotsiologiya/istoriko_stranovyy_analiz_faktor_natsionalnaya_tsivilizatsionnaya_identichnost_rossiyskogo_gosudarstva (дата обращения: 11.09.2023).
7. Куда делся честный Генпрокурор и кандидат в президенты РФ Юрий Скуратов, пыгавший посадить Чубайса и еще 780 чиновников // Дзен. 2023. 5 мая. URL: <https://dzen.ru/a/ZFR5sKqN7H6v6O7o> (дата обращения: 12.09.2023).
8. Монтескье Ш. О духе законов. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 495 с.
9. Россияне о единстве нации. Чувство народного единства в обществе за прошедший год заметно окрепло // ВЦИОМ. 2017. 3 ноября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-o-edinstve-naczii> (дата обращения: 14.09.2023).
10. Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с фр.; предисл. Г. Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. 559 с.
11. Armando E. V., Gonzalez W. C. La democracia: desde su triunfo // Iberoamerica. 2021. No. 4. P. 30–57.

12. Bathily A. Democracy and unity of the state // TheCable. December 7. 2021. URL: <https://www.thecable.ng/democracy-and-unity-of-the-state> (дата обращения: 15.09.2023).

13. Ominabo D. Democracy and unity of the state // TheCable. December 7. 2021. URL: <https://www.thecable.ng/democracy-and-unity-of-the-state> (дата обращения: 15.09.2023).

14. Touraine A. Qué es la democracia? México: Fondo de Cultura Económica, 2001. 309 p.

15. Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s. New York: Oxford University Press, 1999. 288 p.

16. Levitsky S., Ziblatt D. Cómo mueren las democracias. Barcelona: Editorial Planeta, 2018. 336 p.

17. Ward L. F. Glimpses of the Cosmos. Vol. VI (1897–1912). New York, London: G. P. Putnam's Sons, 1918. 462 p.

В. Н. Коваль

профессор кафедры
«Гражданское право и процесс»,
директор Юридического института Севастопольского
государственного университета, доктор юридических наук
Россия, г. Севастополь
v.n.koval@mail.sevsu.ru

**ПРОБЛЕМЫ УЧЕТА ЧАСТНОПРАВОВЫХ ИНТЕРЕСОВ
В ПРОЦЕССЕ РАЗРАБОТКИ ПРАВОВОЙ КОНЦЕПЦИИ
ЭКОЛОГИИ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ**

**PROBLEMS OF TAKING INTO ACCOUNT PRIVATE LEGAL
INTERESTS IN THE PROCESS OF DEVELOPING THE LEGAL
CONCEPT OF THE ECOLOGY OF THE CITY OF SEVASTOPOL**

Статья посвящена определению современных теоретико-методологических и практических подходов к содержанию правовой концепции экологии города федерального значения Севастополя с точки зрения обеспечения частноправовых интересов при реализации государственной политики в данной сфере. Проанализированы место и роль частноправовых интересов в формировании экологической политики, выявлены особенности создания комплексного эколого-правового регулирования. Предложены авторские выводы и

рекомендации, направленные на формулирование аргументированного представления о правовой концепции городской экологии и механизмах учета в ней частноправовых интересов на примере г. Севастополя. Показано, что необходимым нормативным и институциональным условием формирования качественных и достаточных доктринально-концептуальных предпосылок для экологического правотворчества в Севастополе являются разработка и принятие в качестве самостоятельного специального документа экологической концепции. Сформулирована позиция о том, что перспективная экологическая концепция должна учитывать частноправовые интересы населения всех внутригородских районов.

Ключевые слова: правовая концепция, экология, экологическая политика, город федерального значения Севастополь, частноправовые интересы, экологические правоотношения, экологическое законодательство, разработка нормативных правовых актов.

The article is devoted to the definition of modern theoretical, methodological and practical approaches to the content of the legal concept of ecology of the city of federal significance Sevastopol from the point of view of ensuring private legal interests in the implementation of public policy in this area. The place and role of private legal interests in the formation of environmental policy are analysed, the peculiarities of creation of complex environmental-legal regulation are revealed. The author's conclusions and recommendations aimed at formulating a reasoned idea of the legal concept of urban ecology and mechanisms of taking into account in it private legal interests on the example of Sevastopol are offered. It is shown that the necessary normative and institutional condition for the formation of qualitative and sufficient doctrinal and conceptual prerequisites for environmental law-making in Sevastopol is the development and adoption as an independent special document of the environmental concept. The position is formulated that the prospective environmental concept should take into account the private legal interests of the population of all inner-city districts.

Keywords: legal concept, ecology, environmental policy, the city of federal significance Sevastopol, private legal interests, environmental legal relations, environmental legislation, development of normative legal acts.

В современных условиях интенсивного развития городской инфраструктуры, включая транспортную и промышленную, урбанизации, устойчивого роста роли и значимости городов в увеличении экономического и социального потенциала государства и общества на первый план, помимо прочих, выходят концептуальные проблемы научного осмысления общих принципов построения и определения конкретного нормативного содержания правового регулирования объективно происходящих процессов, включая и экологические

проблемные аспекты, неизменно сопровождающие тенденции технологического обустройства городской среды.

Характеризуя общие основы соотношения между экологией, государственной экологической политикой как категорией государственного управления и правом, М. И. Васильева методологически верно показывает эту взаимосвязь следующим образом: «Государственная политика в сфере охраны окружающей среды определяет содержание и тенденции развития экологического законодательства. Право же является необходимой формой реализации государственной экологической политики. Такое соотношение экологической политики и права необходимо учитывать при оценке состояния современного законодательства и определении направлений его совершенствования»¹. На наш взгляд, именно такое видение места и роли действующего законодательства в обеспечении проведения сбалансированной и эффективной экологической политики должно стать основой при разработке концепции экологии города федерального значения Севастополя, найти отражение как в принимаемых нормативных положениях, так и в правоприменительной практике уполномоченных субъектов публичной власти.

Постоянно ускоряющееся и изменяющееся в количественном (экстенсивном) и качественном (интенсивном) измерениях технологическое, транспортное и промышленное освоение городских агломераций затрагивает частноправовые интересы как индивидов, так и юридических лиц, при этом и в плоскости экономической деятельности, и в контексте обеспечения конституционных и профильных экологических прав. Акцентируя внимание на актуальности и своевременности глубокого научно-практического поиска оптимальной концептуальной модели экологического правового регулирования, необходимо указать на то, что одной из основных задач городского права на сегодняшнем этапе его становления и развития как самостоятельной комплексной отрасли права представляется формирование комфортной и гармоничной городской среды для реализации личных потребностей городских

¹ Васильева М. И. Правовое обеспечение экологической политики. Приоритетные направления. М.: Институт устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации; Центр экологической политики России, 2011. С. 4.

жителей, выражаемых в действующем законодательстве в форме охраняемых правовыми нормами частноправовых интересов, содержащихся, кроме прочих нормативных правовых актов, в доктринах и концепциях как наиболее обобщенных, рамочных и целеполагающих документах.

Как пишет Н. Г. Жаворонкова в контексте места и роли концепций в системе источников экологического права, «эта форма правотворчества направлена на создание путем обобщений модели типизированных решений жизненных ситуаций определенного рода (т.е. рассчитанных на применение неопределенным кругом субъектов неопределенное число раз)...»¹. Обращая внимание на значение концепций в современных условиях развития российской правовой системы, Н. Г. Жаворонкова указывает на то немаловажное обстоятельство, что «...в настоящее время современное усиление и централизация власти повышают статус и эффективность доктрин (концепций), их воздействие на национальную правовую систему и на систему управления»².

С цитируемым мнением можно согласиться и сделать обобщающий вывод о том, что концепция (доктрина) как акт правового регулирования имеет ключевые сущностные признаки: а) устанавливает цели государственной политики, координирующие усилия механизма государства в желаемом направлении стратегического развития в той или иной сфере общественных отношений, включая экологическую; б) имеет системообразующий характер, то есть цементирует и объективирует дальнейшее нормативно-правовое наполнение предлагаемой концептуальной модели государственно-правового воздействия на соответствующие объекты государственного управления; в) создает необходимые предпосылки для разработки федерального и/или регионального законодательства в соответствующей сфере общественных отношений, то есть выступает в определенной степени первоисточником правотворческой деятельности уполномоченных субъектов, входящих в единую систему публичной власти; г) как правило, утверждается подзаконными актами высших федеральных

¹ Экологическое право: учебник для бакалавров / отв. ред. Н. Г. Жаворонкова, И. О. Краснова. М.: Проспект, 2016. С. 49.

² Экологическое право: учебник для бакалавров. Указ. соч.

органов государственной власти или органов государственной власти субъектов Российской Федерации (РФ).

Анализируя формирование экологических доктрин и концепций, которые, учитывая общие признаки, цели, задачи и юридические последствия, вполне допустимо объединить родовым наименованием «официальные документы доктринально-концептуального характера», необходимо подчеркнуть, что в России, на федеральном уровне, принята Экологическая доктрина Российской Федерации, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р¹. Как можно понять из даты принятия, позитивное значение для формирования оптимальной модели федерального экологического регулирования имело бы существенное обновление действующей либо принятие новой Экологической доктрины, поскольку за прошедшее с момента ее принятия и вступления в силу время изменились многие фактические обстоятельства, усилились вызовы и угрозы экологической безопасности, в том числе законным интересам физических лиц.

Рассматривая концептуальные основы экологической политики в городе федерального значения Севастополе, следует указать, что сегодня в системе городского законодательства отсутствует специальный программный, стратегический, целеполагающий, системообразующий документ доктринально-концептуального характера, посвященный основам сохранения и улучшения благоприятной экологической обстановки. Вместе с тем доля внимания целевым установкам экологического характера уделена в Стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 г., принятой в форме Закона Законодательным Собранием г. Севастополя и утвержденной губернатором г. Севастополя 21 июля 2017 г.² Пункт 5.8 этого документа под названием «Экологическая

¹ Экологическая доктрина Российской Федерации: утв. распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г. № 1225-р // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_92097/?ysclid=ltkdaouing342726266 (дата обращения: 25.11.2023).

² Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Севастополя до 2030 г.: закон г. Севастополя от 21 июля 2017 г. № 357-ЗС г. // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/43826216/?ysclid=ltkdehekt1579909604> (дата обращения: 25.11.2023).

политика», помимо ряда других концептуальных положений, в качестве приоритетного вопроса государственной экологической политики предусматривает решение вопроса об утилизации (мусоропереработке) ранее накопленных и вновь формируемых объемов твердых коммунальных отходов. В данном случае речь идет именно о направлении, имеющем жизненно важное, экзистенциальное значение для жителей города, поскольку объемы отходов бытовой и экономической жизнедеятельности постепенно увеличиваются до масштабов угрозы санитарно-эпидемиологическому, рекреационному и культурно-духовному благополучию граждан. Интересна и систематизация главных задач экологической политики в Севастополе. К ним отнесены строительство многофункционального комплекса по утилизации и обезвреживанию отходов; рекультивация свалки и полигона твердых коммунальных отходов; внедрение наилучших доступных технологий на промышленных и коммунальных объектах; развитие территориальной системы экологического мониторинга; обновление экологического флота для обслуживания судоходства; экологическая реабилитация водных объектов и благоустройство береговой зоны, в том числе пляжей и мест отдыха; охрана, защита и воспроизводство лесов.

Вместе с тем, на наш взгляд, масштабность и приоритетность решения экологических проблем и формирования целостной государственной экологической политики, о которых аргументированно пишет С. Н. Русин¹, детерминируют необходимость принятия специального документа доктринально-концептуального характера (на уровне города, как показывает существующая практика, целесообразно принять документ с наименованием «концепция экологии», «концепция экологической политики» либо «экологическая концепция»², что наиболее точно отразило бы суть принимаемого источника экологического правового регулирования), посвященного экологическому развитию Севастополя, основное место в котором было бы уделено всемерному учету и полноценному обеспечению частнопроводных экологических

¹ Русин С. Н. Формирование экологической политики в условиях современных вызовов // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3. С. 131.

² Закондырин А. Е., Липина С. А. Экологические концепции: сравнительный анализ // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4. С. 7.

интересов жителей города, включая формирование эффективной модели решения задач по переработке мусора, в достаточной степени ощущаемой по мере увеличения потребления и усиления процесса урбанизации в современном российском обществе. Например, Ю. А. Пивоваров в данном контексте выделяет «экологическое неблагополучие урбанизации» среди наиболее заметных особенностей урбанизации в России¹.

В Республике Крым и городе федерального значения Севастополе представители гражданского общества выступали с рядом инициатив, связанных с разработкой и принятием доктрин и концепций экологической направленности, которые не предлагали ограничивать исключительно экологическим содержанием в узком смысле этого понятия. Так, Союз строителей Севастополя в последние годы выступал с инициативой о принятии Концепции устойчивого развития г. Севастополя, который, как полагает А. В. Смоленкова, помимо вопросов экологии, должен был бы включать в себя, например, механизмы обеспечения устойчивого водоснабжения Крыма и Севастополя². Нам представляется правильным подход, направленный на разработку и принятие специальной экологической концепции, которая находилась бы в общем русле как целей социально-экономического развития Севастополя, так и оптимальной формулы его устойчивого развития в качестве комплексной междисциплинарной категории, но в то же время имела бы свой четко выделенный предмет приложения усилий в целом городской институциональной системе публичной власти.

В связи с первоочередным значением частноправовых интересов жителей города при выработке концептуальных основ экологической политики прежде всего необходимо выделить основные принципы обеспечения частноправовых интересов в экологической концепции города с учетом фактических проблем и особенностей влияния на окружающую природную среду, которые имеют повышенную актуальность для Севастополя. Ключевым из таких принципов является приоритет повышения качества жизни населения при разработке экологической

¹ Пивоваров Ю. А. Основы геоурбанистики: урбанизация и городские системы. М.: ВЛАДОС, 2000. С. 48.

² Смоленкова А. В. Устойчивое развитие города Севастополя после вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации // *Colloquium-Journal*. 2021. № 2. С. 21.

концепции города¹. Реализация этого принципа органично и неотъемлемо связана с полноценным решением задачи систематического, прогнозируемого и планового улучшения качества окружающей природной среды, что предполагает постоянное управление таким качеством со стороны институциональных структур городской государственной власти. Очевиден тот факт, что в экологической концепции как нормативном правовом акте обязательно должно быть установлено соотношение функций и полномочий органов государственной власти, точно и обстоятельно раскрыта их система, показаны особенности и пределы применения координационного и субординационного методов при достижении поставленных стратегических и тактических целей устойчивого экологического развития городской территории с учетом законных частноправовых интересов проживающих на ней жителей².

Вместе с тем частноправовые экологические интересы имеют своей принципиальной основой и юридическим первоисточником публично-правовую императивную конституционную норму о праве каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением (ст. 42 Конституции РФ)³. Данное субъективное конституционное право реализуется в форме индивидуального частноправового законного интереса каждого физического лица. Как вполне аргументированно поясняют содержание юридической конструкции «законный интерес индивидуальных носителей» М. С. Матейкович и В. А. Горбунов, «понятие законного интереса в основном рассматривается в контексте таких отношений между субъектами, как человек – человек, человек – гражданин,

¹ Егорова А. А., Ужегов А. О. Повышение качества жизни населения индустриальных регионов: возможности применения «тройной спирали» // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11. С. 69.

² Каширигур М. М. Применение концепции устойчивого развития в городской структуре // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2023. Т. 25. № 1. С. 38.

³ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=ltjz4nt7f2532349513 (дата обращения: 20.11.2023).

гражданин – гражданин, человек (гражданин) – общество, человек (гражданин) – государство (местное самоуправление)... Обязательным участником этих отношений выступает индивидуальный субъект (человек, гражданин, лицо без гражданства, иностранный гражданин)». Из приведенного утверждения сделан обоснованный вывод о том, что «личность является основным носителем законного интереса»¹. Поэтому, если мы говорим о законных интересах индивида в экологической сфере, следует иметь в виду именно частноправовые интересы, направленные на реализацию личных потребностей человека, признанных и последовательно обеспечиваемых на конституционном и профильном законодательном уровнях.

Другим основополагающим принципом обеспечения частноправовых интересов в перспективной экологической концепции Севастополя должна стать прямо предусмотренная нормативно-правовыми актами обязательность оценки воздействия на окружающую природную среду любых действий, решений, мер, принимаемых органами публичной власти (государственными и муниципальными), поскольку сохранность окружающей природной среды, минимизация искусственно продуцируемых рисков для нее служат необходимым условием реализации индивидуальных и коллективных частноправовых интересов, ключевым из которых является доступ к благоприятной окружающей среде, находящейся в нормальном природном состоянии².

Еще в качестве одного принципа, как нам представляется, следует рассматривать инклюзивность (вовлеченность) институтов гражданского общества и жителей города в формирование и реализацию городской экологической концепции. Это предполагает, помимо других механизмов, общественное обсуждение проекта экологической концепции перед ее внесением в сессионную повестку дня Законодательного Собрания. В экологической концепции должны быть отражены содержание и оптимальные механизмы решения наиболее

¹ Матейкович М. С., Горбунов В. А. Законные интересы в конституционном праве. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 61–62.

² Спиридонов Д. В. Оценка воздействия на окружающую среду: ретроспективный обзор и современное состояние // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2. С. 97.

актуальных экологических проблем, оказывающих негативное воздействие на частноправовые интересы физических и юридических лиц.

В городе федерального значения Севастополе (под которым обобщенно понимают управляемую органами городской государственной власти территорию города и прилегающих районов, в совокупности образующих десять муниципальных внутригородских районов), на наш взгляд, к таким проблемам относятся следующие:

1. Проблема необходимости многократного наращивания темпа переработки твердых коммунальных отходов в условиях интенсивной урбанизации, о которой упомянуто выше. Общеизвестным способом ее решения является построение эффективного и технологично современного мусороперерабатывающего завода на территории города федерального значения Севастополя.

2. Проблема резкого увеличения автомобильных выбросов в связи с постоянным ростом количества транспортных средств, в том числе имеющих значительные объемы мощности двигателей. Это можно смягчить такими мерами, как популяризация электротранспорта, создание удобных и комфортных условий работы общественного транспорта, своевременный ремонт дорожного покрытия, строительство новых удобных транспортных развязок с целью минимизации дорожных «пробок».

3. Проблема сохранения природных пейзажей, рекреационных свойств прибрежных территорий, биологического баланса и разнообразия флоры и фауны в условиях постоянного роста промышленности, туристической индустрии, торговли, транспортной инфраструктуры. Для решения указанной проблемы необходим комплекс охранных мер, согласительных процедур в рамках реализации программ государственно-частного партнерства, введения административных запретов, подкрепленных неотвратимостью наступления юридической ответственности за их нарушение, сочетания экономической целесообразности и учета экологических интересов при построении типовой модели обеспечения частноправовых интересов в государственной экологической политике города.

В результате проведенного исследования актуальных проблем учета частноправовых интересов в процессе разработки правовой концепции экологии города Севастополя можно

сформулировать ряд важнейших научно-практических выводов: а) необходимым нормативным и институциональным условием формирования качественных и достаточных доктринально-концептуальных предпосылок для экологического правотворчества в Севастополе являются разработка и принятие в качестве самостоятельного специального документа экологической концепции, содержащей ключевые цели и задачи государственной городской экологической политики, а также систематизирующего основные экологические проблемы и механизмы их решения; б) экологическая концепция Севастополя должна быть приоритетно направлена на обеспечение индивидуальных и коллективных частноправовых интересов, возникающих на основе реализации субъективного конституционного права на благоприятную окружающую среду, гарантируемого ст. 42 Конституции РФ; в) наиболее актуальными проблемами, негативно воздействующими на частноправовые интересы и потребности в Севастополе, нуждающимися в должном отражении в доктринально-концептуальном экологическом документе при симметричном преломлении к практическим механизмам их устранения, являются многократное увеличение твердых коммунальных отходов в условиях урбанизации; увеличение транспортных выбросов как следствие резкого роста количества личного автомобильного транспорта; негативное воздействие на пейзажи, ландшафты, рекреационные свойства природных зон, флору и фауну города и пригородных территорий; г) перспективная экологическая концепция должна учитывать частноправовые интересы населения всех внутригородских районов, входящих в территорию города федерального значения Севастополя как субъекта РФ.

Библиографический список

1. Васильева М. И. Правовое обеспечение экологической политики. Приоритетные направления. М.: Институт устойчивого развития Общественной палаты Российской Федерации; Центр экологической политики России, 2011. 90 с.
2. Егорова А. А., Ужegov А. О. Повышение качества жизни населения индустриальных регионов: возможности применения «тройной спирали» // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 11. С. 69–80.

3. Закондырин А. Е., Липина С. А. Экологические концепции: сравнительный анализ // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4. С. 7–14.
4. Каширипур М. М. Применение концепции устойчивого развития в городской структуре // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2023. Т. 25. № 1. С. 35–49.
5. Матейкович М. С., Горбунов В. А. Законные интересы в конституционном праве. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 256 с.
6. Пивоваров Ю. А. Основы геоурбанистики: урбанизация и городские системы. М.: ВЛАДОС, 2000. 232 с.
7. Русин С. Н. Формирование экологической политики в условиях современных вызовов // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3. С. 131–140.
8. Смоленкова А. В. Устойчивое развитие города Севастополя после вхождения Республики Крым в состав Российской Федерации // Colloquium-Journal. 2021. № 2. С. 20–21.
9. Спиридонов Д. В. Оценка воздействия на окружающую среду: ретроспективный обзор и современное состояние // Право и государство: теория и практика. 2023. № 2. С. 97–101.
10. Экологическое право: учебник для бакалавров / отв. ред. Н. Г. Жаворонкова, И. О. Краснова. М.: Проспект, 2016. 376 с.

В. П. Павлов

профессор кафедры правового
регулирования экономической деятельности
Юридического факультета
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Москва
vppavlov@fa.ru

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ВЕЩНОГО
ПРАВА И ПРИВАТИЗАЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В РОССИИ**

**PROBLEMATIC ISSUES OF THE THEORY OF
PROPERTY LAW AND PRIVATISATION PROCESS IN RUSSIA**

В статье на основе анализа функциональной структуры вещных прав, характеризующей интеграционные процессы в предпринимательской деятельности разных субъектов, показаны принципиальная неотчуждаемость нетоварной формы собственности как навыков, которые трудовой коллектив государственного унитарного предприятия получал, осваивая и выпуская продукцию предприятия в СССР, и теоретическая несостоятельность форм приватизации, при

которых трудовой коллектив лишен вещных прав. Выявлено, что в России дважды на протяжении прошлого века при попытках смены общественно-экономических формаций структура отношений собственности осталась неизменной и способствовала поляризации производимых обществом благ сначала исключительно в руках государства, а после 1991 г. – в руках избранных им олигархов вопреки общественному характеру производства этих благ. Обращено внимание на издержки правоприменительной практики, обусловленные ограничением структуры вещных прав их классификацией только по субъектному составу.

Ключевые слова: правосубъектность трудового коллектива предприятия, приватизация, имущество, вещь, вещные права, собственность, право собственности, статутная и либеральная концепции права собственности, товарная и нетоварная формы вещных прав, эксплуататорская сущность модели единого собственника.

The article, based on the analysis of the functional structure of property rights, which characterises the integration processes in the entrepreneurial activity of different subjects, shows the fundamental inalienability of the non-commodity form of ownership as the skills that the labour collective of the state unitary enterprise received, mastering and producing the enterprise's products in the USSR, and the theoretical inconsistency of the forms of privatisation, in which the labour collective is deprived of property rights. It is revealed that in Russia twice during the last century, during attempts to change socio-economic formations, the structure of property relations remained unshakable and contributed to the polarisation of goods produced by society, first exclusively in the hands of the state, and after 1991 - in the hands of oligarchs elected by it, contrary to the public nature of the production of these goods. Attention is drawn to the costs of law enforcement practice due to the limitation of the structure of property rights by their classification only by subject composition.

Keywords: legal personality of the labour collective of an enterprise, privatisation, property, thing, proprietary rights, ownership, property right, statutory and liberal concepts of property right, commodity and non-commodity forms of proprietary rights, exploitative essence of the single owner model.

Приватизация в России, как процесс перераспределения имущества (то есть прав на блага в их товарной форме) между государством и частными лицами, выявила ряд пробелов в системе российского права в целом и учениях о частных лицах. Речь идет о неоправданном современной структурой экономических связей ограничении допускаемого законодателем объема вещных прав, отсутствии однозначности в разграничении понятий «имущество», «вещь», «вещные права»,

«собственность», «право собственности», других ограничениях в системе вещных прав, позволивших организаторам приватизационного процесса создать видимость легитимности для передачи общественного достояния, которое в советское время находилось под контролем государства, избранным лицам, лишив тем самым трудовые коллективы предприятий законных прав на вверенное им советским государством имущество¹.

Для оценки легитимности процесса приватизации имущества государственных предприятий СССР, проводимого в России, следует дать сравнительную характеристику экономической модели, положенной в основу системы имущественных отношений в СССР и современной России, определить изначальный правовой статус основных участников приватизационного процесса: государства и предприятия с позиции трудового коллектива в организационно-правовой форме юридического лица.

Несмотря на послереволюционные лозунги 20-х гг. прошлого века о смене экономической формации, для построения института вещного права руководством страны выбрана модель единого собственника в лице государства. Указанная статутная концепция права собственности впервые законодательно закреплена в 1832 г., в т. 10 ч. 1 Свода законов Российской империи в стране с феодальным укладом экономики и затем без изменений воспринята Гражданским кодексом РСФСР 1922 г., Гражданским кодексом (ГК) РСФСР 1964 г., Основами гражданского законодательства 1961 и 1991 гг. Изменены были только единоличные собственники средств производства. До 1917 г. и после 1991 г. ими могли быть как лица частного интереса, так и государство, а в период с октября 1917 г. по 1991 г. основным собственником средств производства выступало государство.

Главная проблема, с которой сталкивается принятая в российском законодательстве модель исключительного единства собственника применительно к государству и формам юридического лица, в которых выстроена иерархическая вертикаль управления, состоит в том, что она поощряет поведение, выгоды от которого достаются одному участнику юридического лица, находящемуся на вершине иерархии, а

¹ См.: Камышанский В. П. От незаконной приватизации к незаконной национализации: этапы большого пути // Власть Закона. 2023. № 4. С. 15.

издержки распределяются среди всех его участников. Одновременно она ослабляет стимулы к принятию решений, издержки которых возлагают на кого-то одного, а выгоды делят между всеми членами группы. Таким образом, на основе модели единого собственника, используемой в современном глубоко дифференцируемом по функциям участников хозяйственном механизме общества, не возникает разветвленных обратных связей и обслуживающих их компенсаторных механизмов, способных противодействовать выявленным отрицательным тенденциям.

Согласно западной классификации моделей права собственности, указанная модель относится к эксплуататорским теориям¹. Эксплуататорское государство устанавливало бы такую структуру прав собственности, которая максимизировала бы доход находящейся у власти группы, независимо от того, как это повлияло бы на благосостояние общества в целом.

Действительно, при регулировании права собственности на результаты коллективного труда отечественный законодатель использует два противоположных механизма, в зависимости от того, в чьей собственности в процессе присвоения находятся средства производства, используемые для присвоения. Если речь идет о наемном рабочем, лишенном средств производства, законодатель отказывается в признании за ним доли, соответствующей его трудовому вкладу в произведенный продукт. Ему гарантировано только право на вознаграждение в сумме минимального размера оплаты труда (п. 3 ст. 37 Конституции РФ). Это означает, что к работодателю, регулярно выплачивающему, согласно трудовому договору, сумму, равную минимальному размеру оплаты труда, которая не коррелируется с прожиточным минимумом в стране, ни со стороны работника, ни со стороны государства не может быть предъявлено законных претензий, несмотря на размеры прибыли предпринимателя от этой деятельности. Если же речь идет о собственнике средств производства (работодателе), то за этим лицом законодатель закрепляет право собственности на плоды, продукцию и доходы от коллективного труда с использованием его имущества даже в случае, если собственник средств производства своим трудом не участвует в присвоении (п. 1 ст. 220 ГК РФ, п. 2 ст. 299 ГК РФ).

¹ *Nort D. Structure and change in economic history. New York: W. W. Norton, 1981. P. 22.*

Попытки применить демократическую модель расщепленной собственности для описания складывавшихся в СССР имущественных отношений государства и предприятия начались уже в 20-х гг. прошлого столетия. Существовавшее в этот период понятие общенародной собственности применительно к государственному имуществу было лишь пропагандистской уловкой, лишенной содержания. Из данного Г. Гегелем определения собственности, как совокупности навыков действий лица с предметами материального мира¹, следует, что для того, чтобы быть собственником конкретного предприятия, необходимы самые разнообразные навыки действий в целом трудового коллектива, включая рабочих, ИТР, снабженцев, управленцев и др., которые в совокупности осуществляют производство и реализацию готовой продукции². Уже в XIX веке этот подход к определению собственности разделяли русские философы³.

Народ страны в целом не может обладать такими навыками, то есть по определению не подпадает под понятие собственника. Не является собственником в полном объеме и государство, поскольку с учетом специфики деятельности государственного аппарата оно может выступать лишь как товарный собственник имущества, переданного казенному предприятию, и отчуждать другому предприятию это имущество, если его не используют по назначению. Казенное предприятие в лице трудового коллектива выступает как нетоварный собственник переданного ему государством имущества и использует его в производственных целях по прямому назначению, не имея права обратиться в товар. На эту особенность государственной собственности и собственности государственного предприятия еще в 1928 г. обратил внимание

¹ Гегель Г. *Философия права* / пер. с нем., под ред. В. С. Нерсесянца. М.: Мысль, 1990. С. 123.

² Подробнее об этом см.: Павлов В. П. *Проблемы теории собственности в российском гражданском праве: монография*. М., 2000. С. 219.

³ См.: Алексеев Н. Н. *Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы евразийства* // *Русская философия собственности XVIII–XX вв.: сб. / авт.-сост. К. Исупов, И. Савкин*. СПб.: СП «Ганза», 1993. С. 348–349; Булгаков С. Н. *Философия хозяйства* // Там же. С. 229–230; Ильин И. А. *О частной собственности* // Там же. С. 126, 127, 130–131; Франк С. А. *Собственность и социализм* // Там же. С. 330.

А. В. Венедиктов¹. Приступая к разработке общего понятия права собственности как права собственника использовать средства производства своей властью и в своем интересе, на основе господствующей в данном обществе системы классовых отношений, А. В. Венедиктов был знаком с неоднозначностью толкований собственности классиками марксизма-ленинизма. Сопоставляя приведенные положения классиков марксизма, нетрудно убедиться, что под отношениями собственности (*Eigentumsverhältnisse*) они понимали в одних случаях юридическое выражение производственных отношений, в других же – производственные отношения в смысле экономических отношений)².

Даже в структуре правовых отношений, объединяемых в русском переводе термином «право собственности», наблюдается различие, в зависимости от общественно экономической формации, в рамках которой осуществляется производительная деятельность. Так, К. Маркс пишет: «Первоначально право собственности было основано на собственном труде. Теперь право собственности выступает как право на чужой труд и как невозможность для труда присвоить себе свой собственный продукт. Полное отделение собственности и еще более богатства от труда является ныне следствием закона, который исходил из их тождества»³.

Более того, А. В. Венедиктов подчеркивает эту неоднозначность ссылкой на авторитет В. И. Ленина: «В. И. Ленин, цитируя соответствующее место из предисловия к “Критике политической экономии”, перевел немецкий термин Маркса: “*Eigentumsverhältnisse*” – словами: “имущественные порядки”⁴. Казалось бы, приведенных аргументов достаточно для того, чтобы по примеру В. И. Ленина родовым понятием «вещное право» объединить несовпадающие категории власть (господство)

¹ Венедиктов А. В. Правовая природа государственных предприятий. Л.: [б. и.], 1928. С. 7.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. Т. 12. Ч. 1. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1958. С. 7; Там же. Т. 5. М.: Госполитиздат, 1956. С. 488; Там же. Т. 25. М.: Госполитиздат, 1962. С. 25.

³ Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. Berlin: Dietz, 1974. S. 360–362.

⁴ Венедиктов А. В. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2 / науч. ред. А. А. Иванов. М.: Статут, 2004. С. 29; Ленин В. И. Полное собрание сочинений (1958–1965): в 55 т. Т. 1. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958. С. 59.

и собственность, чтобы дать надлежащие определения каждому из этих правовых институтов и тем самым снять противоречия в существующем институте права собственности.

Возникает естественный вопрос о том, какие мотивы не позволили А. В. Венедиктову идти по этому направлению. Например, в 1928 г. он определял право собственности треста как товарную форму собственности государства. При этом государству принадлежит право «верховой» собственности, а тресту – право «подчиненной» собственности. Тем самым переданное предприятию имущество отнесено к нетоварной форме собственности¹. Однако, как указано в биографическом описании, «в конце 1930-х – начале 1940-х годов Венедиктов пересмотрел эти взгляды, выступив с обоснованием теории коллектива. С присущей ученому принципиальностью и самокритичностью он публично объявил об отказе от этих взглядов и дал их развернутую и глубокую критику»².

Причиной отказа от этих взглядов послужила реакция юридического сообщества СССР на это открытие. Она была столь отрицательной, что до 1948 г. А. В. Венедиктов в последующих трудах, посвященных государственной социалистической собственности, публично отрекался от своих прежних «ошибок и заблуждений»³. Тем не менее конструкция «право оперативного управления», воплощенная им в ГК РСФСР 1964 г., закрепляет за предприятием нетоварную форму собственности, оставляя за государством только товарную форму. Сравнительный анализ ст. 294–296 действующего ГК РФ подтверждает нетождественность объема как товарной, так и нетоварной форм вещных прав, распределенных между государством и предприятием, по сравнению с полным правом собственности. Следовательно, обладателем полного объема вещных прав (в совокупности товарной и нетоварной форм), то есть права собственности в соответствии с п. 1 ст. 209 ГК РФ в данной ситуации может быть только симбиоз этих двух субъектов.

¹ Венедиктов А. В. Правовая природа государственных предприятий. Л.: [б. и.], 1928. С. 68.

² Венедиктов Анатолий Васильевич (1887–1959) // Funeral-spb.ru. URL: <http://funeral-spb.narod.ru/necropols/serafimofskoe/tombs/venediktov/venediktov.html> (дата обращения: 18.01.2024).

³ Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. С. 6.

В этом смысле норма п. 2 ст. 209 ГК РФ относительно того, что собственник вправе по своему усмотрению передавать другим лицам права владения, пользования и распоряжения имуществом, оставаясь полным собственником, является неудачной попыткой убедить читателя в том, что часть может быть равна целому применительно к содержанию вещных прав. По мнению В. П. Мозолина, модель права собственности по качественным характеристикам соответствует модели разделенной собственности, согласно классификации А. А. Рубанова. В данном случае происходит не разделение правомочий единого права собственности, как считает В. П. Мозолин, а существуют несколько субъективных вещных прав на одну и ту же вещь. При таком варианте модели речь идет о выделении так называемой хозрасчетной собственности государственного предприятия на закрепленное за ним имущество с сохранением за государством права собственности иного рода¹.

Вопрос об одновременном с вещными существовании отношений обязательственного характера между указанными субъектами решен в середине XX в. Е. А. Флейшиц, а вслед за ней и В. К. Райхер, исследуя гражданско-правовые системы западных стран, пришли к выводу о том, что в условиях глубокой дифференциации и специализации производства внутри страны и между странами в период империализма обязательственное право из способа приобретения собственности становится одной из форм существования собственности².

По мнению Б. И. Пугинского, договор в условиях современного хозяйствования становится не временным средством связи контрагентов по реализации единичных торговых операций, а инструментом осуществления кардинальных экономических и социальных преобразований в

¹ Мозолин В. П. Право государственной (общенародной) собственности в условиях совершенствования социализма // Советское государство и право. 1987. № 5. С. 42; Он же. К разработке закона о собственности в СССР в условиях радикальной экономической реформы // Советское государство и право. 1989. № 10. С. 78.

² См.: Флейшиц Е. А. Буржуазное гражданское право на службе монополистического капитала. М.: изд. и тип. Юрид. изд., 1948. С. 18; Райхер В. К. Гражданско-правовые системы антагонистических формаций // Проблемы гражданского и административного права: сб. ст. / отв. ред. Б. Б. Черепухин, О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой. А.: АГУ, 1962. С. 281.

стране путем сочетания конструктивного улучшения координирования, согласования действий субъектов в процессе хозяйствования. Тем самым в рамках договорных отношений возникают новые формы распределения вещных прав между участниками¹. Р. Саватье дает следующую характеристику договорным связям: «Имущество... выступает как совокупность всех вещных правомочий, которые можно иметь в отношении данной вещи. Это – совокупность всех вещных прав, связанных с ней. Если эти правомочия начинают отделяться одно от другого, мы говорим, что имущество расчленяется для юридического оформления экономической жизни. Это расчленение может быть очень сложным и состоять из вещных прав, личных прав и прав, основанных на объединении лиц»².

Уже к концу XX в. эта тенденция замечена правоохранительными органами. В западной юриспруденции появился термин «снятие корпоративных покровов», под которым понимали выявление тайных договорных связей между формально независимыми юридическими лицами. Последние таким образом структурируют вещные права на общее имущество, что позволяет им скрывать реальную прибыль от налогообложения. Следовательно, можно утверждать, что договорные формы вещных прав давно освоены в сфере предпринимательства, и если отечественный законодатель упорно отворачивается от этого факта, то убытки несет государственный бюджет.

Еще более неоднозначным видится применение законодателем термина «имущество». На это обращают внимание большинство цивилистов³. В частности, Г. Ф. Шершеневич писал: «Наше законодательство не выдерживает строгой терминологии и употребляет слово имущество вместо вещь, а вместо имущества говорит о собственности или об имении. Но в некоторых случаях оно держится правильного понятия об имуществе. В этом смысле понимается в нашем законодательстве имущество, когда

¹ См.: Пугинский Б. И. Коммерческий договор в системе управления // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2019. № 3. С. 36.

² См.: *Savatier R. La théorie des obligations: vision juridique et économique*. 3. éd. Paris: Dalloz, 1974. P. 43.

³ См.: Гражданское право: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Бек, 1998. С. 299–300; Гражданское право: учебник. Ч. 1 / под. ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. СПб.: Теис, 1996. С. 189; *Шершеневич Г. Ф. Учебник гражданского права*. М.: Спарк, 1995. С. 95.

несовершеннолетнему предоставляется управление его имуществом, когда конкурсное управление принимает в свое заведование имущество несостоятельного должника, когда определяется наследство, как совокупность прав и обязательств, оставшегося после умершего без завещания. Из представления об имуществе, сейчас сделанного, можно получить следующие выводы: а) каждое лицо обладает имуществом и б) каждое лицо обладает только одним имуществом»¹.

Из изложенного следует, что отечественный законодатель в ст. 132 ГК РФ, определяя совокупность разнородных благ как «имущественный комплекс», допускает, во-первых, тавтологию, поскольку термин «имущество» (property) и означает совокупность, то есть комплекс прав лица на различные блага; во-вторых, допускает возможность передачи имущества, как неотъемлемого признака лица. Действительно, ст. 132 ГК РФ предусматривает передачу средств индивидуализации предприятия как юридического лица. При буквальном прочтении ст. 1477 ГК РФ можно прийти к выводу о том, что товарный знак индивидуализирует товары, а не юридических лиц, их производителей. В этом контексте передача товарного знака покупателю при продаже предприятия допустима. Однако комментарий к ч. 4 ГК РФ, предоставленный его разработчиками, создает иную картину. По их мнению, основная функция товарного знака – обеспечить связь в глазах потребителей конкретных товаров с конкретным лицом-производителем и тем самым защитить как репутацию производителя, так и интересы потребителя по выбору среди однородных товаров на рынке товара конкретного производителя. Можно представить ситуацию, если трудовой коллектив, который недоволен сменой собственника, в полном составе уволился с предприятия. Новый собственник набрал других работников и, руководствуясь ст. 132 ГК РФ, продолжает маркировать выпускаемую продукцию известным потребителю товарным знаком. Между тем возникает вопрос о качестве новой продукции и защите интересов потребителей, которые могут быть введены в заблуждение привычным им товарным знаком на новой продукции такого же назначения.

Следует признать, что указанные средства индивидуализации также являются признаками субъекта-

¹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 95.

предприятия, а не объекта предпринимательской деятельности, и не могут переходить от одного лица к другому в порядке купли-продажи производственных комплексов. Первопроходцами в решении вопроса о правосубъектности трудового коллектива предприятия и практике демократизации производственных отношений выступают США, экономику которых у нас принято считать наиболее либеральной. Для того, чтобы сдвинуть с мертвой точки передачу двойных технологий, созданных за счет колоссальных средств государственного бюджета, на предприятия вне военно-промышленного комплекса (ВПК) с 1974 по 1994 г. американский конгресс принял 25 законодательных актов, стимулирующих процесс превращения рабочих в собственников акционерного капитала на основе плана развития акционерной собственности работников ESOP. Сегодня в американских компаниях, принадлежащих работникам (совместно владеющим контрольным пакетом акций), трудятся около 14 млн человек. К концу XX века в 500 крупнейших корпорациях доля акций работников составляла в среднем 27 %. В коммунистическом Китае Закон «О коллективных предприятиях в городе и коллективных предприятиях на селе» действует с 1992 г., и доля коллективного сектора в валовой продукции превысила 40 % уже в 1995 г.¹

Таким образом, в капиталистических странах, в рамках одной общественно-экономической формации, в условиях конкуренции товаропроизводителей реформирована структура правоотношений собственности путем допуска работников к участию в прибыли предприятия. Усиление экономической мотивации труда способствовало росту его производительности и сглаживанию контрастов социального неравенства.

В России, наоборот, дважды на протяжении прошлого века предприняты попытки смены общественно-экономических формаций. Однако структура отношений собственности осталась неизменной и способствовала поляризации производимых обществом благ, сначала исключительно в руках государства, а после 1991 г. – в руках избранных им олигархов вопреки общественному характеру производства таких благ. Объясняют

¹ Народные предприятия России // Экономика и жизнь. 2011. 7 октября. URL: <https://www.eg-online.ru/article/147477/> (дата обращения: 18.01.2024).

это тем, что у отечественных рабочих и служащих «ассоциации трудящихся» едва ли появится «пресловутое чувство хозяина»¹.

Полагаем, что указанное противоречие между общественным характером производства и частнособственническим способом присвоения материальных благ будет основной движущей силой развития нашего общества в ближайшие десятилетия и приведет к признанию, нормативному закреплению иных форм собственности при их классификации не только по субъектному составу, закрепленному в ст. 212 ГК РФ, но и по функциональным признакам, которые будут определены местом участника в процессе общественного производства. Степень согласованности в действиях участников взаимосвязанных операций с имуществом определяет содержание и последовательность реализации правоотношений между ними.

Всеобъемлющий характер функциональных связей участников такого договора (в общей сложности превышает полторы тысячи комбинаций «действие-правомочие» в зависимости от поставленных лицом целей) не оставляет места для так называемой корпоративной вуали в отношениях с налоговыми органами. Попытки муниципальных органов власти или субъектов федерации под тем или иным предлогом реквизировать имущество народных предприятий, преобразованных из государственных в результате приватизации, обречены на провал по причине неотчуждаемости вещных прав трудового коллектива на вверенное ему в советское время имущество предприятия. Позитивным фактором является вступившая в силу с 1 сентября 2023 г. норма в п. 2 ст. 196 ГК РФ о сроке исковой давности, который не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого он установлен.

Библиографический список

1. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948. 840 с.

¹ Иванов А. А., Медведев Д. А. Право государственного предприятия на имущество. Статья вторая. Современные тенденции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 1. С. 5.

2. Венедиктов А. В. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2 / науч. ред. А. А. Иванов. М.: Статут, 2004. 557 с.

3. Венедиктов А. В. Правовая природа государственных предприятий. Л.: [б. и.], 1928. 151 с.

4. Венедиктов Анатолий Васильевич (1887–1959) // Funeral-spb.ru. URL: <http://funeralspb.narod.ru/necropols/serafimofskoe/tombs/venediktov/venediktov.html> (дата обращения: 18.01.2024).

5. Гегель Г. Философия права / пер. с нем., под ред. В. С. Нерсесянца. М.: Мысль, 1990. 524 с.

6. Гражданское право: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Бек, 1998. 785 с.

7. Гражданское право: учебник. Ч. 1 / под. ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. СПб.: Теис, 1996. 550 с.

8. Иванов А. А., Медведев Д.А. Право государственного предприятия на имущество. Статья вторая. Современные тенденции // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 1. С. 5–17.

9. Камышанский В. П. От незаконной приватизации к незаконной национализации: этапы большого пути // Власть Закона. 2023. № 4. С. 16–23.

10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений (1958–1965): в 55 т. Т. 1. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958. 663 с.

11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1954–1963. 630 с.

12. Мозолин В. П. Право государственной (общенародной) собственности в условиях совершенствования социализма // Советское государство и право. 1987. № 5. С. 37–45.

13. Мозолин В. П. К разработке закона о собственности в СССР в условиях радикальной экономической реформы // Советское государство и право. 1989. № 10. С. 78–87.

14. Народные предприятия России // Экономика и жизнь. 2011. 7 октября. URL: <https://www.eg-online.ru/article/147477/> (дата обращения: 18.01.2024).

15. Павлов В. П. Проблемы теории собственности в российском гражданском праве: монография. М., 2000. 499 с.

16. Пугинский Б. И. Коммерческий договор в системе управления // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2019. № 3. С. 3–37.

17. Райхер В. К. Гражданско-правовые системы антагонистических формаций // Проблемы гражданского и административного права: сб. ст. / отв. ред. Б. Б. Черепашин, О. С. Иоффе, Ю. К. Толстой. Л.: АГУ, 1962. С. 275–313.

18. Русская философия собственности XVIII–XX вв.: сб. / авт.-сост. К. Исупов, И. Савкин. СПб.: СП «Ганза», 1993. 512 с.

19. Флейшиц Е. А. Буржуазное гражданское право на службе монополистического капитала. М.: изд. и тип. Юрид. изд., 1948. 52 с.

20. Шершеневич Г. Ф. Учебник гражданского права. М.: Спарк, 1995. 556 с.

21. Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie. Berlin: Dietz, 1974. 1102 s.

22. Nort D. Structure and change in economic history. New York: W. W. Norton, 1981. 228 p.

23. Savatier R. La théorie des obligations: vision juridique et économique. 3. éd. Paris: Dalloz, 1974. 431 p.

УДК 347.4
ББК 67.40.6

Р. Б. Булатов

профессор кафедры публичного
права
Санкт-Петербургского
государственного университета
аэрокосмического
приборостроения,
доктор юридических наук,
доцент, почетный работник
сферы образования Российской
Федерации
Россия, г. Санкт-Петербург
bulatovrash@mail.ru

С. С. Костычев

аспирант кафедры публичного
права
Санкт-Петербургского
государственного университета
аэрокосмического
приборостроения
Россия, г. Санкт-Петербург
sergeykostychev@gmail.com

**ПРАВООЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ
МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**THE WAYS OF FUNDING THE
THE HUMAN PROTECTIVE ACTIVITIES OF
MUNICIPAL POWER BODIES IN THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье рассмотрены вопросы относительно обеспечения и защиты прав и свобод граждан на территории муниципального образования органами муниципальной власти. Показано, что правозащитная деятельность органов муниципальной власти осуществляется в рамках решения вопросов местного значения, закрепленных в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (в редакции от 14 февраля 2024 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», которые обеспечивают жизнедеятельность населения муниципального образования. Раскрыта сущность муниципального контроля как неотъемлемой части системы контроля за реализацией вопросов местного значения, защиты законных интересов населения муниципального образования. В заключительной части сделан вывод о том, что муниципальная власть является особенно значимым элементом демократического государства: самые насущные для населения вопросы жизнедеятельности решают именно на местном уровне, а значит, в первую очередь реализуются права и свободы гражданина на территории населенного пункта, в котором он проживает и осуществляет активную деятельность. Следовательно, их обеспечение во многом

зависит от эффективной деятельности органов муниципальной власти, которая служит важнейшим инструментом защиты интересов каждого жителя муниципального образования.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина, публичная власть, органы муниципальной власти, муниципальное образование, муниципальная служба, муниципальный контроль, вопросы местного значения, обращения граждан.

The article considers the issues concerning the provision and protection of rights and freedoms of citizens on the territory of a municipality by municipal authorities. It is shown that the human rights activities of municipal authorities are carried out within the framework of solving issues of local importance, enshrined in the Federal Law No. 131-FZ of 6 October 2003 (as amended on 14 February 2024) "On General Principles of Organisation of Local Self-Government in the Russian Federation", which ensure the livelihood of the population of the municipality. The essence of municipal control as an integral part of the system of control over the implementation of issues of local significance, protection of legitimate interests of the population of the municipality is disclosed. The final part concludes that municipal government is a particularly significant element of a democratic state: the most pressing issues of vital importance for the population are resolved at the local level, which means that the rights and freedoms of a citizen are first and foremost realised in the territory of the settlement where he or she lives and carries out active activities. Consequently, their provision largely depends on the effective activity of municipal authorities, which serves as the most important tool for protecting the interests of each resident of the municipality.

Keywords: human and civil rights and freedoms, public authority, municipal authorities, municipal education, municipal service, municipal control, issues of local importance, citizens' appeals.

В Конституции Российской Федерации (РФ) закреплено, что человек, его права и свободы признаны высшей ценностью, а также гарантированы государством. Это позволяет говорить о России как о правовом, демократическом и социальном государстве, в котором на самом высоком законодательном уровне обеспечиваются и охраняются права и свободы человека и гражданина, а не просто де-факто провозглашены.

В 2020 г. в Конституцию РФ внесены поправки¹, в результате которых в тексте Основного закона страны появилось

¹ Булатов Р. Б. Конституция Российской Федерации: поправки 2020 г. и их значение: учеб. пособие. СПб.: ГУАП, 2023. С. 15; Булатов Р. Б. Конституционные поправки 2020 г. в контексте формирования российской государственно-

такое понятие, как «публичная власть». До принятия поправок в ней использовали понятия «власть народа», «власть в Российской Федерации» (ст. 3), «государственная власть в Российской Федерации», «государственная власть в субъектах Российской Федерации» (ст. 10, 11). Тем самым становится очевидным тот факт, что понятие публичной власти объединило в себе государственную и муниципальную власть¹.

В функции каждого органа публичной власти входит защита прав и свобод человека и гражданина. Так, в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»² прокуратура осуществляет надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Согласно ст. 46 Конституции РФ³ каждому гарантирована судебная защита его прав и свобод. Правозащитной деятельностью также занимаются и органы муниципальной власти. С учетом ст. 32 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁴ граждане имеют право на индивидуальные и коллективные обращения в органы местного самоуправления. Статья 42 этого же Федерального закона № 131-ФЗ гласит о том, что на местном уровне предусмотрена служба в муниципальных органах.

Правовой статус муниципальных служащих определен в главе 3 Федерального закона от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О

правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 12. С. 32.

¹ *Пешин Н. А.* Муниципальная власть: продолжение государства или институт самоорганизации общества // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 2. С. 39; *Овчинников И. И.* Муниципальная власть в структуре публичной власти в Российской Федерации // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2017. № 3 (27). С. 42.

² О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 8. Ст. 366.

³ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.

⁴ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 382.

муниципальной службе в Российской Федерации»¹. К основным принципам, которыми руководствуется служащий, отнесены приоритет прав и свобод человека и гражданина, доступность информации об их деятельности, профессионализм и компетентность, равный доступ к муниципальной службе и равные условия ее прохождения. Федеральный закон № 25-ФЗ также предусматривает структуру и организационные вопросы прохождения муниципальной службы, регулирует вопросы социальной защиты, порядок поощрения и привлечения к ответственности служащего. Это еще раз указывает на ключевую роль органов муниципальной власти в обеспечении верховенства права в нашей стране.

Как пишут Н. С. Бондарь и М. В. Мархгейм, муниципальная власть и ее органы представляют особый негосударственный уровень единой конституционной системы обеспечения и защиты основных прав и свобод человека и гражданина в России². Права и свободы человека и гражданина, как полагают О. Ю. Трещева и Э. Ю. Балаян, реализуются прежде всего на местном уровне, там, где он живет, осуществляет трудовую, политическую и иную деятельность. Местный уровень власти предполагает максимальную приближенность органов местного самоуправления к населению, что является определяющим. К ним граждане в первую очередь обращаются за помощью в случаях нарушения их прав³.

Действительно, находясь ближе всего к народу, имея наибольший уровень понимания насущных проблем и владея инструментами для оперативного решения вопросов на местном уровне, органы муниципальной власти находят максимально эффективное решение. Исходя из этого, можно утверждать, что обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, а

¹ О муниципальной службе в Российской Федерации: федер. закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 10. Ст. 1152.

² *Доронина О. М.* Местное самоуправление в системе обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // *Муниципальная служба: правовые вопросы.* 2011. № 1. С. 18.

³ *Трещева О. Ю., Балаян Э. Ю.* Конституционные гарантии осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина органами местного самоуправления // *Государственная власть и местное самоуправление.* 2019. № 10. С. 41.

также процветание России как правового, социального государства во многом зависит от органов муниципальной власти.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ определяет вопросы местного значения, которые обеспечивают жизнедеятельность населения муниципального образования, тем самым решая проблемы в жизненно важных бытовых сферах. Речь идет об организации газо-, тепло- и водоснабжения, вывозе мусора, услугах связи; правопорядке и общественной безопасности; транспортных услугах. Эти вопросы не относятся напрямую к защите прав и свобод. Однако, если перестать предоставлять любую из них, это приведет к нарушению положений главы 2 Конституции РФ (например, ст. 42 устанавливает право на благоприятную окружающую среду).

Органы муниципальной власти предоставляют гражданам возможность напрямую обращаться с различного рода заявлениями, жалобами, предложениями и ходатайствами, что служит ключевым элементом несудебного решения споров и конфликтов, связанных с нарушением их прав. Обращения граждан играют роль важного инструмента защиты прав граждан на местном уровне. Это предоставляет жителям муниципальных образований уникальную возможность влиять на процессы принятия решений относительно их личных интересов и общественного блага. Кроме того, органы местного самоуправления не ограничиваются приемом обращений. Они предлагают консультационные услуги, помогая гражданам ориентироваться в правовом поле. Такой подход не только способствует повышению правовой осведомленности населения, но и укрепляет доверие к институтам местного самоуправления.

Обращения в органы муниципальной власти могут быть связаны с широким спектром вопросов: от личных проблем каждого обратившегося до вопросов, значимых для общественности в целом. Это отражает важность их деятельности и иллюстрирует охват полномочий муниципальных органов.

Практика обращений граждан в органы местного самоуправления служит фундаментом для формирования открытого и эффективного взаимодействия муниципальных органов и населения, что позволяет оперативно реагировать на потребности и запросы граждан. Это не только повышает уровень защищенности граждан на местном уровне, но и способствует

формированию здорового общественного диалога и укреплению гражданского общества.

Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»¹ устанавливает четкие правила и сроки для рассмотрения обращений граждан, обеспечивая им доступ к правосудию и возможность защиты своих интересов. Кроме того, в случае нарушения этих процедур ч. 3 ст. 32 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ предусматривает ответственность для должностных лиц, что служит дополнительной гарантией соблюдения прав граждан.

Обращения в органы местного самоуправления помогают решить личные вопросы граждан, а также способствуют выявлению и устранению системных проблем в обществе, улучшая качество жизни в целом. Количество решенных вопросов по обращениям граждан отражает уровень открытости и эффективности работы органов местного самоуправления по взаимодействию с населением, стимулирует их к более ответственному и прозрачному исполнению обязанностей.

Органы местного самоуправления не только обладают полномочиями по организации жизнедеятельности муниципального образования, но и их привлекают к осуществлению контроля за выполнением норм и правил, закрепленных в муниципальных нормативных актах, которые связаны с вопросами местного значения. Таким образом, они становятся гарантом защиты прав и интересов граждан на местном уровне. В частности, одним из ярких примеров этой деятельности является муниципальный жилищный контроль, задачей которого служит обеспечение защиты прав и свобод граждан в сфере жилищных отношений. Указанный механизм контроля, установленный жилищным законодательством, говорит о важности и об ответственности муниципальных органов в процессе решения вопросов обеспечения качества и доступности жилья.

В ст. 17.1. Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ дано уточнение относительно того, что именно муниципальные органы власти наделены полномочиями по

¹ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.

контролю за исполнением муниципальных решений, затрагивающих различные аспекты жизни городов и поселений. Их задача состоит не только в наблюдении и реагировании, но и в предотвращении нарушений, что напрямую влияет на качество жизни граждан. Так, в вопросах обеспечения прав и интересов жителей многоквартирных домов муниципальные органы обладают значительными полномочиями, направленными на контроль за деятельностью управляющих компаний. Они могут как инициировать проверку работы данных организаций, так и предложить проведение внеочередного общего собрания собственников помещений для рассмотрения вопроса о возможном расторжении договора управления, как это предусмотрено ст. 20 Жилищного кодекса РФ¹.

Расширение функций органов местного самоуправления в сфере контроля за деятельностью управляющих компаний стало значимым шагом в укреплении надежности системы муниципального управления. Это и усиливает ответственность управляющих организаций за качество предоставляемых услуг, и предоставляет жителям дополнительные гарантии соблюдения их прав в жилищной сфере.

Обратим внимание на то, что порядок и структура муниципального контроля, круг лиц, ответственных за его осуществление, определены не только уставом муниципального образования, но и другими нормативными актами на муниципальном уровне. Это обеспечивает гибкость и адаптивность механизмов контроля к специфике и потребностям конкретного муниципалитета. Основная цель таких мер – защита прав и законных интересов жителей, обеспечение выполнения управляющими организациями своих обязательств. Подходы к реализации муниципального контроля могут варьироваться, но все они ориентированы на соблюдение норм федерального, регионального и муниципального законодательства².

¹ Жилищный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14.

² Булатов Р. Б., Глуценко П. П., Орловский Е. А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: монография. СПб.: Фонд «Университет», 2017. С. 172; Кулаев А. Р. Муниципальный контроль в Российской Федерации // Кронос. 2019. № 6 (33). С. 121; Пахомов А. В. Муниципальный контроль в проекте нового федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном

Таким образом, муниципальный контроль является неотъемлемой частью системы контроля за реализацией вопросов местного значения, защиты законных интересов населения муниципального образования, в том числе собственников помещений. Внедрение эффективных механизмов муниципального контроля играет важную роль не только в обеспечении законности и порядка, но и в повышении прозрачности деятельности органов местного самоуправления. Это, в свою очередь, улучшает качество предоставляемых государственных и муниципальных услуг, делая их более доступными и понятными для каждого гражданина. Муниципальный контроль – это не просто формальный способ обеспечения правопорядка на территории муниципального образования, а жизненно необходимый инструмент для обеспечения прав и свобод человека, гарантирования эффективного и прозрачного функционирования государственных и муниципальных органов. Его дальнейшее развитие будет способствовать укреплению РФ как правового, социального государства, улучшению качества жизни граждан.

В заключение можно сделать вывод о том, что органы муниципальной власти играют огромную роль в обеспечении верховенства права и развития России как правового, социального, демократического государства. Их деятельность, направленная на контроль за соблюдением муниципальных правил и норм, служит важнейшим инструментом защиты интересов каждого жителя муниципального образования. Защита прав и свобод населения муниципального образования посредством различных инструментов муниципального контроля, рассмотрение обращений граждан по различным вопросам местного значения обеспечивают стабильность и правопорядок на территории муниципального образования. Дальнейшее развитие правозащитной деятельности органов муниципальной власти в системе публичной власти положительно скажется на правовой, экономической и социальной сферах функционирования нашего государства, а также обеспечит

контроле»: особенности концепции // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2019. № 3. С. 38; Соловьева С. В. К вопросу об особенностях правового регулирования муниципального контроля // Право и практика. 2022. № 1. С. 86.

эффективное участие народа в управлении государством, реализуя основной конституционный принцип.

Библиографический список

1. Булатов Р. Б. Конституция Российской Федерации: поправки 2020 г. и их значение: учеб. пособие. СПб.: ГУАП, 2023. 232 с.
2. Булатов Р. Б. Конституционные поправки 2020 г. в контексте формирования российской государственно-правовой идеологии // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 12. С. 32–37.
3. Булатов Р. Б., Глущенко П. П., Орловский Е. А. Муниципальная власть и правозащитная деятельность: монография. СПб.: Фонд «Университет», 2017. 256 с.
4. Доронина О. М. Местное самоуправление в системе обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2011. № 1. С. 17–22.
5. Кулаев А. Р. Муниципальный контроль в Российской Федерации // Кронос. 2019. № 6 (33). С. 121–125.
6. Овчинников И. И. Муниципальная власть в структуре публичной власти в Российской Федерации // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2017. № 3 (27). С. 37–55.
7. Пахомов А. В. Муниципальный контроль в проекте нового федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле»: особенности концепции // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. 2019. № 3. С. 36–40.
8. Пешин Н. Л. Муниципальная власть: продолжение государства или институт самоорганизации общества // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 2. С. 38–50.
9. Соловьева С. В. К вопросу об особенностях правового регулирования муниципального контроля // Право и практика. 2022. № 1. С. 85–90.
10. Трещева О. Ю., Балаян Э. Ю. Конституционные гарантии осуществления, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина органами местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 10. С. 40–45.

УДК 342.415
ББК 67.400

М. С. Савченко

заведующий кафедрой государственного
и международного права
Кубанского государственного аграрного университета имени
И. Т. Трубилина,
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Краснодар
savchenkoa@bk.ru

Е. В. Кириченко

старший преподаватель кафедры государственного
и международного права
Кубанского государственного аграрного университета имени И.
Т. Трубилина
Россия, г. Краснодар
lbcs@yandex.ru

А. А. Калустова

бакалавр юридического факультета
Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т.
Трубилина
Россия, г. Краснодар
anaitka13@gmail.com

**СОДЕРЖАНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ,
МАТЕРИНСТВА, ОТЦОВСТВА И ДЕТСТВА**

**THE CONTENT OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL
REGULATION OF THE PROTECTION OF THE FAMILY,
MATERNITY, PATERNITY AND CHILDHOOD**

В статье проведен анализ конституционных положений и нормативных правовых актов, регулирующих вопросы обеспечения защиты традиционных семейных ценностей: семьи, материнства, отцовства и детства. Рассмотрены приоритетные государственные целевые программы, направленные на поддержку семьи и проблемы их реализации. Изложены теоретические подходы различных авторов к понятийному аппарату. Сформулировано авторское определение

категории защиты семьи, материнства, отцовства и детства. Выявлены правовые средства защиты семьи, проанализированы государственные меры социальной поддержки семьи, особенности и сложности их реализации в новых регионах России. Сделан вывод о целесообразности создания специализированного органа, контролирующего возможность обеспечения жильем и транспортными средствами жителей новых регионов. Обращено внимание на необходимость конституционно-правового закрепления должности Уполномоченного по правам ребенка. На основании выявленных проблем авторами предложены направления совершенствования законодательства и деятельности органов публичной власти для обеспечения защиты прав семьи.

Ключевые слова: семья, конституционное право, материнство, отцовство, конституционная ценность, защита семьи, брак, детство.

The article analyses constitutional provisions and normative legal acts regulating the issues of ensuring the protection of traditional family values: family, maternity, paternity and childhood. The priority state target programmes aimed at supporting the family and the problems of their implementation are considered. The theoretical approaches of various authors to the conceptual apparatus are outlined. The author's definition of the category of family, maternity, paternity and childhood protection is formulated. The legal means of family protection are revealed, the state measures of social support of the family, peculiarities and difficulties of their implementation in the new regions of Russia are analysed. It is concluded that it is expedient to create a specialised body controlling the possibility of providing housing and transport facilities to residents of new regions. Attention is drawn to the necessity of constitutional and legal consolidation of the position of the Commissioner for Children's Rights. Based on the identified problems, the authors propose directions for improving legislation and the activities of public authorities to ensure the protection of family rights.

Keywords: family, constitutional law, maternity, paternity, constitutional value, family protection, marriage, childhood.

22 ноября указом Президента Российской Федерации (РФ) 2024 г. объявлен Годом семьи. В современном мире семья сохраняет статус основной ячейки общества. Тем не менее защита семьи и укрепление традиционных семейных ценностей с каждым годом становятся все более актуальной задачей. На это направлена деятельность и органов публичной власти, и общественных объединений, и граждан.

Элементами, составляющими содержание конституционно-правового института семьи, являются материнство, отцовство и

детство¹. Развернутую характеристику защиты семьи предлагает профессор А. Я. Рыженков, который под защитой семейных прав понимает комплекс мер по признанию и восстановлению предусмотренных Конституцией РФ, Семейным кодексом (СК) РФ и другими федеральными законами прав супругов, родителей и детей, иных членов семьи, а также пресечению правонарушений, посягающих на закрепленный законом порядок осуществления семейных прав граждан². О. Ю. Косова, автор работ о концептуальной основе развития российского семейного законодательства, утверждает, что в самом общем виде семейно-правовая защита – составная часть «деятельности социального правового государства по защите семьи, материнства, отцовства и детства, необходимость которой заложена нормами Конституции»³. По нашему мнению, защита семьи, материнства, отцовства, детства – это комплекс правовых, экономических, организационных и иных мер, выступающих частью планомерной последовательной политики государства, направленной на поддержание статуса семьи как основы общества.

Конституция РФ 1993 г. в ст. 7 провозгласила Россию социальным государством, важнейшим направлением политики которого является государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства. Статьей 38 установлено, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Это подтверждает большое государственное и общественное значение институтов брака и семьи. Решение проблем, связанных с ослаблением значения института семьи и брака, уменьшением роли семейных ценностей видится возможным через развитие конституционных положений. Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» внес большой вклад в решение задач, стоящих перед государством в

¹ Агеева А. В. Конституционно-правовой статус семьи в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. С. 8.

² Рыженков А. Я. Реализация принципа защиты семейных прав: проблемы и перспективы // Современное право. 2020. № 9. С. 60.

³ Косова О. Ю. О судебной форме защиты и субъектах защиты семейных прав // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2. С. 85.

контексте реализации семейной политики. Этот закон не только акцентирует внимание на приоритете интересов детей, но и учитывает, что благосостояние ребенка неотделимо от благополучия семьи, в которой он растет и воспитывается.

В соответствии с ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ, введенной вышеуказанным законом, установлено, что дети выступают важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим, обеспечивает приоритет семейного воспитания, то есть создает условия для воспитания и полноценного развития несовершеннолетних в семьях, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения¹.

Внесены изменения и в ст. 72 Конституции РФ, а именно введен новый п. ж.1, в соответствии с которым конкретизированы вопросы совместного ведения РФ и ее субъектов в аспекте защиты семьи, материнства, отцовства и детства, защиты института брака как союза мужчины и женщины; создания условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях. Цель этой поправки к Конституции РФ состояла том, чтобы поднять на конституционный уровень защиту традиционных семейных ценностей: семьи, материнства, отцовства, детства, заботы о родителях. Эта норма указывает на то, что сменились акценты в оценке значимости семьи², государство стремится выстроить комплексную систему защиты семьи и сделать ее приоритетом в государственной политике, привлекая к данному процессу все уровни публичной власти. По этой причине данный пункт отнесен именно к совместному ведению РФ и ее субъектов. Указанная поправка имеет фундаментальное значение и потому, что впервые на конституционном уровне нормативно

¹ Конституционное право: учебник / под общ. ред. М. С. Савченко. Краснодар: КубГАУ, 2021. С. 115.

² *Архирейская Т. Ю., Салимов Р. Н.* Защита семьи, сохранение традиционных семейных ценностей в контексте конституционной реформы // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 2 (48). С. 5.

конкретизирует определение брака. Ранее понятие брака не было выделено, раскрыто в Конституции РФ.

Правоотношения в сфере защиты семьи, материнства, отцовства, детства имеют комплексный характер, поэтому распределение полномочий между РФ и ее субъектами закреплено в конституционном, семейном, жилищном, трудовом законодательстве¹. Система законодательства позволяет субъектам РФ проявлять самостоятельность при реализации правотворческих полномочий, что служит гарантией их прав².

В качестве государственных мер, направленных на защиту семьи, могут выступать повышение качества жизни семей с детьми, создание благоприятных условий для их рождения и воспитания; помощь семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Государством индексируются выплаты по беременности и родам, по уходу за ребенком, установлены дополнительные выплаты семьям при рождении первого и второго ребенка, продлена до 2026 г. программа материнского (семейного) капитала, реализуются программы для молодых семей по улучшению жилищных условий.

До 1 июля 2024 г. в России действует программа «Семейная ипотека», которая позволяет гражданам получить кредит на покупку жилья по сниженной ставке. За период действия программой воспользовались уже более 400 тыс. семей. Однако эта мера, помимо очевидного позитивного эффекта, имела и ряд спорных последствий. Введение льготных оснований для получения кредитов по процентам существенно ниже среднерыночных привело к стремительному росту цен на жилье, попадающее под условия предоставления таких кредитов. В результате те, кто воспользовался «Семейной ипотекой», получили меньше преимуществ, чем предполагалось, а молодые семьи, которые планировали решить жилищный вопрос до того, как обзаводиться детьми, оказались практически в безвыходной ситуации с невозможностью оплатить ипотечные кредиты по рыночной ставке на возросшее в цене жилье. Это приводило к

¹ Запольский С. В., Сморчкова А. Н. Совместное ведение Российской Федерации и субъектов Российской Федерации: конституционные новеллы // Право и практика. 2022. № 2. С. 54.

² Гацולהва А. Х., Созанов З. А. К вопросу о проблемах реализации субъектами Российской Федерации правотворческих полномочий по предметам совместного и исключительного ведения // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 2. С. 84.

отказу среди них от идеи расширения семьи вследствие нехватки жилого пространства.

В результате все чаще слышны предложения либо отменить все программы льготного ипотечного кредитования, либо существенно ужесточить их условия. Решить ситуацию могло бы перераспределение части средств, выделенных на компенсации, расширение программ социального жилья, предоставление жилья молодым специалистам, работающим в государственных и муниципальных учреждениях, бюджетных организациях. Это не только ускорило бы закрытие потребности в жилой площади у молодых специалистов с детьми, но и затормозило бы рост цен на квартиры в новых построенных домах.

Кроме того, эти меры социальной поддержки имеют особенности применения на территории новых регионов, недавно образованных в составе РФ. С учетом синхронизации законодательства процесс внедрения и реализации мер социальной поддержки в новых регионах проходит с некоторыми осложнениями. Так, одной из форм использования материнского капитала является улучшение жилищных условий, которое, помимо покупки жилья или первоначального взноса по ипотеке, также включает в себя строительство или реконструкцию жилья. Сложность в реализации этой меры заключается в трудностях, связанных с подтверждением права собственности на недвижимость, в случае желанной реконструкции имеющегося жилья.

Сегодня правоустанавливающие документы на недвижимость, расположенную на территориях вышеуказанных субъектов, выданы уполномоченными органами Украины или Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР) до момента их вхождения в состав России. Но факт их соответствия требованиям российского законодательства¹ требует подтверждения. Правила и порядок признания и действия данных документов на территории РФ предусмотрены законопроектом, который сегодня остается непринятым. До момента его принятия решение о соответствии имеющихся документов нормам российского права могла бы принимать временная комиссия, созданная при государственных

¹ О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) // Рос. газ. 2015. 17 июля.

органах исполнительной власти или органах местного самоуправления новых регионов. Это позволило бы семьям иметь возможность реализовать в полном объеме право на получение меры социальной поддержки – материнского капитала.

Постановление Правительства РФ от 16 апреля 2015 г.¹ устанавливает порядок предоставления субсидий российским кредитным организациям на возмещение выпадающих доходов по выданным им кредитам физическим лицам на приобретение автомобилей. Гражданин для получения субсидии должен отвечать определенным требованиям. Одно из них – наличие несовершеннолетнего ребенка или нескольких детей, что делает это еще одной мерой защиты и поддержки семьи государством. Указанная программа сегодня также не в полной мере закрывает потребности семей с детьми. С учетом изменений, которые произошли на автомобильном рынке в России, программу стоило бы расширить, включив в нее авто из стран, которые сохраняют тесные экономические связи с РФ, и индексировать размер субсидии соответственно произошедшему в последние годы изменению стоимости транспортных средств.

Указом Президента РФ² для многодетных семей установлены различные скидки и льготы: бесплатная выдача лекарств, приобретаемых по рецептам врачей, для детей в возрасте до шести лет, бесплатное питание для учащихся учебных заведений. Данные меры напрямую связаны с созданием условий для достойного воспитания детей в семье. Наряду с ними существуют федеральные законы и указы Президента РФ относительно воспитания детей, в которые внесены изменения после принятия поправок к Конституции РФ в 2020 г.

Формируется судебная практика, в ходе которой граждане ссылаются на новые положения Конституции РФ при защите своих прав. Например, в 2021 г. Конституционный Суд РФ

¹ О предоставлении из федерального бюджета субсидий российским кредитным организациям на возмещение выпадающих доходов по кредитам, выданным российскими кредитными организациями в 2015–2017 годах физическим лицам на приобретение автомобилей, и возмещение части затрат по кредитам, выданным в 2018–2023 годах физическим лицам на приобретение автомобилей: постановление Правительства РФ от 16 апреля 2015 г. № 364 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 17 (ч. 1-4). Ст. 2560.

² О мерах по социальной поддержке многодетных семей: указ Президента РФ от 5 мая 1992 г. № 431 (в ред. от 25 февраля 2003 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1992. № 19. Ст. 1044.

рассмотрел вопрос о возможности принятия жалобы гражданки Л. Д. Лубковской, оспаривавшей конституционность статей 2 и 10 СК РФ, которые, по мнению заявительницы, противоречат ч. 2 ст. 7 и п. ж.1 ст. 72 Конституции РФ, поскольку в результате их применения судами она лишена возможности предоставления ей социальных гарантий, а также права на получение мер социальной поддержки как член семьи умершего участника Великой Отечественной войны¹. Жалоба не соответствовала формальным требованиям, но это подтверждает, что новые положения уже вызывают доверие граждан и используются ими в ходе реализации защиты своих прав.

Поправки 2020 г. закрепили в Конституции РФ основы правового статуса Уполномоченного по правам человека. Вместе с тем в России действует и Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка. Между тем конституционно-правового закрепления этой должности по-прежнему не осуществлено. Внесение любых поправок в Конституцию РФ – сложный процесс, а значит, скорейшее исправление этого обстоятельства не является целесообразным. Но представляется необходимым внести соответствующие предложения в любом следующем пакете поправок дополнительно к остальному тексту.

Доступность юридической помощи способствует развитию социального государства и укреплению национального согласия в России². Однако в новых регионах РФ осложнено обращение к Уполномоченным по правам ребенка в субъектах РФ. Официальный сайт содержит только упоминание о должности и ФИО лица, выполняющего соответствующие функции, а также возможность отправить обращение в режиме онлайн в письменной форме. Контакты, адреса, номера телефонов для возможности живого общения не предоставлены. Форма для письменного обращения содержит опечатки. Если запросить ответ не на электронную почту, а традиционным почтовым

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28 декабря 2021 г. № 2852-О // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 09.01.2024).

² Савченко М. С., Каленский П. В., Грибанова А. С. Проблемы правового регулирования оказания бесплатной юридической помощи // Политематический сетевой электрон. науч. журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 116 (02). URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/39.pdf> (дата обращения: 20.11.2023).

отправлением, форма не изменится, и гражданин сможет указать только свой e-mail. С учетом особенностей, связанных с повышенной необходимостью защиты прав детей в этих регионах, представляется необходимым предоставить гражданам на официальном сайте Уполномоченного по правам ребенка информацию, куда они могут обратиться по любому срочному вопросу. Для обеспечения безопасности целесообразно ввести и практику работы региональных уполномоченных в онлайн-приемных, которые будут обеспечивать не письменные ответы, а общение в прямом эфире в специально отведенное для этого заранее установленное время.

Россия уже провела многолетнюю и комплексную работу по защите прав семьи, материнства, отцовства и детства. В настоящее время наша страна более, чем когда-либо, готова назвать наступивший 2024 г. Годом семьи. Однако эта работа требует продолжения и совершенствования конституционно-правового регулирования семейных отношений, расширения роли государства в поддержке семей для социального и нравственного развития детей и молодежи, сохранения традиционных семейных ценностей.

Переосмысление и переформатирование ряда льготных программ, направленных на обеспечение жильем и транспортными средствами, таким образом, чтобы они в полной мере отвечали актуальным запросам; создание специализированного органа, контролирующего возможность использования этих льгот жителями новых регионов; усиление роли Уполномоченного по правам ребенка путем закрепления правовых основ его деятельности в Конституции РФ и обеспечение жителей новых регионов беспрепятственным и комфортным доступом к региональным уполномоченным должны стать основой дальнейшего развития и совершенствования защиты прав семьи. Это будет способствовать сохранению ведущей роли института семьи в российском обществе и государстве, обеспечит детям достойное будущее в своей стране.

Библиографический список

1. Агеева А. В. Конституционно-правовой статус семьи в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 254 с.

2. Архирейская Т. Ю., Салимов Р. Н. Защита семьи, сохранение традиционных семейных ценностей в контексте конституционной реформы // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 2 (48). С. 5–11.

3. Гацולהва А. Х., Созанов З. А. К вопросу о проблемах реализации субъектами Российской Федерации правотворческих полномочий по предметам совместного и исключительного ведения // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 2. С. 84–91.

4. Запольский С. В., Сморгочкова Л. Н. Совместное ведение Российской Федерации и субъектов Российской Федерации: конституционные новеллы // Право и практика. 2022. № 2. С. 50–55.

5. Конституционное право: учебник / под общ. ред. М. С. Савченко. Краснодар: КубГАУ, 2021. 355 с.

6. Косова О. Ю. О судебной форме защиты и субъектах защиты семейных прав // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2. С. 84–97.

7. Рыженков А. Я. Реализация принципа защиты семейных прав: проблемы и перспективы // Современное право. 2020. № 9. С. 59–65.

8. Савченко М. С., Каленский П. В., Грибанова А. С. Проблемы правового регулирования оказания бесплатной юридической помощи // Политематический сетевой электрон. науч. журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 116 (02). URL: <file:///C:/Users/User/Downloads/39.pdf> (дата обращения: 20.11.2023).

В. К. Цечоев
профессор кафедры
гражданского права и процесса
факультета экономики, управления и права
Ростовского государственного университета
путей сообщения (РГУПС),
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Ростов-на-Дону
sechvk53@mail.ru

**ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЕЙ
МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА
МИРОВЫХ СУДЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ**

**THE IMPACT OF DIFFERENT MODELS OF JUSTICE
OF THE PEACE ON THE FORMATION OF THE INSTITUTE OF
JUSTICES OF THE PEACE IN THE RUSSIAN EMPIRE**

В статье рассмотрены английская и континентальная модели мировой юстиции в сравнении с моделью мировой юстиции, предложенной в ходе судебной реформы 1864 г. в России. Автор анализирует процесс зарождения мировой юстиции в Англии, обращает внимание на то, что устанавливается порядок постепенного отделения судебных полномочий английских мировых судов от полицейско-административных. Раскрыты пределы компетенции английских

мировых судей, освещен порядок формирования органов мировой юстиции и их содержания. Речь идет и о влиянии английской модели мировой юстиции на порядок предоставления содержания мировым судьям в Российской Империи, отбора кандидатов на должности судей. Исследован также процесс формирования мировой юстиции, ее демократический характер во Франции. Сделан акцент на том, что формирование органов мировой юстиции осуществляется в этой стране путем их избрания. Судебные органы отделяются от иных органов власти, что гарантирует независимость суда. Установлено сходство природы мировой юстиции во Франции и в Российской Империи, которое состоит в том, что мировые судьи избираются и осуществляют власть независимо. В заключение сделан вывод о значительно большем влиянии континентальной модели мировой юстиции на формирование мировых судов в Российской Империи. Показана самостоятельность проведенных преобразований, состоящая в отказе от бездумного копирования достижений зарубежных стран и достаточной нормативной регламентации деятельности этого органа власти.

Ключевые слова: мировой суд, мировой судья, правосудие, судебная власть, история права, история права зарубежных стран, история государства зарубежных стран, право Англии, право Франции, судебная реформа 1864 г.

The article considers the English and Continental models of world justice in comparison with the model of world justice proposed during the judicial reform of 1864 in Russia. The author analyses the process of origin of world justice in England, draws attention to the fact that the order of gradual separation of judicial powers of English magistrates' courts from police-administrative ones is established. The limits of competence of English justices of the peace are revealed, the order of formation of the bodies of justice of the peace and their content is highlighted. It is also about the influence of the English model of justice of the peace on the order of providing maintenance to justices of the peace in the Russian Empire, selection of candidates for the posts of judges. The process of formation of justice of the peace, its democratic character in France is also studied. The emphasis is made on the fact that the formation of the bodies of justice of the peace is carried out in this country by electing them. Judicial bodies are separated from other authorities, which guarantees the independence of the court. The similarity of the nature of justice of the peace in France and in the Russian Empire is established, which consists in the fact that justices of the peace are elected and exercise power independently. It is concluded that the influence of the continental model of world justice on the formation of justices of the peace in the Russian Empire is much greater. The independence of the conducted transformations is shown, consisting in the refusal from thoughtless copying of the achievements of foreign countries and sufficient normative regulation of the activity of this body of power.

Keywords: justice of the peace, justice of the peace, justice, judicial power, history of law, history of law of foreign countries, history of the state of foreign countries, law of England, law of France, judicial reform of 1864.

Мировая юстиция как правовое явление зарождается несколько столетий назад. Данный процесс складывается несколько по-разному в Англии и странах континентальной Европы. В связи с этим в современной науке принято выделять две модели мировой юстиции: английскую и континентальную (французскую). Первая складывается раньше, вторая представляет собой результат переосмысления английской модели во Франции¹. Существуют и иные подходы к типологии, однако они не настолько распространены, поэтому в настоящей статье не рассмотрены².

Современная отечественная модель мировой юстиции строится на основе достижений обеих указанных выше моделей. Но значительно большую роль в формировании системы отечественного института мировых судей играет континентальная модель³. Для обоснования этого вывода необходимо проанализировать основные черты упомянутых выше моделей и соотнести их с особенностями мировой юстиции в рамках судебной реформы 1864 г.

Родиной мировой юстиции традиционно называют Англию. Первые предпосылки формирования мировой юстиции в этой стране начали складываться почти тысячелетие назад в связи с формированием системы общего права. Одной из первых предпосылок ее формирования считают разосланную на территории королевства в 1195 г. прокламацию архиепископа Хьюберта де Вальтера. В ней он требовал от всех людей содействовать королевской власти в соблюдении мира, помогать власти в розыске и поимке нарушителей закона и порядка. За шерифами при этом были закреплены по четыре рыцаря, которым, в свою очередь, было поручено призвать всех мужчин старше 15 лет и принудить их принести клятву в том, что они не

¹ См.: Тетюхин И. Н. История мировой юстиции и проекты введения мирового суда в России // Право: история и современность. 2019. № 3. С. 20.

² Лонская С. В. Типология мировой юстиции // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 9. С. 7.

³ Батыев Г. К вопросу об истории становления российской мировой юстиции // Мировой судья. 2007. № 5. С. 4.

будут совершать преступлений или содействовать их совершению. Всех нарушителей спокойствия следовало доставлять для суда к шерифу¹. Как пишет С. В. Лонская, комиссии из четырех рыцарей под руководством шерифа «...заменяют шерифа в поддержании порядка в округе (policing the countryside)»².

Эти комиссии позволили повысить эффективность осуществления полицейско-административных функций. Кроме того, они были в состоянии урегулировать мелкие споры, не относящиеся напрямую к ведению королевских судов. Тем самым комиссии реализовывали некоторые судебные полномочия на местах. Легитимность их власти была основана на принесенной населением присяге, нарушение которой могло стать поводом для разбирательства. Более того, шериф, призванный обеспечивать мир на вверенной ему территории, был напрямую обязан разрешать незначительные споры в целях сохранения порядка. Его власть не являлась исключительно судебной, поскольку обращение в суд в исследуемый период представлялось привилегией.

Юрисдикция шерифа отличалась от юрисдикции *Curia regis* – Королевского суда. Как указано выше, право на обращение в Королевский суд – это привилегия, даруемая монархом в определенных случаях. Шериф же ввиду своей должности «хранителя мира» был обязан предпринимать все возможные меры для сохранения общественного порядка; он выступал представителем монарха, но не монархом, поэтому властные полномочия осуществлял от собственного имени, но в интересах короны.

Разумеется, шерифы не были мировыми судьями в современном смысле этого слова. Они совмещали судебные и административные полномочия, ведали вопросами местного управления. Однако «под давлением социальных условий служба поддержания мира была преобразована в мировую юстицию во

¹ Подробнее об этом см.: *Beard C. A. The office of justice of the peace in England in its origin and development. New York: Columbia University Press, 1904. P. 17–20.*

² *Лонская С. В. Мировая юстиция в России: монография. Калининград: Калининградский гос. ун-т, 2000. С. 14.*

время долгого правления Эдуарда III»¹. Это преобразование нашло отражение в последующих нормативных актах.

В 1330 г., с изданием Вестминстерского статута, требования к судьям и шерифам во многом унифицированы. Это в какой-то мере отражало признание судебных полномочий за последними: и тех, и других должны были назначать из числа «добропорядочных и благоразумных людей», которые «...должны проводить ассизы и расследования с участием жюри и свидетелей, а также освобождать тюрьмы»². Добропорядочность и благоразумие понимали в смысле наличия определенной репутации.

В дальнейшем происходит обособление судебных полномочий. Т. Минеева пишет: «Хорошо известные историко-правовой науке Вестминстерский статут 1330 г. о судьях и шерифах и ордонанс о судьях 1346 г. говорили о том, что наряду с ассизными судьями в графства Англии должны назначаться законопослушные и добропорядочные люди для поддержания мира, имеющие право задерживать людей, обвиняемых в преступлении, и направлять свои обвинения судьям»³. Уже в 1347 г. мировые судьи приступают к рассмотрению уголовных дел. Формирование статуса мировых судей как института власти происходит окончательно в 1360 г.

К этому времени появляется и термин «Justice of Peace», который дословно переводится как «мировой судья». Они собирались четырежды в год и коллегиально, в составе восьми рыцарей, рассматривали уголовные дела. Постепенно происходит расширение их полномочий. К ним отнесены многие административные полномочия: контроль за системой мер и весов графства, регулирование товарных цен, общий надзор за деятельностью иных органов власти и т. п. Иными словами, начинается обратный процесс сращивания суда с администрацией. Хотя он не был завершен: административные функции лишь присоединялись к основным, то есть судебным. Это позволило осуществлять контроль над местной исполнительной властью и в значительной степени подчинить ее

¹ Beard C. A. Op. cit. P. 33.

² Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В. М. Корецкого. М.: Госюриздат, 1961. С. 209.

³ Минеева Т. Деятельность мировых судей и констеблей как хранителей мира и прав личности в Англии позднего Средневековья // Мировой судья. 2009. № 5. С. 3.

центральной. Данные меры обеспечивали соблюдение баланса между местным самоуправлением и властью монарха, отражали особенности государственного устройства королевства, построенного на феодальных принципах.

Вскоре, во второй половине XIV в., практически через десять лет после их появления, происходит существенное расширение юрисдикции «хранителей мира». Они приобретают право рассматривать дела о тяжких уголовных преступлениях, караемых смертной казнью. Для этого четыре раза в год «хранители мира» собирались для коллегиального рассмотрения таких дел; на основе этой практики формируется так называемый суд четвертных сессий (court of quarter sessions). В дополнение к уголовным делам введена практика «малых сессий», в ходе которых мировые судьи рассматривали остальные дела, не относящиеся к юрисдикции четвертных сессий. Особенность малых сессий заключается в том, что мировые судьи графств рассматривали дела единолично. Наконец, малая сессия и четвертная сессия соотносятся как суд первой инстанции и апелляционный суд соответственно¹.

Учитывая высокое социальное положение мировых судей, в 1391 г. король Ричард II отказывает им в жаловании. Это правило можно считать подобным древнеримскому: магистраты Рима также действовали безвозмездно, поскольку сама по себе должность считалась почетной (за что заслужили имя «honores»; вероятно, с этого времени, конца XIV века, в Англии и возникает традиционное обращение к суду «Your honor», что означает «Ваша честь»).

В XV–XVI веках продолжается развитие института мировой юстиции. Так, в 1461 г., а затем в 1554–1555 гг. королевскими статутами «хранители мира» обязуются проводить по уголовным делам так называемое preliminary investigation, то есть предварительное следствие. Лишь по итогам предварительного следствия уголовное дело передавали на рассмотрение. Изменяется и положение мирового судьи как института в системе органов власти. Т. Минеева пишет: «К концу XV в. мировые судьи оказались подчиненными центральным судебным органам, прежде всего – Звездной палате»².

¹ Подробнее об этом см.: *Познышев С. В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Г. А. Леман, 1913. С. 59–60.

² *Минеева Т.* Указ. соч. С. 4.

Примерно к этому же времени относится и наделение мировых судей правом выдавать ордер в отношении подозреваемых в «фелонии», то есть преступлении средней тяжести. В 1562 г. королевским статутом полномочия мировых судей расширены, особенно в сфере «рабочего законодательства», что привело к формированию особых форм судопроизводства в отсутствие жюри.

Институт мировой юстиции не претерпевает коренных изменений в Англии до середины XIX в. Уже в 1839 г. появляется возможность получения платы за занятие должности мирового судьи; все судьи разделены на две категории по наличию платы: осуществляющие юрисдикцию возмездно и осуществляющие юрисдикцию безвозмездно. Полицейские полномочия в этот период полностью отделены от юстиции.

Французская (континентальная) модель мировой юстиции строилась на иных, нежели английская, принципах. Так, в ее основе находилась модная в XVIII веке теория разделения властей (нашедшая применение в США). Она предполагает четкое отделение функций судебной власти от функций власти законодательной и исполнительной. Представительные органы, осуществляющие законодательную власть, не вмешивались в политические процессы, происходящие на местах. Складываясь в условиях политического кризиса, эта модель тем не менее стабильна. Так, с приходом к власти Наполеона «законодательная власть раздроблялась между несколькими учреждениями: государственный совет предлагал законы, трибунал их обсуждал, законодательный корпус вотировал, сенат охранял их; право обнародования их принадлежало первому консулу, в руках которого сосредоточивалась и вся исполнительная власть. Ему же принадлежало право назначения и смещения двух других консулов, министров, послов, членов государственного совета, административных чиновников и всех судей, кроме мировых и членов кассационного суда»¹. Последовавшая за низложением Наполеона Конституция 1814 г., изменив форму правления, сохранила прежний порядок назначения мировых судей.

С начала организации новой судебной системы после революции в основу института мировых судей положены демократические принципы. Так, декрет от 16 августа 1790 г.

¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 16. СПб.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1895. С. 85.

«Об организации судов»¹ взамен ликвидированных частных и сенъориальных судов вводит должность мирового судьи (*juges de paix*). В основу декрета положена революционная идея: ст. 3 раздела II Декрета гласила о том, что судьи будут избраны теми, кто подлежит их суду, то есть гражданами.

Общая процедура выбора мировых судей выглядела следующим образом. Во-первых, мировой судья должен был осуществлять свои полномочия на территории населенного пункта с численностью более 2 000 жителей. Если в дистрикте существует город, в котором проживают свыше 50 000 человек, то возможным было избрание шестерых мировых судей. Избранным мировым судьей могло быть любое лицо «из числа граждан, имеющих право быть избранными в администрации департамента и дистрикта и достигших полных 30 лет. Иные избирательные цензы для судей запрещаются. Срок избрания мировых судей составлял два года»². О порядке назначения мировых судей подробно пишет Е. И. Холодова: «Мировые судьи избирались на первичных собраниях активных граждан из числа лиц, имеющих право быть избранными в состав администрации департамента и дистрикта. Срок полномочий судей несколько раз изменялся, но не превышал двух лет, с правом переизбрания. При мировом суде состояли эксперты – ассессоры³, избравшиеся списком на том же первичном собрании (в количестве до 4-х человек)»⁴. Конечно, нельзя считать эти выборы подлинно демократичными: малоимущие слои населения в связи с высоким избирательным цензом были отделены в том числе и от выборов мировых судей.

В первые пять лет деятельности мировые судьи рассматривали дела коллегиально. Однако с 1795 г. вводится единоличное рассмотрение дел, подсудных мировым судьям. Вместе с тем компетенция их отличалась от английских мировых судей: во Франции мировой судья вправе был рассматривать

¹ Об организации судов: декрет от 16 августа 1790 г. // Великая французская революция: документы и исследования: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. А. В. Адо. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 94.

² Великая французская революция: документы и исследования: в 2 т. Т. 1 / отв. ред.

А. В. Адо. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 90.

³ Иное их название – нотабли.

⁴ Холодова Е. И. Мировой суд Англии и Франции: история и современность // Новая правовая мысль. 2008. № 5. С. 65.

только незначительные гражданские дела и уголовные дела, наказание за которые не превышало трех дней тюрьмы¹.

Существовали и некоторые черты сходства с английской моделью: наряду с мировыми судьями ограниченной юрисдикцией обладали мэры городов (эти полномочия отняты у них лишь в 1873 г.). Мировые судьи не были профессиональными юристами, осуществляли деятельность безвозмездно, их назначали органы исполнительной власти (правительство кантона), были несменяемы, но по причине болезни подлежали замене помощниками – ассессорами. Помощников не ограничивали в компетенции, и они рассматривали такие же дела и в таком же порядке, что и мировые судьи.

Однако подобные совпадения – это не более чем случайность; по существу, Франция заимствовала лишь идею мировой юстиции и дословно перевела наименование соответствующей магистратуры. В подобном виде мировая юстиция существовала полтора столетия. Таким образом, «судебная организация, простая по форме и удобная для граждан, пережила создателя и с наибольшими изменениями сохранилась до 1958 г.»²

В целом английская и французская юстиция, несмотря на существенные внешние различия, осуществляет одну и ту же функцию: поддержание мира и правопорядка на определенной территории, как правило, в пределах муниципалитета. Вместе с тем в процедуре назначения на должность мирового судьи существует заметная разница в подходах: английских хранителей мира назначали короной, и они постепенно эволюционировали в мировых судей; французские мировые судьи были произведением буржуазных реформ и отражали в первую очередь не феодальные, но буржуазные интересы. Поэтому английские мировые судьи, как правило, назначаются и осуществляют власть от имени короны, а мировые судьи Франции (до 1958 г.) избираются.

В России мировые судьи появились лишь в ходе судебной реформы 1864 г. Именно в рамках реформы происходит

¹ Подробнее об этом см. параграф 64 работы: *Омельченко О. А.* Всеобщая история государства и права: учебник: в 2 т. Т. 2. 3-е изд., испр. М.: ТОН – Остожье, 2000. С. 97.

² Смирнова Я. Б. История института мировых судей в зарубежных странах // SuperInf.ru. 2012. 23 января. URL: http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1918 (дата обращения: 21.10.2023).

разделение судебных и административных полномочий, формируется независимая судебная власть. В этом данный процесс схож с аналогичным во Франции: суд возникает сразу, без попыток постепенного преобразования ранее существовавших сословных судов. Вместе с тем в России реформа проведена «сверху», вне связи с революционными событиями. В этом состоит ее отличие от Франции: в реформе выражена воля центральной власти.

Учреждение судебных установлений предусматривает правило, согласно которому мировых судей назначают по уездам и городам. Уезд в целом составлял отдельный мировой округ, разделяемый на мировые участки. В каждом участке находился отдельный мировой судья. Допустимым было существование почетных мировых судей, состоявших при мировом округе и осуществлявших правосудие по обращению к ним граждан. Высшей (апелляционной) инстанцией был провозглашен съезд мировых судей, включавший в себя всех участковых и почетных судей, возглавляемый избранным ими председателем. Привязка к административно-территориальному устройству государства говорит о сходстве с английской моделью мировой юстиции.

Глава 2 Учреждения судебных установлений 1864 г. содержала требования к кандидатам в мировые судьи. Они должны были достичь 25 лет, обладать как минимум средним образованием (высшее образование не требовалось) или иметь стаж практической работы не менее трех лет, обладать достаточным имуществом. Статья 21 предусматривала ограничения для кандидатов в мировые судьи; в целом они отнесены к добропорядочности кандидата¹.

Статьи 22–40 Учреждения судебных установлений 1864 г. определяли порядок избрания мировых судей. В целом он соответствует французской модели: судей избирали те, кого они должны были судить. Однако выборы не были непосредственными; их осуществляли земские органы, в которых представительство низших сословий было ограниченным. Поэтому, несмотря на очевидный демократический характер процедуры избрания, она была связана с сословной структурой

¹ Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/57791718/?ysclid=ltln8yosp0627916660> (дата обращения: 02.11.2023).

общества. Но факт избрания мировых судей придает такому институту сходство с континентальной моделью.

Оценку избрания именно выборных начал для назначения мировых судей в настоящее время многие авторы дают позитивную, указывая на то, что именно этот орган был одним из провозвестников демократии в России. Н. А. Савченко утверждает следующее: «Мировой суд обеспечивал доступность, простоту, быстроту судопроизводства. Это был демократичный институт не только по способу формирования и характеру рассмотрения дел, но и по степени приближенности к населению»¹.

Из английской модели заимствованы нормы относительно жалования мировых судей. Участковый мировой судья, по общему правилу, получал жалование, но был допустим (в рекомендательном порядке) и отказ от жалования. Об этом говорится в Учреждении судебных установлений от 20 ноября 1864 г.: «Участковый мировой судья, отказавшийся от следующего ему по этой должности содержания, получает название почетного участкового мирового судьи, сохраняя оное во все время безвозмездного заведования участком»². Тем самым, как и в Англии, мировых судей разделяли на две группы, имеющие свои наименования.

Природу полномочий мировой юстиции в России следует уподобить континентальной. Мировой суд как правовой институт возникает не при постепенном отделении полицейско-административных полномочий от представителей монарха на местах. Он создан в качестве самостоятельного института судебной власти. Мировые судьи в Российской Империи административными полномочиями не наделены. Функционально они должны были не «поддерживать мир», то есть выражать интересы монарха, а именно вершить суд. Все это роднит отечественную мировую юстицию с французской.

В целом, несмотря на заимствование ряда достижений из английской и французской моделей, мировая юстиция России в XIX веке видится более близкой к континентальной модели. Это

¹ Савченко Н. А. Эволюция мировой юстиции в России // Мировой судья. 2011. № 7. С. 11.

² Учреждение судебных установлений от 20 ноября 1864 г. // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/57791718/?ysclid=ltln8yosp0627916660> (дата обращения: 02.11.2023).

связано как с природой института мировых судей, призванного независимо осуществлять правосудие, так и с порядком формирования указанных органов власти (путем избрания). Однако отечественный законодатель не просто скопировал достижения других стран. Модель отечественной мировой юстиции более прогрессивна: сразу в ходе реформы введены две судебные инстанции (первая и апелляционная); формирование органов мировой юстиции связано с ранее проведенной административной реформой; деятельность мировых судей регламентирована отдельным нормативным правовым актом. Взвешенный и продуманный подход к созданию данного института власти позволил избежать споров о компетенции, процессуальном порядке рассмотрения дел, подведомственности различных дел суду. Корпус нормативных актов, созданных для регламентирования деятельности мирового судьи, значительных противоречий не содержал, в отличие от Англии, в которой процесс их создания и оформления растянулся на столетия.

Библиографический список

1. Батыев Г. К вопросу об истории становления российской мировой юстиции. // Мировой судья. 2007. № 5. С. 2–6.
2. Лонская С. В. Мировая юстиция в России: монография. Калининград: Калининградский гос. ун-т, 2000. 215 с.
3. Лонская С. В. Типология мировой юстиции // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2012. № 9. С. 7–12.
4. Минеева Т. Деятельность мировых судей и констеблей как хранителей мира и прав личности в Англии позднего Средневековья // Мировой судья. 2009. № 5. С. 2–5.
5. Омельченко О. А. Всеобщая история государства и права: учебник: в 2 т. Т. 2. 3-е изд., испр. М.: ТОН – Остожье, 2000. 496 с.
6. Познышев С. В. Элементарный учебник русского уголовного процесса. М.: Г. А. Леман, 1913. 337 с.
7. Савченко Н. А. Эволюция мировой юстиции в России // Мировой судья. 2011. № 7. С. 9–13.
8. Смирнова Я. Б. История института мировых судей в зарубежных странах // SuperInf.ru. 2012. 23 января. URL:

http://superinf.ru/view_helpstud.php?id=1918 (дата обращения: 21.10.2023).

9. Тетюхин И. Н. История мировой юстиции и проекты введения мирового суда в России // Право: история и современность. 2019. № 3. С. 14–33.

10. Холодова Е. И. Мировой суд Англии и Франции: история и современность // Новая правовая мысль. 2008. № 5. С. 59–67.

11. Хрестоматия памятников феодального государства и права стран Европы / под ред. В. М. Корецкого. М.: Госюриздат, 1961. 950 с.

12. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. Т. 16. М.: Типо-лит. И. А. Ефрона, 1895. 480 с.

13. Beard C. A. The office of justice of the peace in England in its origin and development. New York: Columbia University Press, 1904. 184 p.

УДК 342.6
ББК 67.7

Н.В. Баландина

доцент кафедры уголовного
права и правоохранительной
деятельности
Астраханского
государственного университета
имени В. Н. Татищева,
кандидат юридических наук
Россия, г. Астрахань
rudikova@rambler.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ ОБЩИХ ТРЕБОВАНИЙ К ЛИЦАМ,
ПОСТУПАЮЩИМ НА СЛУЖБУ В ПОЛИЦИЮ (МИЛИЦИЮ):
ОТ СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО К НАСТОЯЩЕМУ**

**EVOLUTION OF GENERAL REQUIREMENTS FOR PERSONS
ENTERING THE POLICE (MILITIA) SERVICE:
FROM THE SOVIET PAST TO THE PRESENT**

В статье исследованы вопросы об изменении общих государственных требований, предъявляемых к кандидатам на должности в полиции (милиции). Исходя из схожести политических обстоятельств, обуславливающих актуальность темы, определены хронологические рамки предмета исследования: с момента

возникновения советской власти до настоящего времени. Автором проанализирован широкий нормативно-правовой массив, регулирующий вопросы отбора кандидатов на милицмейские (полицейские) должности, выявлены основные группы требований и способы их закрепления в юридических документах. В процессе исследования нормативно-правовой базы в хронологическом порядке проведен сравнительный анализ изменений позиции государства относительно свойств, качеств и иных требований, предъявляемых к лицам, поступающим на службу в органы внутренних дел. Сделаны обобщающие выводы об исчезновении требований политического характера, появлении общих интеллектуальных, физиологических, психологических требований, о фактическом переходе требований к образованию из разряда общих в специальные (должностные).

Ключевые слова: милиция, полиция, органы внутренних дел, общие требования, специальные требования, кандидат на должность, кадры, кадровая политика.

The article investigates the issues about the changes in the general state requirements for candidates for positions in the police (militia). Based on the similarity of political circumstances that determine the relevance of the topic, the chronological framework of the subject of the study is defined: from the emergence of Soviet power to the present time. The author analysed a wide normative-legal array regulating the issues of selection of candidates for police (police) positions, identified the main groups of requirements and ways of their consolidation in legal documents. In the process of researching the legal framework in chronological order, a comparative analysis of changes in the position of the state regarding the properties, qualities and other requirements for persons entering the service in the internal affairs bodies was carried out. Generalising conclusions are made about the disappearance of political requirements, the emergence of general intellectual, physiological, psychological requirements, the actual transition of educational requirements from the category of general to special (official).

Keywords: police, police, internal affairs bodies, general requirements, special requirements, candidate for a position, personnel, personnel policy.

Становление Советского государства требовало консолидации общества и борьбы с внутренними дестабилизирующими силами, так как Гражданская война и внутренняя нестабильность препятствовали выступлению на международной арене в качестве сильного полноправного субъекта. Современная политическая ситуация, обусловившая активное отстаивание Россией ее национальных интересов, противостояние внешним угрозам и санкционному давлению требует внутреннего спокойствия, солидарности и единства российского гражданского общества. В. В. Путин

справедливо указал на то, что «во все времена МВД по праву считалось ключевым звеном правоохранительной системы России, а сотрудники ведомства всегда были оплотом государственности, не жалея себя защищали Родину и граждан от внутренних угроз, участвовали в решении важнейших общенациональных задач»¹. Поэтому качественный отбор сотрудников органов внутренних дел (ОВД) является важным условием обеспечения стабильной внутренней ситуации и подчеркивает актуальность темы в обозначенных хронологических рамках.

В теории административного права сложилось непротиворечивое понимание деления квалификационных требований, предъявляемых к сотруднику ОВД, на общие (базовые²), предъявляемые к кандидатам на службу в ОВД, и специальные³ (должностные), обусловленные спецификой занимаемой должности. В рамках настоящей статьи предметом научного анализа являются именно общие (базовые) требования.

Спустя год после создания рабочей милиции (28 октября 1917 г.⁴), 13 октября 1918 г., принято постановление Народного комиссариата по внутренним делам (НКВД) и Народного комиссариата юстиции (НКЮ) РСФСР «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (инструкция)»⁵, в ст. 18 которого

¹ Поздравление с Днем сотрудника органов внутренних дел. Президент поздравил личный состав и ветеранов органов внутренних дел Российской Федерации с профессиональным праздником // Президент России: офиц. сайт. 2021. 10 ноября. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/bye-date/10.11.2021> (дата обращения: 20.11.2023).

² Белецкая Я. В. Квалификационные требования к сотрудникам органов внутренних дел, нормативные критерии их установления // Полицейская деятельность. 2019. № 3. С. 39.

³ Колмаков П. А., Земсков Д. А. К вопросу о совершенствовании квалификационных требований, предъявляемых к сотрудникам органов внутренних дел // Universum: экономика и юриспруденция. 2015. № 7 (18). URL: [https://7universum.com/pdf/economy/7\(18\)/Kolmakov.pdf](https://7universum.com/pdf/economy/7(18)/Kolmakov.pdf) (дата обращения: 20.11.2023).

⁴ О рабочей милиции: постановление НКВД РСФСР от 28 октября 1917 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3940&ysclid=1thp3cijqu675775243#si22N6UmoC0VrlkD1> (дата обращения: 20.11.2023).

⁵ Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (инструкция): постановление НКВД РСФСР, Наркомюста РСФСР от 13 октября 1918 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14210&ysclid=1thptxjedy870305552#V6F7N6UWW94t8fbH1> (дата обращения: 20.11.2023).

содержались общие требования к лицам, назначаемым на должности в советской милиции. Советское государство предъявляло к лицам, поступающим на должность милиции, требование наличия гражданства РСФСР; повышенные по сравнению с возрастом политической дееспособности 18 лет, закрепленным в ст. 64 Конституции РСФСР 1918 г.¹, возрастные требования (достижение 21 года), размытые требования к образованию (вполне грамотные) и политические требования (наличие активного и пассивного избирательного права в Советы депутатов и призвание Советской власти).

В ст. 19 анализируемого документа запрещено назначать на должности советской милиции ряд лиц: состоящих под следствием и судом по обвинению в преступных деяниях; подвергшихся по суду лишению или ограничению в правах или осужденных за кражу, мошенничество, присвоение вверенного имущества, укрывательство похищенного, покупку и принятие в заклад заведомо краденого в виде промысла или полученного через обман имущества, подлог, лихоимство, взяточничество, ростовщичество, спекуляцию и сокрытие предметов, подлежащих государственному учету и распределению; всех лиц, прибегающих к наемному труду с целью извлечения прибыли; всех живущих на нетрудовой доход (проценты с капитала, поступления с имущества и т. п.); всех частных торговцев и торговых посредников; служителей различных культов; служителей и агентов бывших жандармских отделений и чинов бывшей полиции, а также членов бывшего императорского дома; лиц, признанных в установленном порядке душевнобольными, глухонемых, находящихся под опекой. В указанной статье прослеживается, по сути, прообраз современных ограничений и запретов, связанных со службой в ОВД, с «примесью» политических требований к отсутствию принадлежности к императорской службе и службе религиозного культа. Аккумулируя вышеизложенное, заключим, что постановление от 13 октября 1918 г. «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции» предусматривает требования к лицам,

¹ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики: принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г. // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/?ysclid=lthpzf8voh78878683> (дата обращения: 23.11.2023).

поступающим на должность милиции, в двух аспектах: непосредственные требования и отсутствие обстоятельств, препятствующих назначению на должность.

Указанные группы требований обобщены и изложены в параграфе 6 декрета Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов и Совета народных комиссаров (ВЦИК и СНК) от 10 июня 1920 г. «О Рабоче-Крестьянской милиции»¹. Возрастные требования остались прежними (не моложе 21 года), требования к образованию изложены формулировкой «грамотные». Сохранилось требование к наличию избирательного права в Советы, включены требования об отсутствии уголовного преследования в целом, о состоянии здоровья (вполне здоровые и пригодные для службы), а равно требование о наличии статуса красноармейца.

Дальнейшая проработка требований к лицам, поступающим на службу в рабоче-крестьянскую милицию, нашла отражение в декрете ВЦИК и СНК РСФСР от 28 сентября 1925 г. «О введении в действие Положения о службе Рабоче-Крестьянской милиции»². В соответствии со ст. 16 Положения лица, поступающие на службу в милицию, в частности на строевую и административную, а также на активную уголовно-розыскную работу, должны удовлетворять определенным условиям. В числе этих условий – по-прежнему наличие избирательного права, возрастной ценз не моложе 21 года по общему правилу и не моложе 18 лет в исключительных случаях (эти случаи в Положении не перечислены), а требования к состоянию здоровья и образованию уточнены. Кандидат на должность милиции должен удовлетворять по состоянию здоровья требованиям правил для определения на службу в милицию и не иметь болезней, препятствующих несению службы в рабоче-крестьянской милиции, перечисленных в особой инструкции, издаваемой Народным комиссариатом внутренних дел совместно с Народным

¹ О Рабоче-Крестьянской милиции (положение): декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 10 июня 1920 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17629&ysclid=1thqhn38vy353898512#PxsBN6UvaPGtuSEJ> (дата обращения: 20.11.2023).

² О введении в действие Положения о службе Рабоче-Крестьянской милиции: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 28 сентября 1925 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18875&ysclid=1thqtxqm3679069889#WCIEEN6UKKPpzT4uo> (дата обращения: 20.11.2023).

комиссариатом здравоохранения РСФСР, а равно соответствовать по своему образованию требованиям программы трудовой школы не ниже первой ступени. Кандидаты по общему правилу должны были проходить проверку знаний и степени пригодности к милицейской службе в испытательных комиссиях.

Принятое 25 мая 1931 г. первое общесоюзное Положение о рабоче-крестьянской милиции¹ не содержало общих требований к кандидатам на должность в милиции. А. А. Резников пишет, что после Великой отечественной войны, «унесшей огромное количество сотрудников, причем далеко не худшую их часть, ...«перед органами внутренних дел по-прежнему крайне остро стоял вопрос о некачественном кадровом комплектовании, о чем свидетельствовал... довольно высокий количественный уровень правонарушений, совершенных сотрудниками внутренних дел, а также крайне низкий общеобразовательный уровень сотрудников, что естественным образом отражалось на культуре поведения работников органов внутренних дел, на их профессиональной этике, отношении к своему делу»².

Анализ данной проблемы и последующее развитие нормативно-правовой основы формирования милицейских кадров нашли отражение в ряде документов. Так, п. 5 постановления Совета министров СССР от 17 августа 1962 г. № 901 «Об утверждении Положения о советской милиции»³ устанавливал, что на работу в милицию принимают граждан СССР, морально выдержанных и беспредельно преданных социалистической Родине и Коммунистической партии Советского Союза. Принятое в 1968 г. постановление ЦК КПСС, Совмина СССР № 902-316 «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению» устанавливало требование о необходимости комплектования милиции по направлениям коллективов трудящихся с

¹ Положение о рабоче-крестьянской милиции: постановление СНК СССР от 25 мая 1931 г. № 390 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=12085&ysclid=lthrsjzyd21066138#MCoGN6UMgb21XfL5> (дата обращения: 20.11.2023).

² Резников А. А. Структура и кадровая политика органов внутренних дел СССР в 1945–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. С. 134.

³ Об утверждении Положения о советской милиции: постановление Совмина СССР от 17 августа 1962 г. № 901 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=35002&ysclid=lthrdyb23g974881257#53DIN6UK81czjtzu1> (дата обращения: 20.11.2023).

обсуждением рекомендуемых на работу в милицию на собраниях партийных, профсоюзных и комсомольских организаций¹. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью»² консолидировал содержащиеся в приведенных выше документах требования и предписывал принимать на службу в милицию граждан СССР, преданных социалистической Родине и делу коммунистического строительства, способных по своим политическим и деловым качествам, подготовке и состоянию здоровья обеспечить охрану общественного порядка, успешно вести борьбу с преступностью и другими правонарушениями, уточняя, что комплектование милиции в округах, городах и районах осуществляется, как правило, из числа лиц, направляемых коллективами трудящихся.

Закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-1 «О советской милиции»³ не содержал четкого перечня требований к лицам, поступающим на службу в милицию, за исключением требования гражданства СССР, и в общих чертах предусматривал, что эти лица должны быть способны по личным, моральным и деловым качествам, образованию и состоянию здоровья выполнять возложенные на милицию обязанности. Эти требования позднее сформулированы в ст. 8 постановления Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. № 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации»: наличие гражданства РФ, возраст не моложе 18 и не

¹ О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укреплению: постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19 ноября 1968 г. № 902-316 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=23291&ysclid=lthrgb49cj233345584#PdfIN6U6BVsd86ac1> (дата обращения: 20.11.2023).

² О внесении некоторых дополнений в Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных обязанностях и правах советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью»: указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июня 1973 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1721&ysclid=lthrp8bgnu666693715#BvPKN6USkkeHOcdA1> (дата обращения: 20.11.2023).

³ О советской милиции: закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-1 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3507&ysclid=lths0zgz43598615029#BciMN6UwTd7PyKOE1> (дата обращения: 20.11.2023).

старше 40 лет, требование к образованию, ранжированное по должностям (не ниже среднего), а равно обладание способностью по деловым, личным и нравственным качествам, образованию и состоянию здоровья выполнять служебные обязанности. Вместе с тем, как справедливо пишет Ю. А. Зенцова, законодатель не уточняет, «кто вправе решать, способен ли гражданин по вышеназванным качествам выполнять эти обязанности и что подлежит отнесению к личным, или нравственным, или деловым качествам»¹. В связи с этим в науке административного права высказаны предложения «на уровне закона предусмотреть конкретные мероприятия в целях выявления и оценки профессионально значимых психологических качеств в отношении всех граждан, поступающих на службу в органы внутренних дел РФ»² и придать подбору кадров органов внутренних дел статус административной процедуры, детально его регламентировав³. Политические требования, характерные для советского периода, отменяются. Устанавливают право поступления на службу, независимо от национальности, пола, социального происхождения, имущественного и должностного положения, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям. По аналогии с постановлением «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской милиции» от 13 октября 1918 г. перечень требований фактически продолжен в ст. 9 постановления Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. и выражен в перечислении обстоятельств, при наличии которых гражданин не может быть принят на службу в ОВД (в случаях установленной судом недееспособности или ограниченной дееспособности, судимости, факта уголовного преследования лица).

Федеральный закон «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ⁴ на момент принятия содержал ст. 35, предусматривающую

¹ Зенцова Ю. А. Понятие и признаки квалификационных требований по должностям правоохранительной службы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. № 2. С. 67.

² Бобров А. М. Поступление на государственную службу в органы внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 24.

³ Разуваева Н. И. Подбор и аттестация кадров органов внутренних дел (административно-правовые и организационные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2014. С. 183.

⁴ О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Российская газета. 2011. 8 февраля.

схожие со ст. 8 постановления Верховного Совета РФ от 23 декабря 1992 г. требования к поступающим на службу в полицию, с учетом некоторых изменений: верхний возрастной предел поступающего снижен с 40 до 35 лет, дополнено требование о владении государственным языком РФ, уточнено образование (не ниже среднего (полного) общего), упразднено требование обладания нравственными качествами, но дополнено требование о физической подготовке, предоставляющей способность выполнять служебные обязанности сотрудника полиции. Исключение из перечня обязательных требований нравственных качеств вызовет сожаление, хотя бы потому, что, как пишет А. И. Дубнякова, на январь 2011 г. (перед принятием Закона) Россия возглавляла рейтинг стран по количеству граждан, не доверяющих полиции (милиции)¹. В 2015 г. ст. 35 Закона утратила силу, переместившись в ст. 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», за исключением замены требования о минимальном образовании положением «соответствующие квалификационным требованиям, установленным настоящим Федеральным законом»².

Проведенный анализ эволюции общих требований, предъявляемых к кандидату на должность сотрудника ОВД в период с 1917 г. по настоящее время, позволил сформулировать следующие выводы. С учетом особой важности назначения милиции (полиции) и возложенных на нее задач, функций к лицам, поступающим на службу, всегда предъявляли повышенные требования, включавшие в себя возрастной критерий, наличие гражданства, определенного уровня образования, здоровье и репутационные требования, свидетельствующие об отсутствии фактов нарушения кандидатом уголовного законодательства. В ходе трансформации российского государства, в связи с отказом от советской идеологии, провозглашением идеологического многообразия, свободы совести и вероисповедания, закреплением равного

¹ Дубнякова А. И. Образ сотрудника полиции в сознании граждан // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2013. № 4. С. 19.

² О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020.

доступа к государственной службе из общих требований к сотрудникам ОВД исчезли требования политического характера, появились общие интеллектуальные (к сожалению, исключены нравственные качества), физиологические, психологические требования, а требование о владении государственным языком, квалификационные требования к образованию фактически перешли из общих в специальные (должностные) требования.

Библиографический список

1. Белецкая Я. В. Квалификационные требования к сотрудникам органов внутренних дел, нормативные критерии их установления // *Полицейская деятельность*. 2019. № 3. С. 35–41.
2. Бобров А. М. Поступление на государственную службу в органы внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 30 с.
3. Дубнякова А. И. Образ сотрудника полиции в сознании граждан // *Психопедагогика в правоохранительных органах*. 2013. № 4. С. 19–21.
4. Зенцова Ю. А. Понятие и признаки квалификационных требований по должностям правоохранительной службы // *Научный вестник Омской академии МВД России*. 2010. № 2. С. 66–68.
5. Колмаков П. А., Земсков Д. А. К вопросу о совершенствовании квалификационных требований, предъявляемых к сотрудникам органов внутренних дел // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2015. № 7 (18). URL: [https://7universum.com/pdf/economy/7\(18\)/Kolmakov.pdf](https://7universum.com/pdf/economy/7(18)/Kolmakov.pdf) (дата обращения: 20.11.2023).
6. Разуваева Н. И. Подбор и аттестация кадров органов внутренних дел (административно-правовые и организационные аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2014. 215 с.
7. Резников А. А. Структура и кадровая политика органов внутренних дел СССР в 1945–1953 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 178 с.

УДК 341.9
ББК 67.93

Т. В. Глинщикова

доцент кафедры международного частного
и предпринимательского права
Кубанского государственного аграрного
университета имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Краснодар
glinshikowa@yandex.ru

Т. И. Антун

магистрант факультета заочного обучения
Кубанского государственного аграрного
университета имени И. Т. Трубилина
Россия, г. Краснодар
t.antounlaw@gmail.com

**ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ВЕНСКОЙ КОНВЕНЦИИ
О ДОГОВОРАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ,
ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ СФЕРУ ЕЕ ДЕЙСТВИЯ**

**ISSUES OF INTERPRETATION OF THE PROVISIONS OF THE
VIENNA CONVENTION OF THE VIENNA CONVENTION ON CONTRACTS
FOR THE INTERNATIONAL SALE OF GOODS DEFINING ITS SCOPE OF
APPLICATION**

В статье проанализированы положения Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров (1980) относительно сферы ее действия. Венская конвенция 1980 г. устанавливает стандарт толкования, предусматривающий квалификацию правовых категорий, отраженных в ее тексте, в отрыве от используемой в национальном праве государств. Эта идея разработчиков Венской конвенции способствовала, по мнению авторов статьи, значительному увеличению количества ее участников. Рассматриваемый документ служит актуальным правовым инструментом, который необходимо учитывать российским лицам, вступая в трансграничные торговые отношения с национальными субъектами ее государств-участников. Однако авторами обращено внимание на непоследовательность российских судов при применении положений Конвенции вследствие недостаточного опыта применения норм международных договоров. Утверждается, что подходы к толкованию положений Венской конвенции, определяющие сферу ее применения, должны быть основаны не только на изучении

текста Конвенции, но и на анализе подготовительных материалов, а также практики ее применения национальными судами государств-участников и арбитражами. Исследование подготовительных материалов при создании международных договоров позволяет уяснить их действительное содержание.

Ключевые слова: принцип добросовестности, автономия воли, сфера действия, международные региональные соглашения, международный договор, общие условия поставок, международная купля-продажа, арбитраж, суд.

The article analyses the provisions of the Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods (1980) regarding its scope. The Vienna Convention of 1980 establishes a standard of interpretation, providing for the qualification of legal categories reflected in its text in isolation from the one used in the national law of states. This idea of the drafters of the Vienna Convention contributed, according to the authors of the article, to a significant increase in the number of its parties. The document under consideration serves as a relevant legal instrument, which should be taken into account by Russian persons entering into cross-border trade relations with national entities of its member states. However, the authors draw attention to the inconsistency of Russian courts in applying the provisions of the Convention due to insufficient experience in applying the norms of international treaties. It is argued that approaches to the interpretation of the provisions of the Vienna Convention, which determine the scope of its application, should be based not only on the study of the text of the Convention, but also on the analysis of preparatory materials, as well as the practice of its application by the national courts of the States Parties and arbitrations. The study of preparatory materials in the creation of international treaties makes it possible to clarify their actual content.

Keywords: principle of good faith, autonomy of the will, scope, international regional agreements, international contract, general conditions of supply, international sale, arbitration, court.

Важной вехой унификации материально-правового регулирования трансграничных торговых отношений была призвана стать разработка Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров. В 1980 г. ЮНСИТРАЛ (Комиссия Организации Объединенных Наций (ООН) по праву международной торговли; United Nations Commission on International Trade Law, UNCITRAL) подготовила проект конвенции. С рядом поправок он утвержден на дипломатической конференции в г. Вене, в которой побывали представители государств – участников ЮНСИТРАЛ из различных регионов мира. Конвенция стала основным универсальным международным договором, посвященным международной

купле-продаже, работа над проектом которого начата еще в довоенное время.

В сборнике ЮНСИТРАЛ по прецедентному праву, посвященному Конвенции ООН о международной купле-продаже товаров, собрана судебная практика государств – участников Венской конвенции 1980 г.¹ Решения международных коммерческих арбитражей и государственных судов по применению Венской конвенции собраны в электронной базе Case Law on UNCITRAL Texts (CLOUT)².

Обширная практика применения положений Венской конвенции 1980 г. зарубежными судами и арбитражами служит примером жизнеспособности международного договора в течение ряда десятилетий. В попытке найти компромиссные решения создатели Конвенции нередко жертвовали простотой и ясностью ее положений. Кроме того, сферу применения Конвенция необходимо учитывать российским лицам, вступая в трансграничные торговые отношения с национальными субъектами ее государств-участников.

Сфера применения Венской конвенции заключена в статьях 1–5, в которых содержатся условия, необходимые для включения договора купли-продажи в предметную сферу действия Конвенции. Местонахождение коммерческих предприятий сторон договора в разных странах указывает на его международный характер. Следует поддержать точку зрения ученых, которые обращают внимание на необходимость разграничения судами места государственной регистрации и коммерческой деятельности организации³. Полагаем, российским государственным судам необходимо ориентироваться на место осуществления коммерческой деятельности стороны.

Сформулированные в международно-правовых документах общие принципы торгового права (принцип свободы договора, добросовестности, презумпция обычая и др.) оказали

¹ UNCITRAL Digest of Case Law on the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods. 2012 // United Nations Commission On International Trade Law. URL: <http://www.uncitral.org/pdf/english/clout/CISG-digest-2012-e.pdf> (дата обращения: 15.10.2023).

² Case Law on UNCITRAL Texts // United Nations Commission On International Trade Law. URL: http://www.uncitral.org/uncitral/ru/case_law.html (дата обращения: 15.10.2023).

³ Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2013. С. 430.

существенное влияние на содержание Венской конвенции. В частности, ст. 7 допускает применение таких принципов судами и арбитражами в случае необходимости восполнения пробелов Конвенции. Однако ученые справедливо обращают внимание на применение принципов при отсутствии решения в тексте Конвенции в редких случаях¹. Как следствие, применение национального права в качестве субсидиарного статута следует признать основным методом восполнения пробелов Венской конвенции, при этом в ней не содержатся коллизионные нормы, которые определяют субсидиарный статут². Коллизионные нормы подразделяются на национальные и универсальные. Последние, например, содержатся в Гаагской конвенции 1955 г. о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, впервые признавшей автономию воли³.

На конференции в 1980 г. участники обсуждали вопрос, имеющий большое практическое значение: о возможности исключения сторонами применения принципов, которые сформулированы в Венской конвенции, исходя из идеи диспозитивности ее положений. Делегация Канады выдвинула предложение о включении в ст. 6 правила, предусматривающего невозможность для сторон исключить своим соглашением обязанность действовать добросовестно, разумно и осмотрительно⁴. Это предложение отклонено. Однако такое заявление подтверждает признание принципа добросовестности в качестве основного правового принципа Конвенции.

Правоприменителю при определении сферы применения Венской конвенции 1980 г. также следует обращать внимание на заявления, которые государства-участники могут сделать согласно ст. 92–96. В соответствии со ст. 11 Конвенции не требуется, чтобы договор купли-продажи был заключен или

¹ Комаров А. С. Восполнение пробелов Венской конвенции при разрешении споров // Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров: практика применения в России и за рубежом: сб. / сост. Б. Р. Карабельников. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 49.

² Бардина М. Н. Субсидиарное применение национального права при восполнении пробелов Венской конвенции в практике МКАС при ТПП РФ // Международный коммерческий арбитраж. 2006. № 4. С. 7.

³ Стригунова Д. П. Правовое регулирование международных коммерческих договоров: в 2 т. Т. 2. М.: Юстицинформ, 2018. С. 3.

⁴ Подготовительные материалы о Венской конвенции 1980 г. // Институт международного торгового права Университета Пейс. URL: www.cisg.law.pace.edu (дата обращения: 15.10.2023).

подтвержден в письменной форме, или подчинялся иному требованию в отношении формы¹. В статье отражена практика международной торговли об отсутствии формальных требований в отношении формы договора. Однако в национальном праве ряда государств содержалась императивная норма об обязательной письменной форме внешнеэкономических сделок. В ходе обсуждения достигнуто компромиссное решение, согласно которому такие государства могут сделать оговорку, исключающую применение ст. 11 в отношении договоров с участием их национальных субъектов. Такая оговорка при ратификации текста Конвенции сделана СССР. В связи с реформой гражданского законодательства норма п. 3 ст. 162 ГК РФ, закрепляющая обязательную письменную форму внешнеэкономической сделки, утратила силу. Однако, как нам представляется, контракт международной купли-продажи товаров с участием российских субъектов должен быть заключен в письменной форме, поскольку для России указанное заявление остается в силе, пока она не сделает официального заявления об обратном.

В контексте анализа сферы действия Венской конвенции 1980 г. нельзя не рассмотреть вопрос о ее соотношении с иными международными договорами. Государства социалистического лагеря при обсуждении Конвенции пришли к выводу о необходимости создания для себя особого правового режима в случаях контрактов купли-продажи по причине специфики исторического и экономического развития этих стран². Предложено включить в текст положение, согласно которому Венская конвенция не затрагивает действия иных международных договоров, где сторонами выступают государства – члены Венской конвенции (ст. 90). Фактически установлен приоритет ранее принятых и будущих международных договоров, поскольку не исключали возможность их разработки.

Россия является участницей ряда международных региональных соглашений об общих условиях поставок товаров,

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.) // Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 1994. № 1. С. 3.

² Комаров А. С. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров: комментарий. М.: Юридическая литература, 1994. С. 202.

разработанных в рамках СНГ и Совета экономической взаимопомощи. Нормы Общих условий поставок (ОУП) СНГ имеют специфическую направленность: речь идет о регламентации договоров поставки товаров для государственных нужд. Соглашения, заключенные в рамках Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), имеют различную юридическую природу. Так, Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате (МКАС при ТПП) РФ в своих решениях определил природу ОУП СССР – КНР и ОУП СССР – КНДР как нормативную¹. Полагаем, что суды государств – участниц нормативных международных соглашений, заключенных по вопросам, которые входят в предмет регулирования Венской конвенции, обязаны при разрешении спора, связанного с международной куплей-продажей товаров, обращаться к положениям таких нормативных международных соглашений. Эти же государства могут входить в круг участников Венской конвенции 1980 г. Остальные соглашения ОУП СЭВ ввиду их рекомендательного характера будут иметь приоритет перед положениями Венской конвенции только при наличии ссылки в контракте (например, ОУП СЭВ – Финляндия). Разграничить договор купли-продажи и иные виды договоров в случаях, если к отношениям сторон применяют ОУП СЭВ или ОУП СНГ, необходимо с учетом положений Общих поставок².

Венская конвенция не содержит правила о необходимости указания сторонами договора на действие Конвенции. Достаточно, чтобы они оговорили применение права страны – участницы Конвенции. Либеральный стандарт автономии воли, установленный в законодательстве большинства государств, предполагает выражение согласия сторон о выборе применимого права в виде четко выраженного выбора или так называемого подразумеваемого соглашения. Применение Конвенции, как регулятора выбранной сторонами правовой системы, предопределяет выбор сторонами контракта национального права государства – участника Венской конвенции. К тому же

¹ Решение МКАС при ТПП РФ от 5 июля 2006 г. по делу № 133/2005 // Практика Международного коммерческого арбитражного суда при ТПП РФ за 2006 г. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2007. С. 376.

² Розенберг М. Г. Международное регулирование поставок в рамках СЭВ. М.: Междунар. отношения, 1989. С. 109.

информированности сторон о применении положений Конвенции не требуется.

Применение Венской конвенции 1980 г. МКАС при ТПП РФ не может быть обосновано выбором сторонами применимого права согласно ст. 1210 Гражданского кодекса (ГК) РФ. На основании ст. 1186 ГК РФ «особенности определения права, подлежащего применению международным коммерческим арбитражем, устанавливаются законом о международном коммерческом арбитраже». Соответственно, ст. 28 Закона РФ от 7 июля 1993 г. «О международном коммерческом арбитраже» гласит о том, что «третейский суд разрешает спор в соответствии с такими нормами права, которые стороны избрали в качестве применимых к существу спора». Приведенная норма закона позволяет МКАС при ТПП РФ не руководствоваться законом страны суда, а осуществлять самостоятельное обоснование выбора сторонами договора международной купли-продажи товаров применимого права.

Согласно ст. 6 Конвенции стороны могут исключить применение настоящей Конвенции либо при условии соблюдения ст. 12 отступить от любого из ее положений, изменить его действие. В указанной статье содержится правило реализации предоставленной сторонам автономии воли, что наиболее соответствует международной торговой практике. Как следствие, положения контракта будут иметь приоритет перед нормами Конвенции. По мнению зарубежных ученых, если контракт не соответствует требованиям статей 1–5, соглашение сторон об отступлении от Конвенции на основании ст. 6 обосновательно, поскольку нельзя исключать документ, который не применяют к конкретному контракту¹. Изложенная позиция свидетельствует об императивном характере норм статей 1–5.

В подготовительных материалах приведены предложения отдельных делегаций о возможности признания подразумеваемых соглашений. Однако проект Конвенции не содержал положения о допустимости подразумеваемых соглашений, не ограничивая стороны в выборе способа заключения соглашения. Разработчики Конвенции, видимо, полагали, что отказ от такого правила минимизирует количество ситуаций, если суды не будут применять Конвенцию без достаточных для этого оснований. Во

¹ Bianca C. M., Bonell M. J. Commentary on the International Sales Law. The 1980 Vienna Sales Convention. Milan: Giuffrè, 1987. P. 17.

всех случаях решать вопрос о наличии подразумеваемого соглашения в тексте контракта будет суд или арбитраж.

Если стороны договора, чьи коммерческие предприятия находятся на территории стран – участниц Конвенции, выбрали право государства, не являющегося участником Конвенции, они тем самым (и это подразумевается) исключили применение Конвенции, как считают некоторые ученые¹. Однако такое расширительное толкование ст. 6 Конвенции представляется сомнительным. Ссылку сторон на законодательство страны – участницы Конвенции также следует рассматривать как намерение сторон отказаться от применения Конвенции, не поддержав точку зрения авторов о том, что стороны делают это по неосведомленности².

Таким образом, при толковании и восполнении пробелов Венской конвенции 1980 г. необходимо учитывать ее международный характер, основываясь на нормах и принципах, содержащихся в тексте Конвенции, а не национального законодательства государств, увеличивая тем самым шансы Конвенции на универсальное признание.

Библиографический список

1. Асосков А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 640 с.
2. Бардина М. Н. Субсидиарное применение национального права при восполнении пробелов Венской конвенции в практике МКАС при ТПП РФ // Международный коммерческий арбитраж. 2006. № 4. С. 7–22.
3. Кабатов В. А. Применение Венской конвенции 1980 г. в качестве права государства – ее участника // Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров: к 10-летию ее применения Россией / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2001. С. 31–34.
4. Комаров А. С. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров: комментарий. М.: Юридическая литература, 1994. 317 с.

¹ Международное частное право: учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. М.: Проспект, 2010. С. 311.

² Кабатов В. А. Применение Венской конвенции 1980 г. в качестве права государства – ее участника // Венская конвенция ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров: к 10-летию ее применения Россией / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 2001. С. 32.

5. Комаров А. С. Восполнение пробелов Венской конвенции при разрешении споров // Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров: практика применения в России и за рубежом: сб. / сост. Б. Р. Карабельников. М.: Волтерс Клувер, 358 с.

6. Международное частное право: учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. М.: Проспект, 2010. 680 с.

7. Стригунова Д. П. Правовое регулирование международных коммерческих договоров: в 2 т. Т. 2. М.: Юстицинформ, 2018. 432 с.

8. Розенберг М. Г. Международное регулирование поставок в рамках СЭВ. М.: Междунар. отношения, 1989. 280 с.

9. Bianca C. M., Bonell M. J. Commentary on the International Sales Law. The 1980 Vienna Sales Convention. Milan: Giuffrè, 1987. 886 p.

УДК 347.68
ББК 67.404.4

В. Н. Гаврилов

доцент кафедры
гражданского права
Саратовской государственной
юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Саратов
vladimirrgavrilov@rambler.ru

С. А. Чиркаев

старший преподаватель кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии
Россия, г. Саратов
schirkaeff@yandex.ru

Б. Д. Волков

студент ИПСПД 20-06
Саратовской государственной юридической академии
Россия, г. Саратов
mr.bronislav@yandex.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВОГО РУБЛЯ КАК ОБЪЕКТА НАСЛЕДОВАНИЯ

THE LEGAL NATURE OF THE DIGITAL ROUBLE AS AN OBJECT OF INHERITANCE

В современных реалиях укрепление государственности предопределено устойчивостью экономической системы, что обуславливает реакцию законодателя различными способами обеспечить конкурентоспособность российского рубля на рынке мировых валют. Основанием исследования послужила представленная Центральным банком Российской Федерации (ЦБ РФ) Концепция цифрового рубля, которая требует осмысления в гражданско-правовом понимании. Авторами поставлена цель определения правовой природы цифрового рубля как объекта гражданского права и, соответственно, возможности его наследования. В статье рассмотрены как понятие цифрового рубля, так и механизм его внедрения в гражданский оборот. Кроме того, изучен зарубежный опыт (Китай, Сингапур) интеграции цифровой валюты в круг объектов гражданских прав, ее влияния на экономику. Показана

возможность наследования «новой формы денег», в результате которого предложены пути принятия наследства в виде цифровых рублей.

Ключевые слова: цифровизация, объекты гражданского права, гражданский оборот, наследование, деньги, цифровой рубль, смарт-контракт, Центральный банк РФ.

In modern realities, the strengthening of statehood is predetermined by the stability of the economic system, which causes the legislator to react in various ways to ensure the competitiveness of the Russian ruble in the market of world currencies. The basis of the study is the Concept of the digital ruble presented by the Central Bank of the Russian Federation (CBRF), which requires comprehension in the civil law understanding. The authors set the goal of determining the legal nature of the digital ruble as an object of civil law and, accordingly, the possibility of its inheritance. The article considers both the concept of the digital ruble and the mechanism of its introduction into civil turnover. In addition, foreign experience (China, Singapore) of integration of digital currency into the range of objects of civil rights, its impact on the economy is studied. The possibility of inheritance of the "new form of money" is shown, as a result of which the ways of accepting the inheritance in the form of digital rubles are proposed.

Keywords: digitalisation, objects of civil law, civil turnover, inheritance, money, digital ruble, smart contract, Central Bank of the Russian Federation.

В условиях глобальной цифровизации Россия активно применяет формы безналичных денежных расчетов, что связано с повсеместным развитием экономики и цифровых финансовых технологий. Одним из значимых решений, принятых в последнее время государством, послужило создание и развитие Концепции цифрового рубля. Продолжение внедрения этой формы денежных средств обусловлено внесением изменений в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ, в частности дополнением цифрового рубля в перечень объектов гражданских прав¹. Итогом такого решения стала дискуссия в научном сообществе о сущности и правовой природе цифрового рубля. Сегодня возникает много трудностей ввиду формирования однозначной гражданско-правовой позиции относительно цифрового рубля в качестве объекта гражданских прав. Кроме

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации: части первая, вторая, третья и четвертая по состоянию на 1 октября 2023 г. Путеводитель по судебной практике и сравнительная таблица последних изменений. Постановление Пленума ВС РФ о компенсации морального вреда. М.: Проспект, 2023. С. 96.

того, существуют проблемы включения цифрового рубля как одной из форм денежной оплаты в наследство, поскольку оно служит еще и средством накопления капитала на протяжении жизни человека.

Развитие IT-технологий вносит значительные изменения в гражданское законодательство, при этом времени для осмысления и определения правовой позиции нововведений недостаточно. В итоге теория и правоприменительная практика оставляют нерешенным вопрос о перспективах использования ряда положений закона. Более того, эта скоротечность не позволяет доктрине дать полноценный ответ на вопрос о сущности правовых категорий, содержащихся в ГК РФ.

Такая участь постигла и «цифровой рубль». Большинство ученых рассматривают его через экономические категории, не отвечающие сути юридической терминологии. В частности, С. А. Андришин дает следующее определение: цифровой рубль – это электронное обязательство Центрального банка (ЦБ) РФ, номинированное в национальной денежной единице и служащее средством платежа, меры счета и сохранения стоимости¹. Свообразна позиция А. Я. Запорожана, который, не определяя суть понятия этого объекта гражданских прав, пишет о том, что цифровой рубль выполняет базовые функции денег как средство обращения и сбережения, мера стоимости, а также имеет свойства безналичных денежных средств².

Новых признаков цифрового рубля авторы не дают, они исключительно дублируют позицию ЦБ РФ, представленную в Концепции цифрового рубля, согласно которой «цифровой рубль будет эмитироваться Банком России, он станет третьей формой российской национальной валюты и будет использоваться наравне с наличными и безналичными рублями»³. Изначальный экономический подход к определению понятия цифрового рубля и становится препятствием раскрытия этой категории с точки зрения гражданско-правового понимания.

¹ См.: Андришин С. А. Цифровая валюта Центрального банка как третья форма денег государства // Russian Journal of Economics and Law. 2021. Т. 15. № 1. С. 55.

² См.: Запорожан А. Я. Цифровой рубль ЦБ РФ // Управленческое консультирование. 2021. № 6 (150). С. 34.

³ См.: Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций // Банк России. URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_rub/ (дата обращения: 02.09.2023).

Считаем, что такой подход является неверным в связи с отсутствием должной терминологии при определении цифрового рубля. Это, в свою очередь, затрудняет установление его места в системе объектов гражданских прав. В контексте положений ст. 128 ГК РФ можно утверждать, что осложнено определение правовой природы цифрового рубля. Он не назван в качестве самостоятельного объекта, а как бы примыкает к деньгам (безналичным денежным средствам). На такой подход подталкивает ЦБ РФ, говоря о цифровом рубле в качестве третьей самостоятельной формы денег. Об этом свидетельствует и юридическая техника, применяемая законодателем, поскольку в ст. 140 ГК РФ указано, что платежи на территории РФ осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, «включая расчеты цифровыми рублями». Иными словами, законодатель обособляет средства платежа, говоря об иной, нежели деньги, юридической природе цифрового рубля. Суть последнего сближает его с цифровыми правами как объектом права, поскольку, согласно ст. 141¹ ГК РФ, они могут быть использованы только на условиях, которые определены соглашением специально созданной информационной системы ЦБ РФ.

Считаем, что сложность и двойственная правовая природа цифрового рубля послужила основанием выделения его как нового объекта гражданского права. В случае признания его, например, одной из форм безналичных денежных средств ЦБ РФ не сможет определять и регулировать сферу использования цифрового рубля как средства платежа, а значит, цифровой рубль полноценно будет использован для оплаты за различные блага. Это правило установлено в п. 3 ст. 7.1. Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (в редакции от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ), который гласит о том, что перевод цифровых рублей осуществляется только в рамках специализированной платформы¹. Изложенный подход законодателя представляется правильным, поскольку в ином случае цифровой рубль не будет отличаться от безналичных денежных средств.

При определении родового объекта цифрового рубля в качестве цифровых прав его не смогут применять в качестве

¹ См.: О национальной платежной системе: федер. закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 27. Ст. 3872.

средства платежа, что означает невозможность осуществления его первоначальной сути («третья, самостоятельная форма российского рубля»). Об этом свидетельствует и позиция профессора А. В. Габова. Он полагает, что цифровые права, исходя из понимания ст. 141¹ ГК РФ, – это не деньги¹. Нельзя не согласиться и с мнением об исключительном удостоверении прав субъектов гражданских прав в «цифре», что фактически мы и видим в настоящее время². Иными словами, законодатель поступил верно ввиду того, что выделил цифровой рубль в качестве особого объекта гражданских прав.

Не менее значим вопрос о внедрении цифрового рубля в гражданский оборот. Как и каким образом он в него включается? Этот вопрос задают некоторые ученые в своих исследованиях.

При этом Доклад для общественных консультаций ЦБ РФ ответа на поставленный вопрос не содержит³. Применяя аналогию, которая в данном случае является единственным выходом, предположим, что цифровой рубль будет приобретаться способом, свойственным для криптовалюты, то есть посредством приобретения лицом самостоятельно на основе номинала цифрового рубля либо посредством гражданско-правовой сделки⁴. Однако сегодня даны необходимые разъяснения⁵, указывающие на отсутствие собственного номинала цифрового рубля, поскольку планируется его конвертация пользователями один к одному к безналичным деньгам. Таким образом, цифровой рубль – это деньги, закрепленные в цифровой форме, организацией, выпуском, созданием информационной среды и

¹ См.: Габов А. В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4 (125). С. 61.

² См.: Гаврилов В. Н., Захарова О. А., Исмаилов Э. Ш. Цифровые права как объекты гражданских прав // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 4. С. 61.

³ См.: Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций // Банк России. URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_rub/ (дата обращения: 05.09.2023).

⁴ См.: Гаврилов В. Н., Рафиков Р. М. Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 55.

⁵ См.: Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций // Банк России. URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_rub/ (дата обращения: 05.09.2023).

определением обороноспособности которого занимается исключительно ЦБ РФ.

Аналогичная система цифровых денег, получившая практически идентичное название, что и в РФ, – цифровой юань, которая разработана и запущена в действие с 2020 г.¹ За период службы он показывает положительный результат, заключающийся в снижении затрат на эмиссию денег, а также риска их «отмывания» и использования в качестве финансирования противоправной деятельности. Кроме того, как и наша разработка, цифровой юань был создан для использования его в качестве расчета по смарт-контракту. Считаем, что это – верный подход для применения именно такой формы денег, поскольку другие законопроекты, предлагающие ввести официальную криптовалюту в гражданский оборот, критиковали в научном сообществе из-за отсутствия механизма защиты прав инвесторов, выступающих стороной смарт-контракта².

В Китайской Народной Республике (КНР) взят за основу такой же принцип действия: Народный банк Китая выпускает цифровые деньги, а другие частные банки поддерживают функционал и оборот цифрового юаня среди населения не только в КНР, но и за ее пределами. В связи с этим возрос мировой оборот юаня в целом и увеличил влияние Китая на мировую экономику. Представляется, что внедрение цифрового рубля имеет схожую политико-экономическую цель: укрепить российский рубль на рынке мировых валют, взяв за основу опыт азиатских коллег.

Относительно гражданско-правовой природы цифрового юаня укажем, что представители Коммунистической партии в Китае не внесли законодательной инициативы для изменения Гражданского кодекса КНР, а стали регулировать цифровой юань решениями Коммунистической партии Китая и уведомлением об этом ЦБ Китая. Исходя из этого становится очевидным, что цифровой юань – это такой же юань, который облечен в цифровую форму и служит законным средством платежа не

¹ См.: *Моисейцев В. В., Еремеев А. А.* Цифровой юань: особенности цифровой валюты Китая // *E-Scio*. 2021. № 6 (57). С. 559.

² См.: *Камышанский В. П.* О цифровых финансовых активах // *Власть Закона*. 2019. № 4 (40). С. 18.

только на территории Китая, но и за его пределами¹. Анализ партийной документации показал, что его используют для осуществления расчетов по смарт-контракту, в сфере страхования и в социальной политике государства². Иными словами, цифровой юань с точки зрения объекта гражданского права в Китае – отдельный вид объектов гражданских прав. Однако отечественный законодатель поступил наиболее верным способом в аналогичной ситуации: закрепил цифровой рубль в ГК РФ, хотя споры среди цивилистов относительно его правовой природы утихнут еще не скоро ввиду его новизны и недостаточной проработки.

Еще одна страна, внедряющая цифровые деньги в гражданский оборот, – Сингапур. Но система действия цифрового сингапурского доллара несколько иная, поскольку действует на основе блокчейна. При этом транзакции осуществляются внутри государственной информационной платформы, позволяющей каждому гражданину создавать специальные кошельки, переводы между которыми происходят путем шифрования государственным токеном, созданным по аналогии RSC-20, ETC-20 и других³.

Возвращаясь к отечественному гражданскому законодательству в контексте настоящей статьи остается открытым вопрос о возможности наследования цифрового рубля. Ответ на него положителен, так как нами установлено, что цифровой рубль – это принципиально новый объект гражданских прав, который в соответствии с п. 1 ст. 1112 ГК РФ может входить в наследственную массу. К тому же он может наследоваться по всем основаниям наследования.

В связи с новизной цифрового рубля и отсутствием практики перехода его по наследству возникает еще одна проблема, связанная с переходом цифрового рубля к наследнику.

¹ См.: Цзиньвэнь В. Цифровой юань – официальная цифровая валюта Китая: юридическая природа и тенденции развития // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 1. С. 73.

² См.: Уведомление Народного банка Китая о публичном запросе комментариев по Закону КНР о Народном банке КНР (проект поправок) // Китайская правительственная сеть. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020-10/24/content_5553847.htm (дата обращения: 10.09.2023).

³ Что такое сингапурский доллар StraitsX (XSGD)? // КриптоЛог. 2022. 3 января. URL: <https://www.criptolog.com/ru-straitsx/> (дата обращения: 11.09.2023).

Известно, что наследование служит универсальной формой правопреемства, а соответственно, наследник не может отказаться от части наследственной массы и принять оставшуюся часть себе¹. Значит, если наследодатель указал в завещании пункт о переходе цифрового рубля наследникам, то они (в случае, если решили принять наследство) обязаны принять и такое имущество.

Каким образом наследник может принять наследство в виде цифровых рублей? Мы видим несколько вариантов решения сложившейся ситуации: 1) наследник обращается к нотариусу, который направляет запрос в ЦБ РФ с требованием передать на созданный наследником цифровой кошелек в специальной информационной системе и тем самым получает наследство; 2) наследник также обращается к нотариусу, а последний направляет запрос в ЦБ РФ с требованием конвертации цифровых рублей в деньги, и затем наследник получает имущество в таком виде.

С точки зрения отечественного гражданского законодательства целесообразным представляется применение первого варианта решения вопроса наследования цифрового рубля. Согласно положениям, изложенным в п. 5 ст. 1118 ГК РФ, завещание – односторонняя сделка, образующая у лиц права и обязанности после открытия наследства. А значит, наследник для получения цифрового рубля в наследство обязан создать цифровой кошелек в информационной системе ЦБ РФ, на который и будут перечислены цифровые рубли наследодателя. Представленная модель выгодна и с позиции экспансии применения цифрового рубля в гражданском обороте. Вместе с тем она не исключает применения второго варианта, но в несколько иной форме, если наследник самостоятельно конвертирует их в безналичные деньги по курсу 1:1, установленному ЦБ РФ.

Таким образом, цифровой рубль в качестве объекта гражданских прав требует дальнейшего доктринального осмысления. Полагаем, что применение цифрового рубля как регулятора смарт-контрактов – это еще один способ возможности государства в лице ЦБ РФ охранять права и интересы субъектов

¹ См.: Гаврилов В. Н., Симоныхин В. С., Белозеров А. В. Отдельные аспекты наследования по завещанию по российскому законодательству // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 115.

гражданского права. Относительно эффективности можно дополнить, что время покажет. Остается понятным, что его использование в качестве способа расчета через непродолжительное время будет повсеместным. О перспективе такого развития цифрового рубля пишут многие среди ученых. Например, ряд из них указывают на дальнейшую полноценную замену «традиционных» денег именно цифровым рублем, что приведет к новой форме наличных денег¹. В этой связи, а также на основе проведенного исследования считаем, что о замене речи идти не может. Это новая, самостоятельная форма денег, имеющая ограниченный круг использования, который, безусловно, будет расширяться. Однако замены произойти не должно.

Остается спорным и вопрос о порядке наследования цифрового рубля, который не урегулирован. Но, по нашему мнению, в случае возникновения прецедента будет применен вариант, описанный нами выше. Безусловно, проблемные вопросы можно решить только с помощью законодателя, который восполнит пробелы в законодательстве при внесении в него изменений или дополнений. Считаем перспективу появления цифрового рубля положительным веянием цифровизации на гражданское законодательство, которое должно привести к более эффективной защите прав и интересов граждан при совершении сделок.

Библиографический список

1. Андрюшин С. А. Цифровая валюта Центрального банка как третья форма денег государства // *Russian Journal of Economics and Law*. 2021. Т. 15. № 1. С. 54–76.
2. Башкатов М. Л. Эволюция цивилистического понятия денег в современном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 186 с.
3. Габов А. В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 4 (125). С. 55–65.
4. Гаврилов В. Н., Захарова О. А., Исмаилов Э. Ш. Цифровые права как объекты гражданских прав // *Вестник экономики, права и социологии*. 2021. № 4. С. 56–59.

¹ См.: Башкатов М. Л. Эволюция цивилистического понятия денег в современном праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 108.

5. Гаврилов В. Н., Рафиков Р. М. Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 1. С. 51–59.

6. Гаврилов В. Н., Симонихин В. С., Белозеров А. В. Отдельные аспекты наследования по завещанию по российскому законодательству // Право и государство: теория и практика. 2022. № 4 (208). С. 114–117.

7. Запорожан А. Я. Цифровой рубль ЦБ РФ // Управленческое консультирование. 2021. № 6 (150). С. 32–39.

8. Камышанский В. П. О цифровых финансовых активах // Власть Закона. 2019. № 4 (40). С. 13–18.

9. Моисейцев В. В., Еремеев А. А. Цифровой юань: особенности цифровой валюты Китая // E-Scio. 2021. № 6 (57). С. 558–564.

10. Цзинвэнь В. Цифровой юань – официальная цифровая валюта Китая: юридическая природа и тенденции развития // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2022. № 1. С. 72–79.

11. Что такое сингапурский доллар StraitsX (XSGD)? // КриптоЛог. 2022.

3 января. URL: <https://www.criptolog.com/ru-straitsx/> (дата обращения: 11.09.2023).

Наследование цифровых активов как следствие развития цифровизации // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 1 (104). С. 54–59.

10. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Б. М. Гонгало. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Статут, 2017. 511 с.

11. Интеллектуальная собственность (права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации): учеб. пособие / под общ. ред. Н. М. Коршунова. М.: Норма, 2014. 400 с.

ББК 67.404
УДК 347.6

И. Е. Рудик

доцент кафедры гражданского
права
Ростовского филиала
Российского государственного
университета правосудия,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Ростов-на-Дону
rudikinna@rambler.ru

С. А. Закирова

доцент кафедры гражданского
права
Ростовского филиала
Российского государственного
университета правосудия,
кандидат юридических наук
Россия, г. Ростов-на-Дону
zakirova_lana@inbox.ru

**БАНКРОТСТВО ЛИЦА, СОСТОЯЩЕГО В БРАКЕ:
АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

**BRUANKPTCY OF A MARRIED PERSON:
AN ANALYSIS OF COURT PRACTICE**

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления особенностей института банкротства лиц, состоящих в зарегистрированных брачных правоотношениях. Статья посвящена некоторым вопросам, возникающим при удовлетворении требований кредиторов лица, признанного несостоятельным, если оно состоит в браке. Посредством анализа законодательства и судебной практики авторами сделан вывод о том, какие долги являются общими для супругов, какое имущество и в каком порядке подлежит реализации для удовлетворения требований кредиторов несостоятельного супруга. В частности, долги являются общими, если оба супруга – формальные

должники в обязательстве, либо формальный должник один, но обязательство возникло по инициативе обоих супругов. Авторами определены также два возможных варианта реализации общего имущества супругов: без его раздела и с предварительным разделом до реализации с торгов.

Ключевые слова: банкротство, общая совместная собственность, нужды семьи, раздел имущества супругов, долевая собственность, судебная практика, собственник, общие долги.

The relevance of the study is conditioned by the need to identify the peculiarities of the institute of bankruptcy of persons in registered marital legal relations. The article is devoted to some issues arising in satisfying the claims of creditors of a person declared insolvent, if he is married. Through the analysis of legislation and judicial practice, the authors conclude what debts are common for spouses, what property and in what order is subject to realisation to satisfy the claims of creditors of the insolvent spouse. In particular, debts are common if both spouses are formal debtors in an obligation, or if there is only one formal debtor, but the obligation arose on the initiative of both spouses. The authors also define two possible options for the realisation of the common property of spouses: without its division and with preliminary division before realisation by auction.

Keywords: bankruptcy, common joint property, family needs, division of property of spouses, shared property, court practice, owner, common debts.

Банкротство гражданина – физического лица существенным образом отличается от правовой конструкции коммерческого банкротства и фактически образует новый институт (вид) банкротства в Российской Федерации (РФ)¹. Такой институт можно именовать как потребительское или личное банкротство. П. М. Морхат пишет: «С момента введения банкротства в российское законодательство правовой институт банкротства физических лиц как средство конструирования и/или репрезентации правовой реальности и правового универсума»² популяризируется среди граждан в качестве возможности освобождения от долговых обязательств. Нельзя не согласиться с этим мнением.

Согласно данным Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности

¹ Карелина С. А., Фролов И. В. Возможно ли банкротство гражданина без финансового управляющего? // Судья. 2016. № 7. С. 12–13.

² Морхат П. М. Режим общей собственности супругов: коллизии банкротного и семейного законодательства // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 2. С. 60.

юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности (Федресурс), количество банкротств граждан из года в год неуклонно растет: в 2022 г. число судебных процессов о признании физических лиц несостоятельными по сравнению с предыдущим годом возросло на 44,2 %, возбужденных внесудебных процедур – на 52,6 %¹. Степень сложности возникающих в процессе банкротства правовых проблем зависит от многих факторов. В частности, существенные особенности присущи банкротству гражданина, если он состоит в браке. К процессу удовлетворения требований кредиторов привлекают супруга должника, при этом необходимо учитывать его законные права и интересы.

По мнению П. А. Ломакиной, «экономическая ситуация, сложившаяся в нашей стране, делает институт потребительского банкротства крайне востребованным»². Вместе с тем она дополняет: «Отсутствие наработанной практики применения законодательства о банкротстве в отношении граждан-потребителей приводит к непониманию того, как его положения должны действовать»³. Следует согласиться с тем, что ситуацию осложняет наличие общего имущества у супругов: «многие граждане, в отношении которых вводится процедура банкротства, состоят или до введения процедуры состояли в браке, поэтому у них есть как общее имущество, так и общие долги»⁴. Рассматривая дела о банкротстве физических лиц, суды сталкиваются с разрешением не только вопросов банкротства, но и проблем применения норм семейного права в отношении имущественных отношений супругов и кредиторов. Так, возникают вопросы о судьбе как совместного имущества супругов, так и их обязательств в банкротстве. Этим вопросам заслуженно отдают «лавыры самого увлекательного сюжета в

¹ Банкротства в России: итоги 2022 года. Статистический релиз Федресурса // Федресурс. 2023. 12 января. URL: <https://fedresurs.ru/news/d569ceb1-1f1a-44dd-bec2-e11c8eb5ddac> (дата обращения: 31.10.2023).

² Ломакина П. А. Общие обязательства супругов в деле о банкротстве одного из них // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 5. С. 90.

³ Там же.

⁴ Ломакина П. А. Презумпция общего характера приобретенных в браке долгов // Семейное и жилищное право. 2016. № 1. С. 13.

процедуре банкротства гражданина»¹. Обоснованной считаем позицию Е. Н. Матвеевой о том, что «конкурсная масса составляет основной интерес кредиторов и является как раз той совокупностью имущества, ради максимально полного формирования и справедливого распределения которого и существует конкурсный процесс»².

Такой юридический факт, как состояние в браке должника, требует от правоприменителя осмысления ряда вопросов о том, какие долги являются общими для супругов; какое имущество подлежит реализации для удовлетворения притязаний кредиторов несостоятельного супруга; в каком порядке (с точки зрения учета прав супруга должника) должна происходить реализация имущества супругов. Чтобы попытаться на них ответить, рассмотрим примеры из судебной практики.

В соответствии с позицией Верховного Суда РФ долги являются общими, если оба супруга стали формальными должниками в обязательстве, либо формальный должник один, но обязательство возникло по инициативе обоих супругов³. Для признания обязательства одного супруга общим долгом основным критерием, который используют суды, является цель использования полученных средств. Полученное должно быть потрачено на нужды семьи (п. 2 ст. 45 Семейного кодекса (СК) РФ⁴). Содержание понятия «нужды семьи» суды трактуют по-разному. Так, использованное для предпринимательской деятельности одним из супругов часто к нуждам семьи не относят, несмотря на то, что на бизнес-активы распространяется

¹ Олевинский Э. Ю. Правовое регулирование несостоятельности граждан – коротко о важном // Закон. 2015. № 12. С. 55.

² Матвеева Е. Н. Проблемы формирования конкурсной массы в процессе банкротства организаций: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9–10.

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 апреля 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 12.

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

режим совместной собственности¹. В правовой литературе изложенный подход оценивают как несправедливый².

Относительно распределения бремени доказывания факта отнесения расходов к «нуждам семьи» практика Верховного Суда РФ противоречива. Так, в ряде судебных актов утверждается, что если средства получены по кредитным договорам, то действует презумпция расходования их на нужды семьи. Иное должно быть доказано заинтересованной стороной спора³. В других судебных решениях, напротив, обращено внимание на то, что бремя доказывания обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, находится на стороне, претендующей на распределение долга⁴, супруг заемщика не должен доказывать, что кредитные средства потрачены «на другие цели, нежели семейные нужды»⁵.

Перейдем к вопросу об определении имущества, на которое обращают взыскание по долгам состоящего в браке лица. На этом этапе необходимо отграничить имущество, на которое распространяется режим совместной собственности супругов, от унитарной собственности каждого из них.

Согласно ст. 33, 34 СК РФ супругам на праве общей совместной собственности принадлежит все имущество, приобретенное в период брака, если иное не предусмотрено брачным договором. Исключение составляет подаренное одному

¹ Будылин С. Долги супругов в банкротстве: долг общий, но отвечает только один? // Закон.ру. 2023. 17 июля. URL: https://zakon.ru/blog/2023/07/17/dolgi_suprugov_v_bankrotstve_dolg_obschij_no_p_latit_tolko_odin (дата обращения: 31.10.2023); Ломакина П. А. Совместные обязательства супругов. Проблемы доказывания // Закон. 2018. № 12. С. 147.

² Будылин С. Указ. соч.; Перепадя С. М., Перепадя О. А., Минина А. А. К вопросу о необходимости институционализации семейной собственности в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 13.

³ См. напр.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 января 2017 г. № 4-КГ16-67; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 75-КГ16-12; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16 сентября 2014 г. № 18-КГ14-103 // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 25.12.2023).

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 июля 2016 г. № 85-КГ16-6 // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/71463592/?ysclid=ltld54tjnc423907951> (дата обращения: 25.12.2023).

⁵ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 17 января 2017 г. № 4-КГ16-67 // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/71595802/?ysclid=ltld68u94k720309539> (дата обращения: 25.12.2023).

из супругов, приобретенное по другим безвозмездным сделкам или унаследованное им (п. 1 ст. 36 СК РФ).

Таким образом, критериями определения имущества как совместной собственности выступает время приобретения и источник денежных средств, потраченных на покупку имущества. Не следует слишком формально относиться к определению срока приобретения, если речь идет о вещах, право собственности на которые подлежит государственной регистрации. В практике Верховного Суда РФ показательным является следующее дело. Сделка купли-продажи квартиры совершена покупателем до заключения брака. Квартира передана в тот же день, но регистрация перехода права собственности на квартиру состоялась после вступления покупателя в брак, и при этом 80 % цены договора оплачено личными средствами супруга-покупателя до вступления в брак. Верховный Суд РФ решил, что квартира не входит в состав совместно нажитого имущества, поскольку юридически значимым моментом является передача квартиры покупателю, а не государственная регистрация перехода права собственности. Суд обратил внимание на то, что государственная регистрация перехода права собственности на недвижимость носит правоподтверждающий, а не правоустанавливающий характер¹. Относительно этой позиции Верховного Суда РФ дополним, что время уплаты денежных средств, их количество, а главное, источник тоже должны быть оценены. Если в рассматриваемой ситуации 20 % стоимости оплачены в период брака из совместно нажитых средств, то следует признать соответствующую долю в праве собственности на квартиру совместной собственностью супругов.

В случае раздела такого имущества размер доли каждого из супругов определяется исходя из стоимости приобретенной вещи на дату ее покупки (п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15)². При присуждении вещи одному супругу с выплатой компенсации другому размер

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 ноября 2020 г. № 117-КГ20-2-К4 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=648050&ysclid=ltldfw8rp891456034#ib14c6UUekvDZO21> (дата обращения: 20.12.2023).

² О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 // Рос. газ. 1998. 18 ноября.

последней определяют уже пропорционально рыночной стоимости на момент рассмотрения дела в суде¹.

Трудности на практике вызывало определение правового режима долей в праве собственности на имущество, приобретенных супругами в период брака по договору купли-продажи, в котором покупателями выступают оба супруга, каждый из которых приобретает долю в праве на это имущество. При разделе имущества перед судами встает вопрос о том, следует ли считать данные доли совместной собственностью супругов, поскольку они приобретены в период брака. При утвердительном ответе на этот вопрос становится неважным, какой размер каждой из долей определен договором купли-продажи, а также сохранились ли доли к моменту раздела в собственности супругов либо совершено отчуждение доли одним из супругов. Вне зависимости от этих обстоятельств суд наделяет супругов равными долями в праве собственности на приобретенное в браке имущество.

Между тем, как нам представляется, нельзя игнорировать совместную волю супругов, закрепленную в договоре купли-продажи: они хотели избежать распространения режима совместной собственности на купленную вещь. Поэтому при соблюдении нотариальной формы договора купли-продажи, требуемой законом для соглашений о разделе имущества (п. 2 ст. 38 СК РФ), раздел вещи следует считать произведенным. Правильность данного подхода подтверждена Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ. Фабула рассмотренного ею дела следующая.

Квартира супругами приобретена в долевую собственность по договору купли-продажи: по 1/3 доли получил каждый из супругов и несовершеннолетний ребенок. В дальнейшем супруг подарил свою долю второму несовершеннолетнему ребенку. Позднее, при разделе имущества, этот супруг заявил требование о признании приобретенной женой 1/3 доли совместной собственностью и закреплении за ним 1/6 доли в праве собственности на квартиру.

¹ Шакина В. Трансформация личного имущества супруга в совместно нажитое: как правильно рассчитать? // Закон.ру. 2023. 20 октября. URL: https://zakon.ru/blog/2023/10/20/transformaciya_lichnogo_imuschestva_supruga_v_sovmestno_nazhitoe_kak_pravilno_rasschitat (дата обращения: 21.10.2023).

Суд кассационной инстанции поддержал требования супруга, указав на отсутствие брачного договора, изменяющего режим совместной собственности, или соглашения о разделе имущества. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ посчитала, что договор купли-продажи квартиры содержит элементы соглашения о разделе имущества супругов, которым установлен режим долевой собственности супругов в отношении приобретенной квартиры¹. Следовательно, доля, закрепленная за супругой, не подлежит разделу, является ее унитарной собственностью.

Рассмотренную ситуацию следует отличать от других случаев приобретения доли в праве собственности на имущество в браке за счет общих средств. Если доля оформлена на одного супруга, то на нее распространяется режим совместной собственности.

Перейдем к вопросу о порядке реализации общего имущества супругов для целей удовлетворения претензий кредиторов. В случае банкротства одного из супругов возможны два варианта реализации общего имущества: без его раздела и с предварительным разделом до реализации с торгов. В первом варианте продают в целом общее имущество супругов с последующей выплатой половины полученных средств супругу банкрота. Последний вправе участвовать в торгах в качестве покупателя.

Однако, если обязательство принадлежит к категории общих, вырученные на торгах средства, причитающиеся на долю супруга банкрота, тоже идут кредиторам и лишь остаток передают супругу, как предусмотрено п. 7 ст. 213.26 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»². Если кредиторы не получают полного удовлетворения за счет имущества формального должника и общего имущества супругов, то взыскание может быть обращено на унитарное имущество второго супруга, но для

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 сентября 2023 г. № 69-КГ23-11-К7 // Гарант.ру: информ-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407555670/?ysclid=ltle0vb5n1748385318> (дата обращения: 15.12.2023).

² О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Рос. газ. 2002. 2 ноября.

этого необходимо возбудить уже в отношении него процесс о несостоятельности.

В соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48 супруг должника может требовать раздела имущества до проведения торгов, если полагает, что продажа в целом имущества не учитывает правомерные интересы его и его иждивенцев, в том числе несовершеннолетних детей. Если в результате раздела образуется долевая собственность на общую вещь, возникает вопрос о порядке реализации преимущественного права на приобретение доли собственником. Пункт 1 ст. 250 ГК РФ закреплено преимущественное право покупки доли в праве общей долевой собственности за ее участниками. Это право не распространяется на случай продажи доли с публичных торгов при обращении взыскания кредитором на долю в общем имуществе одного из участников общей собственности.

Закон о банкротстве не содержит норм, устанавливающих особенности реализации имущества должника, находящегося в долевой собственности. Конституционный Суд РФ в определении от 21 апреля 2011 г. № 569-О-О (п. 2) также подтвердил отсутствие оснований для преимущественной покупки при проведении публичных торгов, поскольку последние требуют предоставления равных возможностей их участникам¹.

Однако из нормы ч. 3 ст. 255 ГК РФ следует, что кредитор вправе требовать в судебном порядке обращения взыскания на долю должника в праве общей собственности путем продажи этой доли с публичных торгов лишь в случае отказа остальных участников общей собственности от приобретения доли должника. На таком толковании Верховный Суд РФ основывал свою позицию, закрепленную в п. 18 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2020)². Согласно этой позиции, постороннее лицо – победитель торгов – приобретает долю в имуществе при условии отказа от ее приобретения долевых собственников. Предложение собственникам осуществляется

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2011 г. № 569-О-О // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58101635/?ysclid=ltle7ok62t307714190> (дата обращения: 20.11.2023).

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 ноября 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 3.

по цене, предложенной победителем торгов. Этим, по мнению Верховного Суда РФ, будут достигнуты цели «ухода от долевой собственности как нестабильного юридического образования и охраняется интерес сособственника на укрупнение собственности»¹. На основе приведенной позиции сформировалась судебная практика².

Тем не менее предложенный Верховным Судом РФ порядок реализации доли не учитывает права победителя торгов, который может быть добросовестным приобретателем доли. На это обратил внимание Конституционный Суд РФ, который признал необходимым закрепить в законе порядок реализации права сособственника на преимущественное приобретение доли.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 16 мая 2023 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 250 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Шеставина»³ норма п. 1 ст. 255 ГК РФ признана не соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой в ней отсутствуют случаи и порядок приобретения доли при продаже имущества несостоятельного гражданина. До внесения изменений в ГК РФ Конституционным Судом РФ установлен следующий порядок реализации участниками общей собственности преимущественного права: конкурсный управляющий должен предложить всем участникам долевой собственности приобрести долю в праве по цене, равной начальной цене торгов. Участникам предоставляют месяц для выражения согласия на приобретение доли. По истечении этого срока с момента предложения преимущественное право участников прекращается.

Такой порядок предполагает удовлетворение притязаний сособственника еще до того, как право на приобретение

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 сентября 2022 г. № 55-КГ22-2-К8 // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL:

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405296527/?ysclid=ltlebyppq379374293> (дата обращения: 20.11.2023).

² См., напр.: Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 13 апреля 2022 г. № 01АП-554/22 по делу № А11-11500/2016; Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 18 ноября 2021 г. № 01АП-7350/17 по делу № А11-1470/2017 // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/> (дата обращения: 20.11.2023).

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2023 г. № 23-П // Рос. газ. 2023. 2 июня.

появилось у победителя торгов. Таким образом, сторонний приобретатель и сособственник не равны при покупке, поскольку предложение им осуществляется по разной цене. После отказа сособственника от приобретения и проведения торгов цена может уменьшиться, однако приобрести вещь по этой цене сособственник не сможет. Для реализации своего права он тоже должен участвовать в торгах.

Посредством анализа законодательства и судебной практики можно утверждать, что долги супругов являются общими, если оба супруга выступают в качестве формальных должников в обязательстве, либо формальный должник один, но обязательство возникло по инициативе обоих супругов. Приходим также к выводу о том, что для удовлетворения требований кредиторов несостоятельного супруга подлежит реализации имущество, соответствующее критериям определения имущества как совместной собственности, а именно: время приобретения и источник денежных средств, потраченных на покупку имущества. Порядок реализации общего имущества супругов для целей удовлетворения претензий кредиторов может осуществляться без его раздела и с предварительным разделом до реализации с торгов.

Библиографический список

1. Банкротства в России: итоги 2022 года. Статистический релиз Федресурса // Федресурс. 2023. 12 января. URL: <https://fedresurs.ru/news/d569ceb1-1f1a-44dd-bec2-e11c8eb5ddac> (дата обращения: 31.10.2023).
2. Бudyлин С. Долги супругов в банкротстве: долг общий, но отвечает только один? // Закон.ру. 2023. 17 июля. URL: https://zakon.ru/blog/2023/07/17/dolgi_suprugov_v_bankrotstve_dolg_obschij_no_platit_tolko_odin (дата обращения: 31.10.2023).
3. Карелина С. А., Фролов И. В. Возможно ли банкротство гражданина без финансового управляющего? // Судья. 2016. № 7. С. 10–15.
4. Ломакина П. А. Общие обязательства супругов в деле о банкротстве одного из них // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 5. С. 90–119.
5. Ломакина П. А. Презумпция общего характера приобретенных в браке долгов // Семейное и жилищное право. 2016. № 1. С. 13–16.

6. Ломакина П. А. Совместные обязательства супругов. Проблемы доказывания // Закон. 2018. № 12. С.144–154.

7. Матвеева Е. Н. Проблемы формирования конкурсной массы в процессе банкротства организаций: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 222 с.

8. Морхат П. М. Режим общей собственности супругов: коллизии банкротного и семейного законодательства // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2019. № 2. С. 60–73.

9. Олевинский Э. Ю. Правовое регулирование несостоятельности граждан – коротко о важном // Закон. 2015. № 12. С. 53–62.

10. Перепадя С. М., Перепадя О. А., Минина А. А. К вопросу о необходимости институционализации семейной собственности в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2021. № 4. С. 12–15.

11. Шакина В. Трансформация личного имущества супруга в совместно нажитое: как правильно рассчитать? // Закон.ру. 2023. 20 октября. URL: https://zakon.ru/blog/2023/10/20/transformaciya_lichnogo_imuschestva_supruga_v_sovmestno_nazhitoe_kak_pravilno_rasschitat (дата обращения: 31.10.2023).

**ББК 67.404.219
УДК 347.5**

И. Р. Шикула

профессор
департамента права института
экономики,
управления и права
Московского городского
педагогического университета,
профессор кафедры уголовного
права
Российского государственного
университета правосудия,
доктор юридических наук,
доцент,
член экспертного совета
Комитета Государственной
Думы РФ
по вопросам семьи, женщин и
детей,
член-корреспондент РАЕН
Россия, г. Москва
ila.vnii@mail.ru

Г. В. Романова

доцент
департамента права института
экономики,
управления и права
Московского городского
педагогического университета,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Москва
g_romanova@bk.ru

**К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА ГРАЖДДАНАМ
СУДАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ON THE APPLICATION OF LEGISLATION
ON COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE TO CITIZENS BY THE
COURTS OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В течение последнего десятилетия вопрос о компенсации морального вреда привлекает внимание специалистов в области гражданского и уголовного права. Исследования критериев морального вреда как правовой категории также получили распространение. В статье авторами раскрыты особенности применения законодательства о компенсации морального вреда в Российской Федерации (РФ) и выявлены недостатки в виде отсутствия четких критериев определения как понятия морального вреда, так и оснований его компенсации. По мнению авторов, назрела необходимость разработать и законодательно закрепить четкие критерии, позволяющие судьям точно определить сумму компенсации причиненного морального вреда и произвести его денежную оценку в конкретной сумме. Утверждается, что закрепленные в п. 2 ст. 151 и п. 2 ст. 1101 Гражданского кодекса (ГК) РФ критерии, в частности «степень вины нарушителя», «иные заслуживающие внимания обстоятельства», «степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина», а также характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, который суд оценивает с учетом фактических обстоятельств дела и индивидуальных особенностей потерпевшего, степень вины причинителя морального вреда в случаях, если вина является основанием для компенсации морального вреда, требования разумности и справедливости, не могут в достаточной степени служить законодательным основанием руководства при вынесении решения российскими судьями. С точки зрения авторов, необходимо разработать и единый подход к определению размера денежной компенсации вследствие морального вреда, причиненного гражданам.

Ключевые слова: моральный вред, физические страдания, критерии оценки, компенсация вреда, вина причинителя вреда, нравственные страдания, причинно-следственная связь, противоправность поведения.

During the last decade, the issue of compensation for moral harm has attracted the attention of specialists in the field of civil and criminal law. Studies of the criteria of moral harm as a legal category have also become widespread. In the article the authors reveal the peculiarities of the application of legislation on compensation for moral harm in the Russian Federation (RF) and identify shortcomings in the form of lack of clear criteria for defining both the concept of moral harm and the grounds for its compensation. According to the authors, there is a need to develop and legislate clear criteria that allow judges to accurately determine the amount of compensation for moral harm and make its monetary assessment in a specific amount. It is argued that the criteria enshrined in paragraph 2 of

Article 151 and paragraph 2 of Article 1101 of the Civil Code (CC) of the Russian Federation, in particular "the degree of fault of the perpetrator", "other noteworthy circumstances", "the degree of physical and moral suffering associated with the individual characteristics of the citizen", as well as the nature of the physical and moral suffering caused to the victim, which the court assesses taking into account the actual circumstances of the case and the individual characteristics of the victim, the degree of guilt of the perpetrator of moral harm in cases where guilt is the basis for compensation for moral damage, and the degree of compensation for moral harm in cases where the victim's guilt is the basis for compensation. From the authors' point of view, it is necessary to develop a unified approach to determining the amount of monetary compensation due to moral harm caused to citizens.

Keywords: moral harm, physical suffering, assessment criteria, compensation of harm, guilt of the harm causer, moral suffering, causal relationship, wrongfulness of behavior.

Люди, подвергшиеся травмирующим событиям, нарушающим их моральные ценности, могут испытывать страдания и функциональные нарушения, то есть им причинен моральный вред.

К юридически значимым обстоятельствам, подлежащим установлению при разрешении требований о взыскании компенсации морального вреда, относятся факт причинения морального вреда и его размер, противоправность поведения причинителя вреда, причинно-следственная связь между действиями причинителя вреда и причиненным моральным вредом, степень вины причинителя морального вреда. В ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) понятие морального вреда раскрыто законодателем как физические или нравственные страдания, причиненные гражданину действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом.

Теоретически при возмещении ущерба можно учитывать редкость частных исков, наказывать ответчиков постфактум настолько, чтобы они предприняли оптимальные меры, а именно меры предосторожности. Особенности применения законодательства о компенсации морального вреда в России можно характеризовать как очевидные и неочевидные. Очевидные особенности сводятся к разногласиям и/или противоречиям между нормативными правовыми актами, регулирующими смежные отношения. При определении

компетенций органов власти вопрос решают путем применения аналогии в праве.

Неочевидные особенности заключаются в том, что аналогия в праве, способ преодоления пробелов в нормативных правовых актах не представляются возможными либо затруднительны. В частности, в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»¹ приведена следующая терминология при определении физических и нравственных страданий: физическая боль, связанная с причинением увечья, иным повреждением здоровья, либо заболевание, в том числе перенесенное в результате нравственных страданий, ограничение возможности передвижения вследствие повреждения здоровья, неблагоприятные ощущения или болезненные симптомы.

Понятие физических страданий содержится в ст. 1101 «Способ и размер компенсации морального вреда» ГК РФ, ст. 117 «Истязание» Уголовного кодекса (УК) РФ. Официального определения, как и расшифровки этого термина в медицинских нормативно-правовых актах, степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденного приказом Минздрава РФ от 24 апреля 2008 г. № 194нЗ, не существует. Верховный Суд РФ впервые в новом постановлении относительно возмещения морального вреда ввел подобные термины.

Сложности, с которыми могут столкнуться и стороны процесса, и судьи, заключаются в том, что термины «увечье», «иное повреждение здоровья», «неблагоприятные ощущения», «болезненные симптомы» не содержатся в медицинских критериях. Медицинские работники не могут ссылаться на подобные термины, а значит, и указывать их в эпикризах. Их будет невозможно использовать в качестве допустимых доказательств в суде, поскольку данная терминология относится к обиходным понятиям. Другими словами, ни один медицинский работник, ни один медицинской эксперт не смогут использовать данные термины в своих заключениях.

¹ О практике применения судами норм о компенсации морального вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

Значим тот факт, что в таких документах, как МКБ-10¹ (Международная классификация болезней), МКБ-11², не указаны заболевания, перенесенные в результате нравственных страданий. Например, положения об ограничении возможности передвижения взаимосвязаны с критериями, используемыми при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан. Подобные термины можно объяснить на научной платформе, однако их смысловая нагрузка в судебном процессе разрушится при столкновении с профессиональной медицинской терминологией.

По мнению ряда исследователей³, отсутствие четкой дифференциации в определениях, несогласованное обращение с медицинскими терминами, которое не отражает механизма получения травм человеком или развития заболевания, стадии установления инвалидности, неизбежно приведет к понятийному хаосу. Последний, в свою очередь, создает условия

¹ Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. Десятый пересмотр (МКБ-X) от 2 октября 1989 г. (версия 2.21 от 7 сентября 2022 г.) // МКБ-10. URL: <https://mkb-10.com/> (дата обращения: 17.11.2023).

² Об утверждении Плана мероприятий по внедрению Международной статистической классификации болезней и проблем, связанных со здоровьем, одиннадцатого пересмотра (МКБ-11) на территории РФ на 2021–2024 годы: распоряжение Правительства РФ от 15 октября 2021 г. № 2900-р. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 43. Ст. 7296.

³ Гусева И. И., Зубков В. Н. Оценочные критерии для определения размера морального вреда // Modern Science. 2019. № 10-3. С. 62; Сазонов В. Компенсация морального вреда за нарушение прав потребителей // Адвокатская газета. 2022. 12 декабря. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kompensatsiya-moralnogo-vreda-za-narushenie-prav-potrebitелей/> (дата обращения: 17.11.2023); Хакиев А. В. Моральный вред и критерии оценки его размера при компенсации в российском судопроизводстве // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7 (134). С. 340; Шеметов В. В. Проблемы определения размера компенсации морального вреда // Промышленность и сельское хозяйство. 2020. № 4 (21). С. 66; Романова Г. В., Шубенина Е. В. Влияние цифровизации на возмещение морального вреда потребителям в сфере услуг // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 т. Т. 2 / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залонило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. Казань: Познание, 2023. С. 82; Романова Г. В. Современное состояние института компенсации морального вреда // Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2023): сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. памяти М. Ф. Медведева / под общ. ред. Е. Н. Агибаловой, И. Б. Иловайского. Волгоград: Волгоградский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, 2023. С. 72.

невозможности предоставления доказательственной базы по гражданским делам.

Негативным проявлением использования подобной терминологии, приведенной в произвольном порядке, станут смысловые дефекты в мотивировочной части решений судов. Судьи должны понимать, как именно интерпретировать термин «нравственные страдания», который не совпадает с закрепленным понятием «психические страдания» в ст. 117 УК РФ, и как именно интерпретировать такие абстрактно-оценочные понятия, как «душевное неблагополучие» или «другие негативные эмоции».

Очевидным становится то, что при отсутствии методических рекомендаций существующие определения степени тяжести морального вреда не могут быть эффективно использованы в ходе судебного процесса, поскольку нуждаются в дополнительной корректировке, консультативной помощи и оценке со стороны медицинского сообщества. Рекомендации и разъяснения его представителей, видимо, не запрошены Верховным Судом РФ при вынесении постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33, а также не определены современные судебно-медицинские и медицинские понятия в контексте данного вопроса, как и квалификация этих терминов с точки зрения медицины в целом.

В юридической литературе активно обсуждают и пути решения проблемы возмещения потерпевшему морального вреда в результате совершенного преступного посягательства в уголовно-процессуальных отношениях. В течение последних трех десятилетий значительный прогресс достигнут относительно случаев компенсации морального вреда благодаря применению определенного понимания экономики к правовым проблемам¹.

Анализ норм УК РФ показал, что понятием «вред» законодатель обозначает нематериальные последствия преступления (например, физический вред, причиненный здоровью человека), в то время как понятие «ущерб» применяют в основном для определения материальных последствий

¹ Галина Е. Удержания из заработной платы: правовое регулирование // Казенные учреждения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2022. № 10. С. 46; Данилова В. В. Удерживаем с работника по исполнительному листу // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2022. № 10. С. 42; Иванова И. Е. Мировое соглашение: в чем суть и каковы последствия? // Руководитель автономного учреждения. 2023. № 2. С. 56.

преступления. Термин «вред», многократно встречающийся в законе, не включен в ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) РФ и не раскрыт в числе основных понятий. Согласно ч. 1 ст. 42 УПК РФ возмещению подлежит физический, имущественный, моральный вред.

Нетрудно понять широко распространенную обеспокоенность относительно неустойчивых штрафных санкций вследствие причиненного ущерба. Если в аналогичном положении находятся истцы и ответчики одинаково – к ним не относятся одинаково, неустойчивые награды, по сути, несправедливы. Некоторые вознаграждения слишком низки, а другие – слишком высоки.

Зачастую законодатель, используя термин «вред», не дает его определения. При этом слово «вред» рассматривают как родовое понятие, охватывающее ущерб, то есть стоимостную оценку вреда, который является частью убытков. На основании п. 1 ст. 15 ГК РФ под убытками понимают расходы, которое лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб). Из этого следует, что «вред» – более широкое понятие, чем понятие «убытки», а слово «убытки» шире, чем слово «ущерб». Таким образом, правовая категория «вред» наиболее широка, она охватывает как имущественные, так и неимущественные (вред личности, например, физический, моральный) последствия преступления. В действительности возмещение вреда потерпевшему – редкость российского уголовного судопроизводства. Чаще в уголовном процессе решают вопросы относительно имущественного вреда.

Возмещение вреда потерпевшему уходит корнями далеко в историю российского уголовного права, представляя собой «средство восстановления справедливости». В отличие от наказания, эта мера не содержит в себе карательной направленности, а является уголовно-правовой мерой компенсационного (восстановительного) характера¹.

Полагаем, данная мера должна быть законодательно установленной в качестве первостепенной, важнейшей, доминирующей над остальными обязанностями обязанностью лица, причинившего своим деянием тот или иной вред

¹ Павлова А. А. Возмещение причиненного ущерба (ст. 104 УК РФ) как иная мера уголовно-правового характера // Молодой ученый. 2011. № 4. Т. 2. С. 15.

потерпевшему, исполнение которой должно быть гарантировано государством. В первую очередь беспомощному потерпевшему лицу необходимо обеспечить восстановление его прав, в том числе представить адекватную причиненному ему вреду как имущественную (материальную), так и неимущественную (моральную) компенсацию во всех случаях совершения преступления¹. На наш взгляд, определить факт причинения неимущественного вреда в виде страданий можно в ходе психологической экспертизы, поскольку «страдания» являются предметом исследования в психологии.

Особенности применения законодательства о компенсации морального вреда гражданам судами РФ, безусловно, представляются вопросом сугубо процессуальным, поскольку именно в судебном процессе судья определяет, каким именно будет размер компенсации в денежном эквиваленте и только судье предоставлено это право. Вместе с тем возникает конфликт ввиду несовершенства законодательства и должностного положения судей, точнее, их полномочий в принятии решений. Во-первых, законодательство с учетом объективных и субъективных причин никогда не достигнет «совершенства»; во-вторых, судья принимает решения, руководствуясь не только законом, но и своими внутренними убеждениями, совестью², то есть исключительно субъективными качествами.

Возникает вопрос. Чем руководствоваться судье, если в законодательстве отсутствуют четкие критерии определения как морального вреда, так и оснований его компенсации? Остаются только субъективные качества того или иного судьи. И это подтверждается вынесенными решениями в трех разных судах. Два гражданских дела о защите прав потребителя и компенсации морального вреда, еще два гражданских дела – из категории «иные жилищные споры, о нарушении тишины и покоя граждан в ночное время, о компенсации морального вреда». По двум идентичным гражданским делам³ о защите прав потребителя два

¹ Шикуда И. Р., Мядзелец О. А., Хабалев В. Д. К вопросу определения особенностей состояния беспомощности потерпевшего: проблемы возмещения вреда // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 9А. С. 332.

² О статусе судей в Российской Федерации: закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 // Рос. газ. 1992. 29 июля.

³ Решение Симоновского районного суда г. Москвы от 05.08.2022 по делу № 02-5004/2022; Решение Симоновского районного суда г. Москвы от 14.07.2022

судьи Симоновского районного суда г. Москвы вынесли решения о компенсации морального вреда в размере 15 000 руб. и 7 500 руб., суммы различаются в два раза. По двум идентичным гражданским делам¹ о нарушении тишины и покоя граждан в ночное время два судьи этого же суда вынесли решения о компенсации морального вреда в размере 100 000 и 20 000 руб., то есть разница ощутима (в пять раз). Почему? Вопрос остается открытым. Но его можно объяснить, полагаем, и следующим образом: нет единых критериев, определения понятия компенсации морального вреда именно в законодательстве, существуют лишь совесть и внутренние убеждения судей, которые разительно отличаются среди тех, кто выносит решение.

Включение размера морального вреда в цену иска не соответствует действующему законодательству, поскольку компенсация морального вреда и взыскивается в денежной форме, однако вред носит неимущественный характер². Поэтому при подаче заявления уплачивают государственную пошлину на основании подп. 3 п. 1 ст. 333.19 Налогового кодекса РФ как за исковое заявление неимущественного характера (п. 62 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33).

Определение размера денежной компенсации морального вреда является в некотором смысле дамокловым мечом как для судейского сообщества, так и для каждого судьи. Способы решения этой проблемы находятся в разработке, необходимо законодательное закрепление четко определенных критериев, позволяющих судьям точно определить сумму компенсации

по делу № 02-5739/2022 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 17.11.2023).

¹Решение Симоновского районного суда г. Москвы от 27.10.2021 по делу № 02-3490/2021; Решение Симоновского районного суда г. Москвы от 22.11.2022 по делу № 02-7289/2022 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru> (дата обращения: 17.11.2023).

² Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 16 марта 2023 г. № 07АП-731/2023 по делу № А45-30479/2022 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL:

<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS007&n=201202&ysclid=ltlybxnlno322020527#rHzRe6UzGux9yX87> (дата обращения: 20.01.2024); Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 3 марта 2023 г. № 18АП-1898/2023 по делу № А76-11205/2021 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS018&n=199245&ysclid=ltlyeat4gi945374896#vvrSe6UwDqP9REZZ1> (дата обращения: 20.01.2024).

причиненного морального вреда и произвести его денежную оценку в конкретной сумме. Закрепленные в п. 2 ст. 151 и п. 2 ст. 1101 ГК РФ критерии «степень вины нарушителя», «иные заслуживающие внимания обстоятельства», «степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина», а также характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, который суд оценивает с учетом фактических обстоятельств дела и индивидуальных особенностей потерпевшего, степень вины причинителя морального вреда в случаях, если вина служит основанием компенсации морального вреда, требования разумности и справедливости не могут в достаточной степени стать законодательным основанием руководства при вынесении решения российскими судьями. Требуется разработка и единого подхода к определению размера денежной компенсации за причиненный моральный вред гражданам.

Библиографический список

1. Галина Е. Удержания из заработной платы: правовое регулирование // Казенные учреждения: бухгалтерский учет и налогообложение. 2022. № 10. С. 39–47.
2. Гусева И. И., Зубков В. Н. Оценочные критерии для определения размера морального вреда // Modern Science. 2019. № 10-3. С. 60–63.
3. Данилова В. В. Удерживаем с работника по исполнительному листу // Отдел кадров государственного (муниципального) учреждения. 2022. № 10. С. 35–43.
4. Иванова И.Е. Мировое соглашение: в чем суть и каковы последствия? // Руководитель автономного учреждения. 2023. № 2. С. 48–57.
5. Павлова А. А. Возмещение причиненного ущерба (ст. 104 УК РФ) как иная мера уголовно-правового характера // Молодой ученый. 2011. № 4. Т. 2. С. 15–18.
6. Романова Г. В., Шубенина Е. В. Влияние цифровизации на возмещение морального вреда потребителям в сфере услуг // Цифровые технологии и право: сб. науч. тр. II Междунар. науч.-практ. конф.: в 6 т. Т. 2 / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. Казань: Познание, 2023. С. 80–83.
7. Романова Г. В. Современное состояние института компенсации морального вреда // Тенденции развития

законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2023): сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. памяти М. Ф. Медведева / под общ. ред. Е. Н. Агибаловой, И. Б. Иловайского. Волгоград: Волгоградский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, 2023. С. 70–72.

8. Сазонов В. Компенсация морального вреда за нарушение прав потребителей // Адвокатская газета. 2022. 12 декабря. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/kompensatsiya-moralnogo-vreda-za-narushenie-prav-potrebiteley/> (дата обращения: 17.11.2023).

9. Хакиев А. В. Моральный вред и критерии оценки его размера при компенсации в российском судопроизводстве // Евразийский юридический журнал. 2019. № 7 (134). С. 337–341.

10. Шеметов В. В. Проблемы определения размера компенсации морального вреда // Промышленность и сельское хозяйство. 2020. № 4 (21). С. 65–67.

11. Шикун И. Р., Мяззлец О. А., Хабалев В. Д. К вопросу определения особенностей состояния беспомощности потерпевшего: проблемы возмещения вреда // Вопросы российского и международного права». 2022. Т. 12. № 9 А. С. 331–340.

С. А. Чаркин
доцент кафедры
гражданского права и процесса
Волгоградского гуманитарного института,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Волгоград
charkin.sergey@icloud.com

**ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ И ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА НЕДВИЖИМОСТИ**

**ONTOLOGICAL AND GNOSEOLOGICAL ASPECTS OF THE CIVIL
LAW REGIME OF REAL ESTATE**

Статья посвящена онтологии и гносеологии недвижимого имущества. Утверждается, что разграничить онтологические аспекты недвижимого имущества и гносеологические – это значит прежде всего отличить то, чем является недвижимое имущество, от того, какими способами формируются представления о нем. Сложный характер онтологии недвижимого имущества обусловлен двойственностью ее состава, включающего в себя, во-первых, объективные характеристики материального субстрата, в первую очередь полную невозможность или затрудненность его перемещения в пространстве; во-вторых, настолько же объективные, хотя иные по природе, характеристики социальных отношений, позволяющие делать его предметом товарно-денежного обмена. Согласно авторской позиции, в процессе построения гносеологической модели недвижимого имущества преобладает конструктивистский подход, при котором происходит не столько выявление объектов, неспособных по своим характеристикам к передвижению, сколько приписывание этих свойств тем или иным вещам безотносительно к их реальным качествам. Сначала формируется нормативная модель правового режима недвижимого имущества, затем определяются вещи, к которым данный режим ввиду тех или иных соображений считается целесообразным применить. В результате эти вещи объявляют недвижимым имуществом, независимо от того, какие именно материальные свойства им присущи.

Ключевые слова: недвижимое имущество, вещи, земля, суда внутреннего плавания, онтология, гносеология, конструктивизм, правовой режим, движимое имущество.

The article is devoted to the ontology and gnoseology of immovable

property. It is argued that to distinguish between ontological aspects of immovable property and gnoseological aspects means, first of all, to distinguish what immovable property is from the ways in which perceptions of it are formed. The complex nature of the ontology of immovable property is due to the duality of its composition, which includes, firstly, objective characteristics of the material substrate, primarily the complete impossibility or difficulty of its movement in space; secondly, equally objective, although different in nature, characteristics of social relations that allow making it the subject of commodity-money exchange. According to the author's position, in the process of constructing the epistemological model of immovable property the constructivist approach prevails, in which there is not so much identification of objects incapable of movement by their characteristics as attributing these properties to certain things without regard to their real qualities. First, a normative model of the legal regime of immovable property is formed, then the things to which this regime is deemed appropriate to apply due to certain considerations are identified. As a result, these things are declared immovable property, regardless of what material properties are inherent in them.

Keywords: immovable property, things, land, inland vessels, ontology, epistemology, constructivism, legal regime, movable property.

Детальное различение отдельных смысловых аспектов, присущих каждому юридически значимому понятию, позволяет глубже осознать их значение, включая различения в его толковании, как на теоретическом уровне, так и сугубо практические, поскольку они представляют собой, как правило, лишь проявления этой объективной сложности его содержания. В частности, одна из традиционных схем такого различения опирается на философские категории «онтология» и «гносеология».

Онтология, как пишет, например, Г. А. Гаджиев, изучает бытие права, что обычно находит выражение в стремлении обнаружить наиболее устойчивые, неизменные явления и структуры. Исследователь утверждает следующее: «В результате изучения онтологии права окрепло убеждение в том онтологическом факте, что в нормативном регулировании разных стран в разные эпохи используются одни и те же правовые конструкции, являющиеся объективно необходимыми для рационального разрешения юридических споров и в этом смысле естественными. Это позволяет предположить, что в онтологической структуре права можно выделить некий общепризнаваемый юридический концепт действительности как

часть правовой реальности»¹. В свою очередь, гносеология – это философское учение о познании, которое применительно к праву означает, по словам С. А. Бочкарева, что «на первый план выходят вопросы не о том, что, где и когда произошло, а о том, кем, как и почему именно так, а не иначе соответствующее событие оценено»².

В итоге отграничить онтологические аспекты недвижимого имущества от гносеологических – это значит прежде всего отличить то, чем является недвижимое имущество, от того, какими способами формируются представления о нем.

Онтологические свойства недвижимого имущества.

Очевиден тот факт, что в основе понятия неподвижности находится отрицание; юридическая конструкция данного понятия строится на том, что в нем отрицается движение.

При этом вполне корректным представляется недвижимое отличать от неподвижного. Неподвижное не способно двигаться самостоятельно, а неподвижный объект никто не способен привести к движению. Однако отрицательные понятия не обнаруживают существенных свойств объекта, поэтому следовало бы дополнить их другими характеристиками, которые по смыслу противоположны движению. Например, такими концептами могут выступать «статика», «покой», «стационарность».

Возникает вопрос о функциональности отрицания движения применительно к рассматриваемому виду имущества. Любой правовой режим или статус представляет собой форму фиксации субъекта или объекта в социальном пространстве, что выражено в системе возможностей перехода вещей от одного лица к другому, их созданию или уничтожению.

Например, как полагает А. Я. Рыженков, «на уровне конкретного объекта или правоотношения правовой режим, по сути, совпадает с набором прав и обязанностей, возникающих по поводу данного объекта или в данной сфере деятельности (в применении к субъекту конструкция “правовой режим” обычно не используется, поскольку существует иной общепринятый термин “правовой статус”). На уровне отрасли права, разумеется, не имело бы смысла включать в состав режима всю сумму прав и

¹ Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 28.

² Бочкарев С. А. Гносеология уголовного права: постановка вопроса // Государство и право. 2020. № 9. С. 34.

обязанностей. Скорее, тут речь идет о модели обобщенного характера, включающей в себя:

- специфику регулируемой сферы отношений (предмет правового регулирования);
- основные принципы правового регулирования;
- способ возникновения прав и обязанностей»¹.

Хотя первичен в этом контексте именно социальный аспект, он неизбежно получает выражение и в материальном мире. Примером может служить концепция свободного перемещения товаров и услуг, закрепленных в ч. 1 ст. 8 Конституции Российской Федерации (РФ). Слово «перемещение» в этом контексте означает как, например, смену собственника, так и изменение физического положения вещи (перевозка из одного региона в другой). Таким образом, с точки зрения материального проявления социальной динамики оказывается значимым и вопрос о том, в какой мере вещь, являющаяся объектом правоотношения, способна к изменению положения в пространстве.

Нормативное значение стационарности или мобильности вещей, в свою очередь, определено свойствами социальных отношений, объектами которых эти вещи выступают, включая субъектный состав, юридическое и фактическое содержание. В целом с онтологической точки зрения особый правовой режим недвижимых вещей, вероятно, объясняется рядом ключевых факторов:

1) объекты недвижимости в среднем носят более масштабный характер, чем движимые, и являются основой жизнедеятельности не только отдельных лиц, но и крупных человеческих общностей;

2) объекты недвижимости, в отличие от движимых вещей, обладают уникальной социальной ценностью, поскольку их основные виды (земельные участки, здания и сооружения) не могут быть функционально заменены ничем иным;

3) объекты недвижимости ввиду особенностей своих пространственных характеристик требуют иных форм заботы, ухода и обустройства, чем движимое имущество.

Соответственно, приведенным онтологическим постулатам соответствует гносеологический вопрос. Действительно ли эти

¹ Рьженков А. Я. О понятии отраслевого юридического режима // Современное право. 2023. № 5. С. 25.

свойства присущи всем недвижимым вещам, или они только представляются таковыми?

Одна из главных проблем, возникающих в этой связи, обусловлена тем, что из числа объектов недвижимости фактически неподвижной остается только земля. Здания и сооружения технически могут быть перемещены из одного пространства в другое. Как полагает О. Ю. Скворцов, «первая и вторая группы объектов при ближайшем рассмотрении не обладают общими признаками, поскольку если в первой группе объектов находятся такие объекты, которые являются принципиально непереключаемыми (земельные участки), то во второй группе – объекты, перемещение которых принципиально возможно, хотя и с причинением несоразмерного ущерба их назначению (леса, насаждения, здания, сооружения)»¹.

Следовательно, с онтологической точки зрения идея неподвижности не подтверждается в полной мере; вместе с тем не является релевантной недвижимому имуществу и идея статичности, поскольку статика или динамика – это состояние вещи, а подвижность или неподвижность – свойства вещей. Недвижимость – далеко не любая статичная вещь, а лишь такая, чье статическое положение определено ее объективными свойствами, при этом динамика не является полностью исключенным состоянием.

Перемещение совместимо с недвижимым характером имущества только в том аспекте, что вещь может передвигаться, но она не выполняет функционального назначения. В этом контексте с онтологической точки зрения не может относиться к недвижимым вещам, например, «плавучий дом», независимо от того, каким правовым режимом он обладает, равно как морские и речные суда, которые отнесены законом к недвижимому имуществу.

Рассмотрим онтологический статус категории «имущество». Данное понятие указывает не на характер предмета, а на характер отношений, в которых он участвует. Имущество предполагает возможность присвоения, а значит, и отчуждения. Это означает, что имуществом являются такие недвижимые вещи, которые могут быть обращены в личное или в коллективное пользование. Иными словами, вопрос о наборе недвижимых

¹ Скворцов О. Ю. Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 47.

вещей не носит онтологического характера, а определен в основном решением законодателя.

Таким образом, сложный характер онтологии недвижимого имущества обусловлен двойственностью ее состава, включающего в себя, во-первых, объективные характеристики материального субстрата, прежде всего полную невозможность или затрудненность его перемещения в пространстве; во-вторых, настолько же объективные, хотя иные по природе, характеристики социальных отношений, позволяющие делать его предметом товарно-денежного обмена.

Гносеологические свойства недвижимого имущества.

Гносеология недвижимости охватывает различные источники и способы формирования представлений об этом явлении. Целесообразно выделить два возможных подхода:

1) социально-экономический – данная характеристика недвижимого имущества основана на том, какое место оно занимает в общественном производстве и какими стоимостными качествами обладает;

2) юридический – опирается на то, какие нормативные модели недвижимого имущества получили официальное законодательное закрепление.

С учетом этого возникают расхождения между двумя приведенными подходами: в первом случае доминирует материальная сторона, во втором – символическая. Следовательно, с правовой точки зрения могут быть рассмотрены в качестве недвижимого имущества вещи, которые им не являются в социально-экономическом смысле. В итоге объектом познания в рамках юридического подхода выступает не недвижимое имущество, а только представления о нем, отраженные в соответствующих законодательных актах или правовой доктрине.

В гносеологическом понимании возможны две познавательные установки по отношению к недвижимому имуществу:

1) существует объективное явление, которое подлежит описанию в том виде, как оно представлено в опыте;

2) недвижимое имущество не является чем-то существующим независимо от исследователя, а выступает конструктом, который создан для решения какой-либо практической задачи.

Это различие в целом соответствует делению имущества «по природе» и «по назначению». Возникает вопрос о том, чем обусловлено одновременное существование двух разных трактовок недвижимого имущества, имеющих равную степень нормативного признания.

По мнению М. А. Собениной, «одной из основных причин выступает необходимость обеспечения особой устойчивости прав на это имущество, вследствие чего предусматривается обязательность государственной регистрации как самого права собственности, залога, других вещных прав на недвижимость, а также возникновения, ограничения и прекращения таких прав»¹. Аналогичную позицию применительно к воздушным судам высказывает Д. Р. Симаев: «Несмотря на предназначение этих вещей находиться в движении, законодатель распространил на них особый правовой режим, связанный с их экономической и политической значимостью»².

Изложенный подход означает, по существу, утверждение приоритета гносеологического аспекта над онтологическим. Свойство, идентифицируемое как характеристика недвижимого имущества «по природе», а именно необходимость особого правового регулирования, проецируется на другие вещи, которые сами по себе качествами недвижимости не обладают.

Попытку иного обоснования предпринимает, например, В. В. Соловьев. Он пишет: «Данные объекты приобретают статус недвижимого имущества, так как обладают сходными естественными признаками с недвижимостью. Выражается это в том, что все эти объекты имеют определенную устойчивую связь с территорией Российской Федерации (для судов это будут соответственно порты приписки, а для космических кораблей – центры управления»³.

И все-таки приведенный аргумент не обладает высокой степенью убедительностью как минимум по следующим причинам: во-первых, ввиду того, что космические объекты

¹ Собенина М. А. Правовой режим морских судов и судов внутреннего плавания по гражданскому законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 16–17.

² Симаев Д. Р. Правовой режим воздушных судов как объектов недвижимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 14.

³ Соловьев В. В. История формирования понятия «недвижимость» // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 111.

были, несмотря на это, исключены из состава недвижимых вещей; во-вторых, существует ряд других вещей, которые также имеют устойчивую связь с земной поверхностью, но не относятся к недвижимому имуществу (например, железнодорожный транспорт, обладающий неотделимостью от рельсов и имеющий прикрепленность к депо). С учетом этого следует признать тот факт, что в процессе построения гносеологической модели недвижимого имущества преобладает конструктивистский подход, при котором происходит не столько выявление объектов, которые по своим характеристикам действительно не способны к передвижению, сколько напротив, приписывание этих свойств тем или иным вещам безотносительно к их реальным качествам.

На данный принцип обратил внимание еще в дореволюционной юридической литературе Д. И. Мейер: «Действительно ли имущество, признаваемое по закону недвижимым, неподвижно по своей природе, или оно подвижно – это все равно; и если, например, законодатель найдет нужным какое-либо определение, касающееся недвижимого имущества, распространить и на имущество движимое, то определение это будет применяться и к движимому имуществу, и наоборот»¹. По существу, такой подход может привести даже к полному отказу от формулирования общего понятия недвижимого имущества: «Содержание определения недвижимости должно включать не оценочные критерии отнесения объектов к недвижимости, а перечисление конкретных объектов, в отношении которых, исходя из их физической (материальной) природы, экономической ценности и социальной значимости, установлен соответствующий правовой режим»².

Тупиковый характер подхода, основанного на механическом казуистическом перечислении всех возможных объектов недвижимого имущества, без выявления их объединяющих свойств, очевиден. Необходим поиск оптимального сочетания онтологического аспекта, образующего «ядро» представлений о недвижимом имуществе, и гносеологического, представленного в современной практике гражданско-правового регулирования, в частности, особой

¹ Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. С. 161.

² Семенова Е. Г. Концептуальная модель правового режима недвижимости как объекта имущественных прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 20.

разновидностью метода аналогии, но не в интерпретационно-правоприменительном, а в нормотворческом варианте, при котором свойства недвижимости применяют по признаку частичного сходства к объектам иного рода.

Анализ действующего законодательства свидетельствует о том, что в нем используют различные подходы к конструированию гражданско-правового режима недвижимости. При доминировании онтологического аспекта отнесение вещей к категории недвижимого имущества осуществлялось бы следующим образом: сначала определяют критерии недвижимости, затем их прилагают к тем или иным материальным предметам, а далее принимают решение о том, распространять ли на них соответствующий правовой режим.

На онтологическом подходе построено основное определение недвижимых вещей в абз. 1 п. 1 ст. 130 Гражданского кодекса (ГК) РФ: «К недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства»¹. В целом именно эта модель находится в основе таких новелл гражданского законодательства, как абз. 3 п. 1 ст. 130, внесенный Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ (к недвижимым вещам отнесены жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений)², а также глава 6.1 «Недвижимые вещи», внесенная Федеральным законом от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ³.

Сторонником последовательного применения такой модели выступил, в частности, В. А. Алексеев: «Недвижимая вещь от

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

² О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 315-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4248.

³ О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 52 (ч. I). Ст. 8989.

других вещей должна отличаться лишь объективными признаками, т.е. такими, которые не связаны с правовыми отношениями, осуществляемыми по поводу этой вещи. Для устранения из закона оснований для так называемой юридической концепции недвижимости предлагается изменить текст второго абзаца п. 1 ст. 130 ГК РФ, изложив его в следующем виде: “К недвижимым вещам приравниваются воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты. Законом к недвижимости может быть приравнено и иное имущество”¹.

В других положениях действующего законодательства (прежде всего абз. 2 п. 1 ст. 130 ГК РФ), напротив, прослеживается обратный ход: вначале формируется нормативная модель правового режима недвижимого имущества, затем определяют вещи, к которым данный режим ввиду тех или иных соображений целесообразно применить. В результате эти вещи объявляют недвижимым имуществом, независимо от того, какие материальные свойства им присущи.

Основная проблема такой двойственности заключается в том, что ее результатом становится концептуальная непоследовательность правовой политики в сфере недвижимого имущества, которая существенно различается, в зависимости от того, что находится в ее основе: представления о земле и ее принадлежностях или понимание недвижимости как любого имущества, в отношении которого целесообразно ввести государственную регистрацию.

Библиографический список

1. Алексеев В. А. Недвижимое имущество: правовой режим и государственная регистрация прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 45 с.
2. Бочкарев С. А. Гносеология уголовного права: постановка вопроса // Государство и право. 2020. № 9. С. 33–40.
3. Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности): монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. 320 с.

¹ Алексеев В. А. Недвижимое имущество: правовой режим и государственная регистрация прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 9.

4. Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. 455 с.

5. Рыженков А. Я. О понятии отраслевого юридического режима // Современное право. 2023. № 5. С. 22–26.

6. Семенова Е. Г. Концептуальная модель правового режима недвижимости как объекта имущественных прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 33 с.

7. Симаев Д. Р. Правовой режим воздушных судов как объектов недвижимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 25 с.

8. Скворцов О. Ю. Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте. М.: Волтерс Клувер, 2006. 368 с.

9. Собенина М. А. Правовой режим морских судов и судов внутреннего плавания по гражданскому законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 29 с.

10. Соловьев В. В. История формирования понятия «недвижимость» // Известия Саратовского университета. Серия: Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 110–113.

Раздел

**Наука и практика
стран СНГ**

В. А. Витушко

профессор Академии управления
при Президенте Республики Беларусь,
доктор юридических наук, профессор
Беларусь, г. Минск
vovka50@mail.ru

**ДУХОВНОЕ ЕДИНСТВО,
КОЛЛЕКТИВИЗМ И СОТРУДНИЧЕСТВО
КАК ВРОЖДЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЧЕЛОВЕКА И НАРОДА**

**SPIRITUAL UNITY,
COLLECTIVISM AND CO-OPERATION AS INNATE SOCIO-LEGAL
AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL PROPERTIES
OF THE INDIVIDUAL AND THE NATION**

В статье в состав врожденных свойств человека и народа включены коллективизм и сотрудничество, основанные на взаимопонимании и взаимодействии малых и региональных сообществ людей, а также духовное единство народа. Утверждается, что духовное единство человека и народа формируется под влиянием коллективного и партнерского ведения хозяйства, общего жизненного пространства (большая и малая родина), единых семейных традиций, почитания лидера, заботы друг о друге, единых мистических, религиозных, иных духовных и естественно-правовых ценностей. Естественно-правовые ценности человека и народа состоят не только из личных неимущественных прав, но включают в себя неразрывно связанные имущественные, личные неимущественные, иные права и интересы. Духовное единство народа и индивидуализм меркантильных интересов личности нельзя смешивать, как и разрывать, поскольку они – неотъемлемые составляющие общезжития и национальных интересов. Агрессия и милитаризм в отношениях прошлых и настоящих народов, цивилизаций и государств рассмотрены как обусловленные историческими, культурологическими, психологическими, экономическими, политическими и иными социальными причинами объективного и субъективного характера. Но главная причина состоит в том, что между народами и государствами в глобальном аспекте нет духовного единства.

Ключевые слова: коллективизм, взаимопонимание, взаимодействие, духовное единство народа, партнерство, сотрудничество, субъективные права, приватизация, собственность, личные неимущественные права.

The article includes collectivism and cooperation based on mutual understanding and interaction of small and regional communities of people, as well as spiritual unity of the people in the composition of innate properties of a person and a nation. It is argued that the spiritual unity of man and the people is formed under the influence of collective and partnership economy, common living space (big and small homeland), common family traditions, honouring the leader, caring for each other, common mystical, religious, other spiritual and natural-legal values. The natural-legal values of a person and a people consist not only of personal non-property rights, but also include inseparable property, personal non-property, and other rights and interests. The spiritual unity of the people and the individualism of mercantile interests of the individual cannot be mixed, nor can they be torn apart, since they are integral components of the common life and national interests. Aggression and militarism in the relations of past and present peoples, civilisations and states are considered as conditioned by historical, cultural, psychological, economic, political and other social reasons of objective and subjective nature. But the main reason is that there is no spiritual unity between peoples and states in the global aspect.

Keywords: collectivism, mutual understanding, interaction, spiritual unity of the people, partnership, cooperation, subjective rights, privatisation, property, personal non-property rights.

Введение

С о второй половины XX века в юриспруденции стали развиваться представления о партнерстве и сотрудничестве, солидарности интересов в правоотношениях. Появилось специальное законодательство об этом. Вместе с тем сохраняются агрессия и милитаризм в отношениях между народами, цивилизациями и государствами. Духовное единство в отношениях между народами и государствами в глобальном аспекте не декларируется. Да и на национальном уровне правоведа ему не уделяют внимания, а вопрос национальной идеи вовсе не актуализирован. Между тем понятийные вопросы духовного единства народов постсоветского пространства, а также вопросы соотношения нашей духовности с духовностью других народов не настолько и отвлеченные.

Основная часть

Одним из первых правоведов, занявшихся проблемой партнерства и сотрудничества, стал советский профессор И. Б. Новицкий. В 1951 г. он опубликовал монографию, посвященную развитию понятий солидарности интересов, сотрудничества и социалистической взаимопомощи между государственными предприятиями¹. Затем императивы «равенства и необходимой взаимозависимости наций и народов», «единства человечества» зафиксированы Генеральной конференцией ООН в Рекомендациях о воспитании в духе международного взаимопонимания, сотрудничества и мира и воспитании в духе уважения прав человека и основных свобод от 19 ноября 1974 г.²

Впоследствии принцип сотрудничества в развитых странах с традиционно рыночной экономикой стали применять для всех коммерческих отношений, что нашло закрепление в ст. 5.3 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА, а также в ст. III.-1:104 «Сотрудничество» книги III Модельных правил европейского частного права (DCFR)³.

В гражданских кодексах постсоветских стран, вставших на рыночный путь после распада СССР, о сотрудничестве сказано лишь в одной статье, хотя Модельный Гражданский кодекс (ГК) СНГ разрабатывали с использованием зарубежного опыта. Это ст. 705 «Сотрудничество сторон в договоре строительного подряда» ГК Беларуси, ст. 750 ГК России и аналогичные статьи ГК других стран ЕАЭС и СНГ. Такое ограниченное понимание и применение принципа сотрудничества в законодательстве стран постсоветского пространства служат одним из примеров существенного различия политического, юридического, культурологического и иного свойства между странами, традиционно развивающимися уже более четырех столетий в рамках рыночных отношений, и постсоветскими странами, опыт рыночных преобразований которых составляет всего три десятка лет. Соответственно, данное различие, имеющее объективный характер, не может не сказываться на праве и правоотношениях

¹ Новицкий И. Б. Солидарность интересов в советском гражданском праве. Отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи. М.: Госюриздат, 1951. С. 12.

² Павлова А. В., Пашкевич А. Е. Юнеско и права человека / под ред. А. В. Павловой. Мн.: Тесей, 2002. С. 74–81.

³ Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. С. 213.

между указанными странами. Представляется целесообразной унификация нормативных правовых актов стран ЕАЭС, направленная на распространение принципов партнерства и сотрудничества на все правовые отношения¹.

Но в национальных границах партнерство может быть понято и использовано по-разному. В международной практике и в России XIX – начала XX в. объединение капитала государства и частных лиц названо В. Лениным государственно-монополистическим капитализмом, являющимся наиболее жестокой формой эксплуатации трудящихся. После революции в России страны с традиционными рыночными отношениями отказались от такого объединения капиталов, развивая социальное партнерство государства и частных лиц в иных формах. При объединении капиталов государства и ограниченного числа частных субъектов хозяйствования создается питательная почва для коррупции и разложения духовного единства народа. На необходимость разграничения частного и государственного капитала в коммерческой деятельности указывал министр финансов России Н. Кудрин. В целях разработки возможных направлений правового обеспечения расширения торгово-экономического партнерства и сотрудничества в странах ЕАЭС, СНГ и в глобальных масштабах представляется актуальным исследовать вопрос об истоках и перспективах формирования правовых принципов партнерства и сотрудничества, взаимопонимания и взаимодействия в системе национальных и международных общественных отношений.

С точки зрения эволюционной теории первые процессы взаимодействия, обозначаемого термином «координация», обнаружены биологами уже у колоний одноклеточных микроорганизмов, координирующих свои действия. Особое развитие получили взаимопонимание и взаимодействие в среде социально организованных животных. Такие животные во время охоты способны изменять ее тактику, которая необходима для достижения успешного результата. Их жизнь основана на сочетании и иных интересов особи и стада, в особенности в

¹ Витушко В. А. Унификация основных начал и иных общих положений гражданских кодексов Беларуси, России и Казахстана // Теоретические основы моделирования унифицированного гражданского законодательства России, Беларуси и Казахстана в рамках ЕАЭС: монография / под ред. В. П. Павлова. М.: Прометей, 2021. С. 10.

заботе о детях. Соответственно, взаимодействие, координация были естественным эволюционным направлением развития живой природы и на генетическом уровне переняты от животных человеком разумным.

По словам М. Горького, «распри человеческих единиц... совершенно отсутствовали в древнейшую пору»¹. Межличностные распри и разложение первобытных сообществ людей начались с развитием товарного производства, тотального влияния на него индивидуальных способностей и возможностей отдельных лиц и их групп. Следует понимать, что каждая личность в стране и на планете есть явление штучное, индивидуальное, не только в связи с индивидуальным рисунком на пальцах, но прежде всего ввиду индивидуальных физиологических, интеллектуальных, психологических, организационных, коммуникационных, культурологических, иных личных способностей и интересов, родовых, имущественных и иных возможностей. Эти способности, интересы и возможности имеют как позитивное, так и негативное проявление, неразрывно связаны между собой, как и все иные явления космоса, природы и общества, включая и бинарные оппозиции. Это создает неопределенную систему бифуркаций в поведении субъектов общественных отношений, осуществлении ими своих прав и интересов. Поэтому распространенные в юриспруденции представления о равных возможностях граждан есть юридическая фикция, поскольку объективно фактические и юридические возможности осуществления прав у каждого индивидуальны, не равны. Законодательное закрепление равной правоспособности и равенства прав не может изменить реалии природы человека и общества.

В первобытных малых сообществах это не имело решающего значения и не культивировало индивидуализма и распри, поскольку коллективизм был, во-первых, врожденным свойством. Во-вторых, коллективизм обусловлен условиями первобытного образа жизни людей, при котором вели коллективное собирательство, охоту и иное общежитие, поскольку, если не было соответствующих орудий труда и охоты, иных условий, одному Робинзону нельзя было выжить. В-третьих,

¹ Радциг С. И. История древнегреческой литературы. М.: Высшая школа, 1969. С. 30.

в первобытных сообществах людей складывались мистические, религиозные и иные мировоззренческие представления, формировавшие духовное единство внутри сообщества. Религия всегда пронизывала все общественные отношения, включая межличностные, семейные и межсемейные, иные бытовые, торговые и производственные, имела непререкаемый авторитет. Одновременно в первобытном обществе сформировались чувственные критерии жизни и ориентиры в поведении людей, включавшие в себя заботу друг о друге, детях, стариках, больных, иных интересах сообщества. Неслучайно Аристотель называл человека чувственным животным. Духовность и чувственность отличают человека от иного животного и виртуального мира (искусственного интеллекта).

Меркантильные интересы и свойства личности, ее духовность нужно различать, но и не разрывать. Духовность и чувственность – это свойства человека и народа, которые побуждают людей пренебрегать своими меркантильными интересами, даже жизнью. Разум как таковой не в силах объять понятия социального добра и зла без чувств, души личности, которые единственно способны творить иррациональное добро всякий раз индивидуально.

Духовное единство народа основано на общности совместного сосуществования, включая общую территорию, хозяйствование, быт, религию, традиции, культуру, почитании вождей, интеллектуалов и иных авторитетов. Это все охвачено понятиями родины, включая большую и малую родину, семью и веру. Внешние силы не способны противостоять единству духовности человека и народа. Единство духовности народа может быть утрачено только вследствие внутренних причин развития данного народа. Показательным служит пример духовного единства древних царей и народа, описанный Гомером в истории Троянской войны. Когда греческое войско высадилось на троянской земле, стало понятным, что для греков война будет нелегкой. Царь Агамемнон, возглавлявший греческое войско, желая снять с себя вину за неизбежные потери, предложил воинам вернуться домой. Он надеялся, что если воины откажутся возвращаться, то вина в целом за потери с него будет снята. Но все воины бросились на свои корабли для возвращения на родину, и их стали стыдить в трусости Одиссей и другие лидеры греческого войска. Воины вернулись, встали в строй. Когда порядок восстановили, то один из воинов, поняв замысел

Агамемнона, стал его обвинять в своекорыстии, трусости и малодушии. Но войско не поддержало этого воина, наоборот, его подвергли самым грубым насмешкам, проявляя солидарность со своими вождями¹. Это значит, что индивидуализм или эгоизм отдельных лиц среди народа также не может противостоять его единым материальным и духовным ценностям, поскольку данные ценности постоянно подкрепляются неизбежной совместной бытовой, хозяйственной и иной общественной деятельностью всех слоев населения, возможной лишь в рамках принципов партнерства и сотрудничества. Только в обществе и в рамках императивов взаимопонимания и взаимодействия личность могла и сегодня может реализовать индивидуальные субъективные права и интересы политического, экономического, правового и иного характера.

С развитием широкого товарного производства и обмена, когда личность осознала позитивные аспекты своего обособленного от общины существования ввиду личных способностей и возможностей, индивидуализм стал проявлять негативные качества эгоизма. В условиях массового проявления индивидуализма и эгоизма первобытная община распадалась, а на ее месте формировались первые государственные образования. При этом важно понимать, что меркантильный индивидуализм двигает личность на поиск новых решений социально-экономических, научных, технических и иных задач, полезных не только личности, но и обществу. Поэтому индивидуализм, даже меркантильный, осуществляемый в рамках правового поля, охраняется обществом. Соответственно, в понимании личности нужно выделять ряд ее существенных характеристик: биологический, интеллектуальный и социальный индивидуализм; биологический, интеллектуальный и социальный универсализм; единство бинарных оппозиций в существе и действиях личности.

Первым юридическим обоснованием меркантильного индивидуализма личности стали идеи деления изначально единого древнеримского гражданского права квинитов на частное право и право публичное. Но данные две ветви права абсолютизированы Ульпианом, они отделяли частные интересы личности от интересов общества, государства. Хотя на уровне широкого народного и философского правопонимания жизнь в

¹ Радциг С. И. Указ. соч. С. 46–47.

греко-римском мегаполисе отличалась «общественно-личной монолитностью» в рамках отдельных полисов и иных сообществ¹. Поэтому за свою абсолютизацию разделения частного и общественного правового интереса Ульпиан казнен.

Как ранее установлено, в древних государствах и цивилизациях рабство применяли к пленникам, оно существовало по историческим меркам недолго, отменяли его вследствие экономической неэффективности и негативного влияния на духовное состояние общества. При этом идеи расового превосходства одних народов и людей над другими народами, людьми не культивировались в развитых древних цивилизациях, как они проявили себя в Новой истории. Так, в Древнем Риме зародилось право народов (*jus gentium*), распространявшее на иноземцев права римских граждан, вплоть до присвоения иноземцам статуса граждан Рима. Культура врожденного гуманизма, как неотъемлемое свойство человеческой природы, всегда сопровождала жизнь личности и народа. Нищие, бездомные, убогие и иные угнетенные, равно как богатые, алчные, безжалостные и иные волюнтаристы, всегда были и будут. Но это не означает, что у них нет ничего общего. У критической массы народа всегда есть общие духовные и иные национальные ценности, интересы. Главная задача общественных институтов заключается в том, чтобы не навредить такому единству.

Очередное сильное обострение межличностных отношений произошло в период освобождения рабов от личной зависимости и перевода их на наемные отношения, что повлекло смешение свободных граждан и бывших рабов. Тем более что в среде рабов также были успешные предприниматели, иные профессионалы и таланты иного характера, что принижало социальную ценность неудачливых свободных граждан. Но это не влекло распада общества и государства.

Единство духовных ценностей в рамках обособленных народов, цивилизаций и государств обусловлено и другими обстоятельствами. Так, законодательство древних цивилизаций и государств не навязывали собственным народам в качестве волевых актов государственных органов и средств рационализации жизнедеятельности отдельных лиц и народа. Все

¹ Лосев А. Ф. История античной эстетики: поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980. 766. С. 149.

известные древние государства легализовали в законодательстве исключительно народные обычаи. При формировании государственности у народов России и Беларуси Русская Правда также аккумулировала в себе народные обычаи. Интересен тот факт, что, например, Соборное Уложение 1649 г. принято с участием всех слоев народа, включая депутатов от всех посадских общин. Кроме того, правотворчество у наших народов осуществлялось вечевыми собраниями, в которых также участвовали все слои народа. Это импонировало отдельным личностям и народам, поскольку они видели в своих государствах привычные качества их первобытных сообществ, с понятными и известными правилами общежития. Единственными обременениями со стороны государства были воинские и налоговые повинности, которые также были привычными для людей со времен первобытного периода. Бытовая и хозяйственная деятельность в новых социальных образованиях, государствах осуществлялась индивидами в рамках своих способностей и интересов, на основе самоорганизации, как и ранее в общинах.

Отдельные факты коллективной организации труда, как, например, для целей строительства пирамид, крепостей, орошения земель и иные, осуществлялись на основе единства индивидуальных и общих духовных ценностей, веры, интересов материализации и укрепления народных символов, причем с обязательным учетом индивидуальных способностей, профессионализма и иных возможностей и интересов личности. Соответственно, собственный народ в государствах и цивилизациях на протяжении сотен и тысяч лет сохранял духовное единство и связь с общественными интересами, оставался единственным источником государственной власти, включая экономическую, политическую, юридическую и иные виды власти государств и цивилизаций, о чем с начала Новой истории стали записывать в Декларациях и Конституциях. Такой статус народа консолидирует энергию и силу народа и государства. Все это говорит о том, что духовное единство народа и его поддержка государства есть врожденное социально-правовое и социально-психологическое свойство человека и народа.

Духовное единство или разобщенность народа развиваются под влиянием многих обстоятельств. К ним можно отнести наличие или отсутствие в обществе таких условий, как свободное

духовное, экономическое, политическое и иное развитие личности; авторитет в обществе обычного (народного) права, формируемого жизнедеятельностью народа; наличие единой религии; отношение личности к общественным интересам; баланс частных и общественных интересов; внутренний и международный авторитет государства; влияние эпикурейской идеологии; характер имущественного расслоения народа; наличие или отсутствие критической массы среднего класса; культ семьи как естественной и основной социальной ячейки, др.¹

Нельзя личность рассматривать как безмолвную единицу в составе «железных рядов пролетариата», марширующих твердой поступью. История советского государства учит, что нельзя диктовать личности как ей жить, проявлять инициативу, направленную на улучшение своего экономического и социального благополучия. Эти вопросы личность решает самостоятельно. При этом экономическое, социальное и культурное развитие личности и народа неразрывно связаны, взаимно влияют одно на другое и раздельно одно без другого не существуют.

Формированию партнерства и сотрудничества в цивилизованном обществе способствует такой правовой институт, как договор, являющийся основой индивидуальной и коллективной самоорганизации общественного воспроизводства и быта. Важнейшим признаком договора выступает соглашение его участников, которого можно достичь только при взаимопонимании и сотрудничестве. Договор находится в основе всех актов обмена, начиная с первобытного периода общества, хотя некоторые коллеги указывают на первичность деликтных правоотношений. Принуждение к заключению бытовых и хозяйственных договоров – это редкое исключение из общего правила о свободном соглашении субъектов договоров, основанное на учете общественных интересов. Конкуренция интересов в пределах правового поля не мешает партнерству, тем более что партнерство и конкуренция неразрывно связаны. Такого рода общественные отношения и правоотношения охвачены понятием естественного права человека и народа, в

¹ Витушко В. А. Основы новой теории распада и отставания в развитии государств // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2008. № 3 (24). С. 10.

котором неразрывно связаны имущественные и личные неимущественные блага, права и интересы.

В период Средневековья межличностные отношения сюзеренитета – вассалитета также развивались на основе договоров между лицами, различавшимися имущественными, родовыми возможностями, военными и иными способностями. В данных договорах между сюзеренами и вассалами предусмотрены взаимные права и обязанности имущественного и личного характера, что способствовало формированию культуры взаимопонимания и взаимодействия между ними. Договорные и аналогичные им относительные отношения формировались и в рамках корпоративных объединений, включая религиозные, профессиональные цеховые и иные объединения граждан. Договоры объединяли собственников и лиц, не имевших земли и иного имущества. В исследуемый период, как и сегодня, многие категории граждан не могли или не хотели расходувать средства на приобретение имущества в собственность. Для использования и извлечения полезных свойств чужого имущества применяли договоры имущественного и личного найма.

Кроме того, были иные правовые формы использования чужого имущества. В частности, уже в Средневековье развивалось вексельное обращение, как в национальном, так и в международном масштабе. Затем стали развиваться хозяйственные корпорации, кредитные организации, трастовое управление имуществом, лизинг и др. С переходом на рыночные основы разного рода правовые формы договорного и квазидоговорного партнерства активно развиваются на постсоветском пространстве. Использование договоров в процессе осуществления экономической и иной деятельности в обществе требует применения не только предшествующего опыта и подсознания, но и рационального сознания, которому, как оказывается, не чужды с первобытных времен интересы партнеров, контрагентов, своего общества, народа. Это означает, что коммерческие и иные договоры также формируют духовное единство народа. Вместе с тем в странах традиционной рыночной экономики и постсоветских странах культура развития договорных отношений имеет особенности в различных своих аспектах, что влечет коллизии в экономических, политических, культурологических и иных взаимоотношениях этих стран.

Правовой статус населения России и Беларуси в период Средневековья также был разнообразным ввиду указанных

различий в его индивидуальных способностях и возможностях. Распространенным был наем по договору кабалы (слово арабского происхождения), сочетавшему элементы займа и купли-продажи. На основании данного договора личность брала в наем землю на условиях личной отработки, службы¹. Такой договор мог формировать имущественную и некоторую личную зависимость арендатора от арендодателя. Но надлежащее исполнение взаимных обязательств по договору формировало взаимопонимание и взаимодействие между их участниками. Поэтому имущественное обременение одних лиц другими с учетом таких договоров не могло вызывать и не вызывало личных обид и социальных взрывов в общественных отношениях². Редко возникающие восстания можно объяснить, скорее, личными амбициями их вождей. Известно, что для православных христиан характерен соборный образ жизни. Следует дополнить, что коллективный труд и управление общими делами на основе общей собственности в рамках христианской общины, сложившейся с древнейших времен на Руси³, существовали до начала XX в. В ряде других регионов мира община продолжает существовать и восполнять функции государства и сегодня⁴.

На белорусских землях веча были как в княжеском Полоцке, так и в подвластных ему Минске, Витебске, Гродно и других городах. Источниками права на белорусских землях служили обычаи и привилегии, выдававшиеся населению князьями, чем одновременно ограничивались правомочия князей в отношении населения⁵. В XIV веке Брест, Гродно и Вильно получили грамоты на магдебургское право и самоуправление. К XVI в. такие грамоты имели и многие другие города. Сельское население было разделено на множество прослоек, и в основном жители имели свои земли. С принятием в XVI веке Статутов Великого княжества Литовского, в основу которых легли обычаи и

¹ Большая энциклопедия: в 22 т. Т. 10 / под ред. С. Н. Южакова. 4-е изд. СПб.: Просвещение, 1896. С. 319.

² Петражицкий Л. И. Теория государства и права в связи с теорией нравственности // История русской правовой мысли. М.: Остожье, 1998. С. 224.

³ Золотухина М. Н. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М.: Юрид. лит, 1985. С. 38.

⁴ Костокрызов П. И. Общинное правосудие в странах Латинской Америки: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 19.

⁵ Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. 2-е изд. Мн.: Беларусь, 2005. С. 38, 41-48.

привилегии, договоры кабалы, порождавшие личную зависимость граждан, признавали недействительными. Население было разделено на шляхту, духовенство, мещан и простых людей, среди которых также наблюдались многочисленные прослойки. В таких условиях духовное единство народа сохранялось. И только с XVII в. в связи с обнищанием некоторой части селян в законодательстве появляется термин «холопы»¹.

Начальный период становления капитализма и рыночных отношений в Европе нанес очередной удар по врожденному свойству коллективизма и духовному единству народа. Это обусловлено абсолютизацией правовых принципов свободы, равенства граждан и неприкосновенности частной собственности, провозглашенных буржуазными революциями XVII–XVIII вв. Так, в параграфе 3 раздела I Конституции Франции 1791 г. указано, что «законодательная власть не может издавать законов, препятствующих осуществлению естественных прав или посягающих на такое осуществление». Юридические лица как явление и правовой институт также были запрещены, поскольку в них допускались внутрикорпоративные ограничения прав личности. Исключены сословные и иные древние ограничения свобод личности. В таких условиях государство не регулировало хозяйственную и иную деятельность граждан. Этим воспользовались наиболее способные к организации и осуществлению хозяйственной деятельности лица. На жалобы бедствующих слоев о своем тяжелом положении правительствующие особы давали циничные рекомендации «обогащаться самим».

Тем не менее свойство духовного единства человека и народа выдержало и этот удар. Более того, начало XIX века в юриспруденции Европы и России ознаменовано отказом от древнеримской догмы деления права на частное и публичное². Стали зарождаться комплексные отрасли права, включая хозяйственное, трудовое, жилищное право (законодательство), право социального обеспечения, в которых объединены личные и общественные, частные и публичные интересы. Этим

¹ Вишнеvский А. Ф. История государства и права Беларуси: учеб. пособие. Мн.: Академия МВД Республики Беларусь, 2003. С. 28, 45–46, 84, 88–97, 122–123.

² Кавелин К. Д. Избранные произведения по гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. С. 66, 77, 180.

реабилитированы древнейшие представления о единстве личных и общественных интересов.

Противостояние между нанимателями и наемными работниками побудило некоторых представителей социалистической и коммунистической идеологии заявлять о классовой подоплеке противоречия интересов между бедными и богатыми, буржуазией и пролетариатом. Но это – односторонний подход, имевший сугубо политическое значение. Юридических, культурологических и иных социальных оснований для утверждений о наличии антагонистических интересов у нанимателей и наемных работников не было и нет. Наниматели, как и наемные работники, – это не два взаимоисключающих слоя народа, они неразрывно связаны общими духовными ценностями и национальными интересами. К тому же нанимателями являются различные прослойки предпринимателей, а также иные категории граждан. Среди пролетариата следует различать множество прослоек, включая высококвалифицированных, имущественно обеспеченных рабочих, а также разного рода менее квалифицированных и обеспеченных рабочих, безработных, иных потенциальных работников. К наемным работникам нужно отнести и иные категории населения, включая интеллигенцию, работников культуры, искусства, спорта, мещан и иных граждан. Среди последних, да и среди высококвалифицированных и обеспеченных рабочих, могут быть наниматели, которых по критерию эксплуатации рабочей силы можно причислить к буржуазии.

С конца XIX в. государства начали универсальными правовыми мерами ограничивать анархический индивидуализм личности, принимая законодательство о противодействии монополистической деятельности, об обременении частного бизнеса военными потребностями государства, появлением социального страхования, понятия публичного договора, а после Второй мировой войны, реализуя национальное законодательство о социализации общественных отношений и правоотношений, обременении личности национальными интересами.

Идея за веру, царя и Отечество объединяла российский народ, пока в 1917 г. царь не отказался от престола. Отказ сделан под влиянием предпринимателей, интеллигенции и партийных групп в Государственной Думе. Впоследствии к ним присоединилось прочее население, совершившее Февральскую буржуазную революцию 1917 г. Совершение революции

сопровождалось царившим духовным разладом среди народа России, колебаниями граждан по определению системы ценностей, неоднократно изменявшимися в течение дня. Тем самым развивались противоречивые экономические, политические, правовые и иные интересы индивидов, что привело к разложению духовного единства народа, среди которого не нашлось достойных лидеров, способных объединить народ. С одной стороны, население устало от длившейся в течение нескольких лет войны. Одновременно Февральская революция провозгласила принципы равенства и свободы, которые импонировали народу. С другой стороны, рабочие, особенно женщины, были недовольны уровнем заработной платы и продовольственного обеспечения городов, а сельские жители обеспокоены возрастающим обременением их поставками хлеба по фиксированным ценам в города, напоминавшим период крепостной зависимости. В итоге возник еще и конфликт между городом и деревней. В обстановке царившей смуты большевики взяли власть в столице. Выдвинув лозунги прекращения войны, передачи фабрик и заводов рабочим, а земель – крестьянам, большевики выразили интересы значительной части народа.

В качестве опоры большевики изначально использовали солдат и рабочих столицы, ряда крупных городов. В их среде культивировалась воинственность в отношении дворян, интеллигенции, духовенства, восстававших крестьян, обвинявшихся в мелкобуржуазности, а также всех, кто не поддерживал большевиков. Но в стране, большинство населения которой составляли крестьяне, без них удержать власть было невозможным. Поэтому принят Декрет о земле от 26 октября (8 ноября) 1917 г., которым конфисковали земли у дворян, церквей и иных владельцев, кроме рядовых, мелких крестьян и казаков, с передачей в пользование земельных участков трудящимся. Тем самым привлечена на сторону новой власти часть крестьянства, использовавшаяся в войсках на стороне большевиков.

После окончания Гражданской войны, в которой крестьяне не выразили всеобщей поддержки новой власти, ее правовая политика не предвещала улучшения положения крестьян. Обязательные поставки хлеба не учитывали их индивидуальных интересов. Рабочие не получили фабрик и заводов, а крестьяне после короткого периода новой экономической политики подвергнуты коллективизации. Советское государство отвергло сложившиеся в массе традиционных стран рыночной экономики

основные принципы свободы, личной неприкосновенности и частной собственности. Попраны основы индивидуализма имущественных и личных неимущественных интересов личности, и даже императив гуманизма. В дальнейшем, эксплуатируя энергию и силу народа, его патриотизм, врожденную веру в авторитет власти, обещанное светлое будущее, советское государство стало нивелировать объективный индивидуализм личности, подчинять жизнь граждан универсальным экономическим, политическим, культурологическим и иным единообразным интересам. В теории хозяйственного права 20–30-х гг. XX в. развивались идеи централизованного планирования личной жизни и потребностей граждан. Одновременно истребляли многовековые духовные и правовые ценности народа, включая его обычаи, традиции и религию. Только победа в народной освободительной войне 1941–1945 гг. вновь духовно объединила народ, получивший название советского народа.

Распад СССР обусловлен очередной утратой духовного единства народа в 80-е гг. XX в. Данное обстоятельство вызвано обнаружившейся с подачи лидеров и идеологов господствовавшей коммунистической партии ущербностью советского образа жизни, который для основной массы советского народа стал привычным и в определенной мере комфортным. При этом в период объявленной в стране перестройки убедительных и объединяющих народ новых политических, социально-экономических, культурных, правовых и иных жизненных ориентиров народу не предъявлено. Наоборот, среди экономистов и юристов воцарились идеи индивидуализма и свободы анархического свойства¹, что позднее закреплено в Модельном ГК СНГ, разработку которого курировали западные «специалисты», и гражданских кодексах постсоветских стран. Да и авторитетного лидера или группы лидеров единомышленников для основной массы народов советского государства в исследуемый период не нашлось. Это привело к существенному разбросу личных политических, экономических, правовых, культурологических и иных интересов и предпочтений граждан и распрям в их отношениях. В газетах рассматриваемого периода писали: «Мебельщики недовольны, что в городе исчезли овощи и фрукты по государственным ценам, но сами втридорога продают мебель. Швейники ужасаются росту цен на мебель, но

¹ Полная экономическая свобода // Известия. 1990. 1 февраля.

увеличивают цены на одежду»¹. Земледельцы страдают от недостатка сельскохозяйственной техники, а поступавшая им техника не укомплектована². Десятки миллионов квартир граждан в многоквартирных домах не отвечали требованиям стандартов, поскольку заказчики и подрядчики не учитывали интересы будущих жильцов этих квартир.

По мнению многих ученых и общественных деятелей, сложившиеся проблемы в экономике обусловлены отсутствием у граждан личного интереса в преодолении этих проблем³. Выражая интересы трудовых коллективов государственных предприятий, экономисты писали о том, что «преодоление кризиса предполагает соединение разгосударствления с рождением нового коллективного предпринимательства»⁴. Но и в этот раз трудящиеся не получили фабрик, заводов и земли. Начались процессы ликвидации народных предприятий, производственных кооперативов, а затем и арендных предприятий, которые в период с 1988 по 1990 г. реанимировали экономику СССР, давали трудящимся возможность осуществления коллективных форм хозяйствования, развивая одновременно и личную заинтересованность в повышении эффективности работы этих предприятий. Разгосударствление и приватизация направлены по пути обогащения одиночек, приближенных к власти.

Под влиянием указанных обстоятельств духовной, политической, экономической и культурологической разобщенности граждан советского государства, а также внешнеполитической, военной, иной конкуренции между капиталистическими и социалистическими странами и произошло катастрофическое разрушение единства советского народа, несмотря на его колоссальный военный, человеческий, интеллектуальный, экономический, природный и иной потенциал. Страны бывшего социалистического содружества еще раз попытались встать на путь традиционных капиталистических ценностей, рыночного развития. В конституциях провозглашена идея социализации государства. Однако действующее

¹ Комаровских С. Свой интерес // Труд. 1989. 11 октября.

² Большой хлеб – большие проблемы // Известия. 1989. 1 августа.

³ Бунич П. Акции нового типа // Труд. 1989. 28 марта.

⁴ Белоусов А., Клепач А. Пределы предпринимательской свободы // Экономика и жизнь. 1990. № 47. Ноябрь.

законодательство постсоветских стран объективно не в состоянии создать условия для социального обеспечения и обслуживания граждан, особенно пенсионеров, а также обеспечения жилищных, трудовых и иных индивидуальных имущественных и неимущественных интересов граждан, хотя бы на уровне советского периода.

Не обнадеживает и характер международных отношений между государствами традиционной рыночной экономики и постсоветскими странами. До сих пор бывшие колониальные страны игнорируют учет национальных интересов и духовных ценностей других стран. Они стремятся обогащаться за счет ресурсов и дешевой рабочей силы ранее завоеванных народов. Военную, экономическую и иную агрессию отдельных стран против интересов других народов наглядно демонстрируют высказывания и действия политиков США и их союзников. Они оправдывают собственную агрессию против Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии, Палестины, других стран и народов, гибель ни в чем не повинных детей, исключительно интересами своих стран, намерениями навязать другим странам свою идеологию, так называемую демократию. В выступлениях политиков бывших колониальных стран не сказано ни слова о соблюдении ими баланса интересов своих и других стран и народов. При этом любому здравомыслящему человеку сегодня понятно, что нельзя не только силой навязывать, но и добровольно одними странами копировать у других стран политические, юридические, экономические, культурные и иные традиции, включая демократию, без учета национальных правовых, культурных и иных традиций каждой страны и ее народа. В современном мире некоторые страны и политики не владеют такими представлениями, игнорируют национальные традиции и интересы других стран и народов, что чревато катастрофическими последствиями для жизни на Земле. В такой обстановке необходима корректировка Устава ООН, закрепление в нем международного правового императива баланса интересов в отношениях между народами, цивилизациями и государствами, на основе их партнерства и сотрудничества, взаимопонимания и взаимодействия. Разумеется, что никто не должен при этом жертвовать своими национальными интересами, но и давать им приоритетное значение также нельзя. Придание приоритета собственным национальным и государственным интересам – это путь к недопониманию и конфронтации в отношениях между

народами и государствами. Баланс интересов в межгосударственных отношениях единственно может связывать контрагентов, любую третью сторону и все мировое сообщество, в его глобальном значении.

Выводы

Координация, взаимопонимание и взаимодействие были естественным эволюционным направлением развития живой природы и на генетическом уровне переняты человеком разумным. Человек издревле на уровне подсознания следовал стадному, коллективному образу жизни, сотрудничеству с соплеменниками. Соответственно, это формировало у него понимание единства и неразрывной связи личных и общественных интересов. Эволюционный процесс становления человека разумного и развития его сообществ демонстрирует, что сотрудничество, взаимопонимание и взаимодействие, коллективизм и духовное единство народа являются врожденными социально-правовыми и социально-психологическими свойствами человека и народа.

С началом широкого развития товарного производства и обмена, основанных на индивидуальных способностях к предпринимательской и иной деятельности людей, глубоком разделении труда, стал проявлять себя индивидуализм и эгоизм личности, повлекший межличностные (не классовые) противоречия, распад общины и появление государственных образований. Поскольку товарный обмен мог осуществляться на основании договора как юридической формы общественных отношений и самоорганизации хозяйственных и бытовых отношений, то данный правовой институт, имеющий в качестве ключевого признака соглашение, требовал взаимопонимания и сотрудничества между контрагентами меркантильных имущественных, экономических, иных общественных отношений и правоотношений.

Меркантильные имущественные, личные неимущественные и иные интересы у каждой личности обособлены, но могут быть реализованы только в рамках общества. Соответственно, договоры формируют духовное единство народа. Совместное партнерское ведение хозяйства, общее жизненное пространство (большая и малая родина), единые семейные традиции, почитание лидера, забота друг о друге, единые мистические, религиозные, иные духовные и естественно-правовые ценности формируют духовное единство человека и народа. Естественное

право человека и народа включает в себя не только личные неимущественные права, но неразрывно связанные имущественные, личные неимущественные, иные права и интересы. Духовное единство народа и индивидуализм меркантильных интересов личности нельзя смешивать, как и разрывать, поскольку они – неотъемлемые составляющие общежития и национальных интересов человека и народа. Конкуренция и партнерство – это неразрывно связанные бинарные оппозиции в обществе.

Идея классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, богатыми и бедными – это всего лишь политический лозунг, поскольку у таких групп народа нет ни абсолютно общих внутригрупповых интересов, ни сугубо антагонистических межгрупповых интересов. Так, никогда не было, и сегодня нет социально-экономических, политических, юридических и иных научных оснований для утверждений о наличии одинаковых социально-правовых интересов у множества прослоек предпринимателей, родовых кланов, иных титулованных лиц, примыкающей к ним интеллигенции, включая деятелей культуры, науки, мещан и других граждан, конъюнктурно причисляемых к буржуазии и богатым. Отсутствуют и одинаковые социально-правовые интересы рабочих, иных слоев нетитулованного населения, различающихся по видам деятельности, уровню профессионализма и иным критериям, конъюнктурно причисляемых к пролетариату и бедным. Между всеми указанными группами и слоями народа всегда существовали и существуют как различие, так и определенная общность национальных интересов и духовных ценностей.

Для сохранения жизни на Земле и предотвращения ядерной катастрофы необходимо включение в Устав ООН императива сбалансированного учета государствами – членами ООН интересов отдельных государств, народов, региональных сообществ, в целом мирового сообщества на основе партнерства и сотрудничества, взаимопонимания и взаимодействия. Только при таком балансе интересов возможен мир на Земле. Императив баланса интересов способен стать основой формирования духовного единства, взаимопонимания и сотрудничества государств и народов в рамках мировой цивилизации.

Странам ЕАЭС необходимо на межгосударственном и национальном уровне принять нормативные правовые акты, которые бы распространили принципы партнерства и

сотрудничества на все общественные отношения и правоотношения; придали договору статус важнейшего механизма формирования духовного единства народа, развития хозяйственных, трудовых, бытовых и иных общественных отношений и правоотношений. Экономика, социальная сфера, культура и иное развитие общества неразрывно связаны, взаимно влияют одно на другое и отдельно одно без другого не существуют.

Распространенные в юриспруденции представления о равных возможностях граждан есть миф, поскольку объективно фактические и юридические возможности у каждого индивидуальны, не равны. В понимании личности целесообразно выделить ряд ее сущностных характеристик: биологический, интеллектуальный и иной социальный индивидуализм; биологический, интеллектуальный и иной социальный универсализм; единство бинарных оппозиций в существе и поведении личности.

Библиографический список

1. Белоусов А., Клепач А. Пределы предпринимательской свободы // Экономика и жизнь. 1990. № 47. Ноябрь.
2. Большая энциклопедия: в 22 т. Т. 10 / под ред. С. Н. Южакова. 4-е изд. СПб.: Просвещение, 1896. 786 с.
3. Большой хлеб – большие проблемы // Известия. 1989. 1 августа.
4. Бунич П. Акции нового типа // Труд. 1989. 28 марта.
5. Витушко В. А. Унификация основных начал и иных общих положений гражданских кодексов Беларуси, России и Казахстана // Теоретические основы моделирования унифицированного гражданского законодательства России, Беларуси и Казахстана в рамках ЕАЭС: монография / под ред. В. П. Павлова. М.: Прометей, 2021. С. 10–60.
6. Витушко В. А. Основы новой теории распада и отставания в развитии государств // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. 2008. № 3 (24). С. 10–17.
7. Вишневский А. Ф. История государства и права Беларуси: учеб. пособие. Мн.: Академия МВД Республики Беларусь, 2003. 319 с.

8. Довнар-Запольский М. В. История Белоруссии. 2-е изд. Мн.: Беларусь, 2005. 680 с.
9. Золотухина М. Н. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М.: Юрид. лит, 1985. 200 с.
10. Кавелин К. Д. Избранные произведения по гражданскому праву. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. 722 с.
11. Комаровских С. Свой интерес // Труд. 1989. 11 октября.
12. Костогрызов П. И. Общинное правосудие в странах Латинской Америки: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 248 с.
13. Лосев А. Ф. История античной эстетики: поздний эллинизм. М.: Искусство, 1980. 766 с.
14. Модельные правила европейского частного права / пер. с англ.; науч. ред. Н. Ю. Рассказова. М.: Статут, 2013. 989 с.
15. Новицкий И. Б. Солидарность интересов в советском гражданском праве. Отношения товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи. М.: Госюриздат, 1951. 120 с.
16. Павлова Л. В., Пашкевич А. Е. Юнеско и права человека / под ред. Л. В. Павловой. Мн.: Тесей, 2002. 232 с.
17. Петражицкий Л. И. Теория государства и права в связи с теорией нравственности // История русской правовой мысли. М.: Остожье, 1998. С. 224–315.
18. Полная экономическая свобода // Известия. 1990. 1 февраля.
19. Радциг С. И. История древнегреческой литературы. М.: Высшая школа, 1969. 528 с.

Раздел

**Трибуна
молодого ученого**

А. В. Беличенко

аспирант кафедры «Гражданское право и процесс»
Юридического института
Севастопольского государственного университета
7097772@gmail.com

**НОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА
В НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТАХ ИНОЙ
ОТРАСЛЕВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ**

**THE NORMS OF CIVIL LAW
IN NORMATIVE LEGAL ACTS
OF OTHER SECTORAL AFFILIATION**

В п. 2 ст. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) выделены федеральные законы, составляющие понятие гражданского законодательства (абз. 1), и иные федеральные законы, не составляющие понятие гражданского законодательства, однако содержащие нормы гражданского права (абз. 2). С учетом этого автор настоящей статьи исходит из того, что существуют не только федеральные законы, относящиеся к гражданскому законодательству, но и федеральные законы иной отраслевой принадлежности, которые тем не менее содержат нормы гражданского права. В частности, утверждается, что множество норм гражданского права представлено в Уголовном кодексе (УК) РФ, Уголовно-процессуальном кодексе (УПК) РФ, Гражданском процессуальном кодексе (ГПК) РФ, Кодексе РФ об административных правонарушениях, Налоговом кодексе (НК) РФ, Бюджетном кодексе (БК) РФ, в нормативных актах, устанавливающих преимущественно нормы административного права.

Ключевые слова: гражданское право, нормы гражданского права, акты гражданского законодательства, положения гражданского законодательства, текстуально закрепленные нормы, логически закрепленные нормы, семейное законодательство, жилищное законодательство, земельное законодательство, коллизия, отрасль права, анализ.

Clause 2 of Article 3 of the Civil Code of the Russian Federation (CC RF) identifies federal laws that constitute the concept of civil legislation (paragraph 1) and other federal laws that do not constitute the concept of civil legislation but contain norms of civil law (paragraph 2). With this in mind, the author of this article assumes that there are not only federal laws relating to civil legislation, but also federal laws of other sectoral affiliation, which nevertheless contain norms of civil law. In particular, it is argued that

many norms of civil law are represented in the Criminal Code (CC) of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code (CPC) of the Russian Federation, the Code of Civil Procedure (CPC) of the Russian Federation, the Code of the Russian Federation on Administrative Offences, the Tax Code (TC) of the Russian Federation, the Budget Code (BC) of the Russian Federation, in normative acts establishing mainly norms of administrative law.

Keywords: civil law, norms of civil law, acts of civil legislation, provisions of civil legislation, textually fixed norms, logically fixed norms, family legislation, housing legislation, land legislation, conflict, branch of law, analysis.

Из положения абз. 1 п. 2 ст. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) следует, что законодатель узко понимает термин «гражданское законодательство», но вместе с тем допускает, что нормы гражданского права могут быть установлены в «других законах» (не охваченных термином «гражданское законодательство»), правовых актах (п. 6 ст. 3 ГК РФ), актах министерств и федеральных органов исполнительной власти (п. 7 ст. 3 ГК РФ). В таких условиях возникает потребность в специальном исследовании норм гражданского права, содержащихся в актах, не охваченных понятием гражданского законодательства. Такие нормы могут быть закреплены как текстуально, так и логически. Но логически закрепленные нормы гражданского права не выделяют, а порой и не признают в современной науке. Указанное дает основание для вывода о необходимости исследования проблемы, результаты которого (исследования) нами изложены в статье.

Теоретическую и методологическую основу исследования, результаты которого приведены в настоящей работе, составили научные труды Н. Г. Александрова¹, Е. В. Васьковского², Р. ф. Иеринга³, А. Ф. Черданцева⁴, О. Э. Лейста⁵, М. Ю. Чельшева¹ и

¹ Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955.

² Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении юридических законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002.

³ Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006.

⁴ Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М.: Юридическая литература, 1979.

⁵ Лейст О. Э. Сущность права. Проблема теории и философии права: учеб. пособие. М.: Зерцало-М, 2011.

других ученых. Цель настоящей статьи – определение круга нормативных правовых актов иной (не гражданской) принадлежности, в которых не могут содержаться нормы гражданского права, и круга нормативных правовых актов, в которых закреплены (текстуально и логически) нормы гражданского права.

Постановка вопроса о нормах гражданского права в нормативных правовых актах иной отраслевой принадлежности осложнена прежде всего проблемой отграничения гражданского законодательства от других отраслей законодательства, актов гражданского законодательства от актов других отраслей законодательства. До принятия действующего ГК РФ в науке и практике правоприменения существовало основанное на ГК РСФСР 1964 г. понимание термина «гражданское законодательство», которое затем воспринято учебной литературой. Это обеспечивало возможность единообразного толкования соответствующих законодательных положений и упрощало коммуникацию в профессиональной среде.

ГК РФ, часть первая которого принята Государственной Думой 21 октября 1994 г., дает несколько вариантов толкования термина «гражданское законодательство». Самое узкое содержание этому термину придает п. 2 ст. 3 ГК РФ: «Гражданское законодательство состоит из настоящего Кодекса и принятых в соответствии с ним федеральных законов ... регулирующих отношения, указанные в пунктах 1 и 2 статьи 2 настоящего Кодекса». Приведенное законодательное положение относит к гражданскому законодательству, помимо ГК РФ, и федеральные законы, регулирующие указанные отношения (абз. 1 п. 2 ст. 3 ГК РФ). Но уже «другие законы», которые содержат нормы гражданского права и которые также должны соответствовать ГК РФ, согласно положению абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ, понятием гражданского законодательства не охвачены. Таким образом, существуют «иные», кроме ГК РФ, федеральные законы, которые регулируют отношения, указанные в п. 1 и 2 ст. 2 ГК РФ. Эти законы не охвачены понятием гражданского законодательства (абз. 1 п. 2 ст. 3 ГК РФ). «Другие законы» (абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ) выходят за пределы понятия гражданского

¹ Чельшев М. Ю. О межотраслевых связях уголовно-процессуального, гражданского и гражданского процессуального права // Российский следователь. 2005. № 10. С. 13.

законодательства. Как провести границу между «иными федеральными законами» (абз. 1 п. 2 ст. 3 ГК РФ) и «другими законами» (абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ)? Сложно ответить. Но, во-первых, это и не настолько существенный вопрос, поскольку и в первом, и во втором случаях речь идет о федеральных законах, которые должны соответствовать ГК РФ. Во-вторых, указанную границу с точностью, соответствующей необходимости понимания разницы между этими двумя видами законов, все-таки провести можно. «Федеральные законы... регулирующие отношения, указанные в пунктах 1 и 2 статьи 2 Гражданского кодекса РФ» – это федеральные законы, которые в основном регулируют указанные отношения. Поэтому они и отнесены к «гражданскому законодательству». Но существуют и «другие законы» (без сомнения, федеральные), которые устанавливают, очевидно, лишь отдельные нормы гражданского права, а значит, и не могут быть названы актами гражданского законодательства. Например, нормы гражданского права предусмотрены и УПК РФ, и УК РФ. Однако по этой причине указанные кодексы никто и никогда не называл актами гражданского законодательства, не утверждал, что указанные кодексы составляют понятие гражданского законодательства. В других случаях неуместность отнесения федеральных законов, содержащих отдельные нормы гражданского права, к гражданскому законодательству менее заметна. Но существование двух таких видов федеральных законов не может оспариваться, чем и оправдано наличие в п. 2 ст. 3 ГК РФ двух абзацев, в которых речь идет о рассматриваемых двух разных видах федеральных законов.

Итак, следует признать, что в положении абз. 1 п. 2 ст. 3 ГК РФ речь идет о законах, относящихся к гражданскому законодательству, а в положении абз. 2 этого же пункта – о законах (актах) иной отраслевой принадлежности, в которых содержатся нормы гражданского права. Законы, о которых речь идет в абз. 2 п. 2 ст. 3 ГК РФ, понятием гражданского законодательства, как законы, указанные в абз. 1 этого же пункта, не охвачены.

Указы Президента РФ и постановления Правительства РФ, устанавливающие нормы гражданского права, отнесены к разряду иных правовых актов. Действие и применение норм гражданского права, которые закреплены в указах и постановлениях, определены правилами главы первой ГК РФ (п. 6 ст. 3 ГК РФ), то есть они основаны на началах гражданского

законодательства (ст. 1 ГК РФ), регулируют отношения, являющиеся предметом гражданского законодательства (ст. 2 ГК РФ), действуют во времени в соответствии со ст. 4 ГК РФ. На них распространяются правила ст. 6 и 7 ГК РФ. Возможно, указы и постановления, как и законы, можно было бы разделить на такие, которые регулируют отношения, указанные в ст. 2 ГК РФ, то есть преимущественно устанавливающие нормы гражданского права, и на указы и постановления иной (отраслевой) принадлежности. Удобнее всего было бы разделить указы и постановления на относящиеся к актам гражданского законодательства и к актам иной отраслевой принадлежности. Но этому препятствует узкое определение понятия гражданского законодательства в положении абз. 1 п. 2 ст. 3 ГК РФ. Максимум, на что могут претендовать указы и постановления, – это роль актов как бы гражданского законодательства (с учетом п. 6 ст. 3 ГК РФ). Вместе с тем слова «как бы», «квази» упоминаются лишь в учебниках по римскому гражданскому праву.

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что глава первая ГК РФ имеет название «гражданское законодательство». Это может быть основанием для утверждения о том, что все акты, упоминающиеся в данной главе, являются актами гражданского законодательства. Но в научной литературе утверждается, что заголовок статьи (это, очевидно, относится к заголовкам любых структурных частей нормативного правового акта), «как известно, не имеет никакого правового значения»¹. Это мнение не без оснований может быть подвергнуто критике. Тем не менее все-таки содержание статьи, параграфа, главы или иного подразделения нормативно-правового акта должно иметь преимущество при правотолковании перед заглавием соответствующего подразделения. Включение положения об актах министерств, иных федеральных органов исполнительной власти, содержащих нормы гражданского права (п. 7 ст. 3 ГК РФ), в главу первую ГК РФ, имеющую название «гражданское законодательство», дает некоторые основания для широкого толкования термина «гражданское законодательство» и отнесения актов министерств, иных федеральных органов исполнительной власти, содержащих нормы гражданского права, к гражданскому

¹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 1997. С. 479.

законодательству. Главное, что дает для этого основание, – контекст главы первой ГК РФ.

Действительно, положение абз. 1 п. 2 ст. 3 ГК РФ дает предельно узкое определение понятия «гражданское законодательство». Но трудно согласиться с тем, что законодатель, формулируя статьи 1, 2, 4, 6 ГК РФ, не предполагал возможности распространения этих законодательных положений на акты министерств и иных федеральных органов исполнительной власти, содержащих нормы гражданского права. Особенно это относится к ст. 6 ГК РФ: толкование термина «законодательство» (в дательном падеже), употребляемого в этой статье, как не включающего в себя акты министерств и иных центральных органов исполнительной власти, исключает применение этих актов, поскольку они в соответствии с этой статьей не являются препятствием для применения аналогии закона. Во всяком случае, как бы мы ни толковали термин «гражданское законодательство», нет достаточных оснований для отрицания значения п. 7 ст. 3 ГК РФ как регулятора отношений, указанных в ст. 2 ГК РФ. Следовательно, эти акты можно разделять на такие, которые в основном своем содержании устанавливают нормы гражданского права, и на такие, которые должны быть отнесены к актам иной отраслевой принадлежности.

Гражданское законодательство (в узком и широком его понимании) и гражданское право наиболее тесно связаны с семейным законодательством и семейным правом. Тем не менее искать нормы гражданского права в Семейном кодексе (СК) РФ было бы напрасным занятием. Предмет регулирования семейного законодательства сформирован в значительной части за счет предмета регулирования гражданского законодательства, а именно имущественных и личных неимущественных отношений. При этом из предмета регулирования гражданского законодательства в соответствии со ст. 2 СК РФ изъяты и отнесены к предмету регулирования семейного законодательства имущественные и личные неимущественные отношения между членами семьи: супругами и детьми (усыновителями и усыновленными), а в случаях и пределах, предусмотренных семейным законодательством, между другими родственниками и иными лицами. Мы не останавливаемся на проблеме использования в ст. 2 СК РФ термина «неимущественные отношения», а в п. 1 ст. 2 ГК РФ – термина «личные

неимущественные отношения». Следовательно, и правовые нормы, которые по критериям предмета и метода регулирования изначально должны были быть признаны нормами гражданского права, ввиду указания их в ст. 2 СК РФ должны быть признаны исключительно нормами семейного права. Норм гражданского права, которые были бы установлены СК РФ, не стало. Экспансия норм гражданского права в сферу предмета семейного законодательства признана законодателем в виде субсидиарного применения к семейным отношениям гражданского законодательства (ст. 4 СК РФ) и в виде применения норм гражданского права в порядке аналогии закона, а также применения «принципов... гражданского права» (ст. 5 СК РФ). Экспансия семейного права в сферу предмета регулирования гражданского законодательства стала невозможной, поскольку семейное законодательство изначально «отобрало» у гражданского законодательства сферу, в которую оно могло бы осуществлять свою экспансию.

Поиски норм гражданского права в Жилищном кодексе (ЖК) РФ оказываются настолько же безуспешными, как и в СК РФ. Жилищные отношения изъяты из предмета регулирования ГК РФ. Это изъятие производилось по признаку объекта регулируемых отношений. Предметом регулирования жилищного законодательства признаны жилищные отношения, широко определенные в ст. 4 ЖК РФ. Законодатель использует термины «жилищное законодательство» (ст. 1, 4, 5, 6 ЖК РФ и др.), «нормы жилищного законодательства» (п. 8 ст. 5 ЖК РФ), а чаще – понятие «нормы, регулирующие жилищные отношения» (п. 4, 5, 6, 7 ст. 5 ЖК РФ). Следует обратить внимание на разное значение приведенных двух терминов (второй – значительно шире). Но для нас значим тот факт, что законодатель не использует термины «жилищное право», «нормы жилищного права». Это, действительно, не имеет существенного значения, поскольку не создает препятствий или ограничений для применения актов жилищного законодательства. Не создает это предпосылок и для распределения правовых норм, которые установлены актами жилищного законодательства, по базовым отраслям права (гражданскому, административному и др.). Важнее другое: ЖК РФ, в отличие от СК РФ, не предусматривает преимущественного применения к жилищным отношениям положений жилищного законодательства перед гражданским и иным законодательством. Вместе с тем ЖК РФ прямо признает возможность применения

гражданского законодательства только к некоторым видам жилищных отношений (ст. 8 ГК РФ). Общее правило относительно этого тоже существует, но законодатель настолько «надежно спрятал» его в лабиринтах формулировки п. 1 ст. 7 ЖК РФ, что задача его обнаружения могла бы стать тестом на одаренность. Во всяком случае, не должно возникать сомнений относительно того, что гражданское законодательство к жилищным отношениям применяться может, как и законодательство жилищное. Ни одна из этих отраслей законодательства не имеет преимущества при правоприменении перед другой. Коллизии между положениями актов этих двух отраслей законодательства и соответствующими правовыми нормами разрешают по общим правилам разрешения: “*lex superior derogat inferiori*”, “*lex specialis derogat generali*”, “*lex posterior derogat priori*”. При таких условиях квалификация правовых норм, которые установлены жилищным законодательством, регулируют жилищные отношения и имеют признаки равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности (п. 1 ст. 2 ГК РФ), как норм гражданского права утрачивает смысл. Следовательно, это – нормы жилищного права. А нормы гражданского права жилищным законодательством не устанавливаются.

Земельный кодекс (ЗК) РФ использует термин «нормы земельного права» (п. 1, 3, 4 ст. 2 ЗК РФ), что служит основанием для вывода о том, что законодатель признает такую отрасль права в качестве земельного права. Предметом земельного законодательства и земельного права являются, в частности, имущественные отношения по владению, пользованию и распоряжению земельными участками (ч. 3 ст. 3 ЗК РФ). Следовательно, эти отношения, хотя и подпадают под определение предмета регулирования гражданского законодательства (п. 1 ст. 2 ГК РФ), изъяты из предмета регулирования гражданского законодательства и регулируются положениями земельного законодательства (нормами земельного права). При этом земельное законодательство как регулятор таких отношений подлежит преимущественному применению перед гражданским законодательством (п. 3 ст. 3 ЗК РФ). Нормы, которые изначально могли быть признаны нормами гражданского права, с учетом включения их в ЗК РФ стали нормами земельного права. Устанавливаемые ЗК РФ нормы являются нормами исключительно земельного права. Нормы

гражданского права ЗК РФ и другие акты земельного законодательства не устанавливают.

Лесной кодекс (ЛК) РФ признает существование лесного законодательства (ст. 2). Формально признан тот факт, что имущественные отношения, связанные с оборотом лесных участков, лесных насаждений, древесины и иных лесных ресурсов, регулируются «гражданским законодательством, а также Земельным кодексом Российской Федерации» (п. 3 ст. 3 ЛК РФ). Вместе с тем предусмотрено, что такое регулирование осуществляется только при условии, если иное не установлено ЛК РФ. Таким образом, отношения, имеющие признаки, указанные в п. 1 ст. 2 ГК РФ, если они признаны предметом регулирования лесного законодательства, оказались изъятыми из предмета регулирования гражданского законодательства. Гражданское законодательство может быть применено к указанным отношениям только субсидиарно. Это дает основание для вывода о том, что лесное законодательство и лесное право сформировались как отрасли законодательства и права. Положения лесного законодательства и нормы лесного права при совпадении их предмета регулирования и предмета регулирования гражданского законодательства и гражданского права могут успешно конкурировать, и даже ввиду п. 2 ст. 3 ЛК РФ подлежат преимущественному применению перед положениями гражданского законодательства и нормами гражданского права. При таких условиях следует признать, что ЛК РФ устанавливает исключительно нормы лесного права и не устанавливает норм гражданского права.

Имущественные отношения, связанные с оборотом водных объектов, регулируются Водным кодексом (ВК) РФ, и только в аспекте, не урегулированном этим Кодексом, они могут регулироваться гражданским законодательством (ч. 2 ст. 4 ВК РФ). Это означает, что ВК РФ регулируются отношения, которые изначально по правовой природе выступают предметом гражданского законодательства, но с учетом специального указания закона изъяты из предмета гражданско-правового регулирования. Правовые нормы, которые установлены ВК РФ и регулируют указанные отношения, утратили первоначальную гражданско-правовую природу. Это относится ко всем таким нормам и исключает наличие в ВК РФ норм гражданского права.

Л. И. Тимофеев увидел в данном случае проявление тенденциозности авторских подходов¹. В. И. Данилов-Данильян высказался еще более резко: «Этот вариант Кодекса писали озабоченные проблемой собственности юристы, которые ни в водном законодательстве, ни в гидрологии, ни в охране водных объектов, ни в водопользовании не разбираются»².

Как видим, поиски норм гражданского права в СК РФ, ЖК РФ, ЗК РФ, АК РФ и ВК РФ успехом не увенчались. Попытаемся их выделить в УК РФ. А. П. Сергеев примечание к ст. 201 УК РФ («в статьях настоящей главы и ст. 304 настоящего Кодекса выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации признается лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа либо части совета директоров или иного коллективного исполнительного органа...») назвал ошибочным из-за его несоответствия ряду норм гражданского права³. В настоящей статье не будем рассматривать проблемы указанного несоответствия или ошибочности. Полагаем, что ошибочным было бы квалифицировать приведенное примечание как устанавливающее норму гражданского права. Это примечание уточняет сферу действия ряда правовых норм, устанавливаемых главой 23 УК РФ, определяет круг субъектов преступлений, предусмотренных этой главой, и норму гражданского права не закрепляет. Поэтому оно не может вступить в коллизию с нормами гражданского права.

Но это не означает, что в УК РФ не закреплены нормы гражданского права. Эти нормы УК РФ закрепляет. И таких норм много. Однако они не получили удовлетворительной теоретической квалификации. О. Э. Лейст писал о законодательных нормах, то есть нормах, «определяющих составы правонарушений и санкции за их совершение»⁴. Ученый полагал, что «сам запрет действует вне правоотношений; из него проистекает не обязанность, а «запрещенность»⁵. Представляется,

¹ Тимофеев Л. И. Водный кодекс: год спустя // Экологическое право. 2008. № 1. С. 19.

² Данилов-Данильян В. И. Последняя редакция Водного кодекса не имеет смысла // Мировая энергетика. 2006. № 3. С. 3.

³ Сергеев А. П. Об ошибочном понимании гражданско-правовых норм в уголовном судопроизводстве // Закон. 2020. № 1. С. 142.

⁴ Лейст О. Э. Указ. соч. С. 65.

⁵ Там же.

что такое понимание законодательных норм основано на отказе от использования метода анализа, о плодотворности которого в свое время писал Р. ф. Иеринг¹. Запрет и санкцию одна правовая норма вместить не может. Это – две правовые нормы. Одна из них текстуально закреплена в соответствующих положениях УК РФ. Ее гипотезу составляет формулировка состава преступления, а санкцию – вид и мера наказания за совершение действия или бездействия, подпадающих под формулировку состава преступления. Другая правовая норма, которая закреплена в таком виде положений УК РФ, – норма регулятивная. Запрет – это норма гражданско-правовая. Казалось бы, такие правовые нормы успешно исследованы учеными Е. В. Васьковским², А. Ф. Черданцевым³, а особенно подробно – группой крымских ученых⁴. Любое положение законодательства, текстуально закрепляющее охранительную правовую норму (устанавливающее ответственность, санкцию за правонарушение), логически закрепляет регулятивную правовую норму, которую можно обнаружить в процессе толкования при помощи вывода от следствия (ответственности) к причине (предписанию к положительному действию или воздержанию от действия), согласно терминологии Е. В. Васьковского⁵, или вывода от последующего правового явления к предыдущему, по терминологии крымских авторов⁶. Это ощущается уже интуитивно. Неслучайно Н. Г. Александров писал о правоотношениях, возникающих в ситуациях, если может быть нарушен правовой запрет⁷, а С. Ф. Кечекьян полагал, что запреты возлагают на субъектов соответствующие обязанности⁸. П. Е. Недбайло также считал, что «правовые запреты непосредственно возлагают на участников общественной жизни определенные

¹ Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 350–351.

² Васьковский Е. В. Указ. соч. С. 302–305.

³ Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 48–50.

⁴ Новейшее учение о толковании права / под ред. В. Г. Ротаня. Симферополь, 2019. С. 228–286.

⁵ Васьковский Е. В. Указ. соч. С. 302.

⁶ Новейшее учение о толковании права. Указ. соч. С. 228.

⁷ Александров Н. Г. Указ. соч. С. 89.

⁸ Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Наука, 1958. С. 62.

обязанности»¹. Следует учитывать и замечания Р. ф. Иеринга относительно того, что «поведение, заключающееся в том, что судья определяет убийце смертную казнь, содержит в себе другой императив: воздерживаться от убийства, не совершать его»². В новейшее время идею регулятивного значения положений УК РФ обосновывает А. И. Бойцов³. Но была и остается критика в адрес признания регулятивного значения положений УК РФ, а более широко – положений, текстуально закрепляющих охранительные нормы. В прежнее время это был М. С. Строгович⁴, а в новейшее время – Ю. И. Гревцов и Е. Б. Хохлов⁵.

Проблемы логического закрепления регулятивных норм, в частности норм гражданского права, в положениях УК РФ имеют в основном теоретическое значение. Но вполне реальным может быть возникновение коллизий между такими нормами и другими нормами гражданского права. Эти коллизии невозможно разрешать без понимания сущности этих правовых норм. В научной литературе описан интересный случай. В частности, в Гражданском кодексе Украины при соответствующих условиях разрешено присваивать найденный клад, но после установления такого разрешения в течение более четырех лет в Уголовном кодексе сохранялось положение об уголовной ответственности за присвоение клада, распространяющееся и на такое присвоение, которое Гражданским кодексом Украины разрешено⁶. В науке в этой связи предложен вариант разрешения такого рода коллизий, который не учитывал то обстоятельство, что в соответствующем положении УК РФ логически закреплена норма гражданского права. Разрешать нужно было коллизию не между нормой гражданского права и нормой уголовного права, а между двумя нормами гражданского права.

Проблемным считается признание норм гражданского права, логически закрепленных в положениях ГК РФ.

¹ Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 104.

² Там же. С. 302.

³ Уголовное право России: общая часть: учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб.: ИД Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. С. 70–77.

⁴ Строгович М. С. Вопросы теории правоотношения // Советское государство и право. 1964. № 6. С. 56.

⁵ Гревцов Ю. И., Хохлов Е. Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении // Правоведение. 2006. № 5. С. 8–9.

⁶ Новейшее учение о толковании права. Указ. соч. С. 285–286.

Указанную проблему не замечают, а такие нормы игнорируют. Это отражается не только на науке гражданского права, но и на законодательных положениях. Так, ст. 5 СК РФ предусматривает возможность применения по аналогии норм семейного и гражданского права. Однако ч. 3 ст. 11 ГПК РФ не устанавливает отраслевых ограничений для актов, которые могут быть применены по аналогии закона. В этом законодательном положении, безусловно, текстуально закреплена норма гражданского права. Но в нем закреплены и нормы гражданского, семейного, других отраслей материального права, регулирующих отношения между истцом и ответчиком. Эти нормы можно обнаружить при помощи вывода от причины к следствию (от последующего правового явления к предыдущему). И они не предусматривают отраслевых ограничений в отношении актов, которые могут в порядке аналогии закона регулировать соответствующие материальные отношения, в том числе и являющиеся предметом гражданско-правового регулирования.

Особенно остра проблема интерпретации положений абз. 3 ч. 4 ст. 198 ГПК РФ, определяющего круг судебных актов, на которые могут содержаться ссылки в мотивировочной части судебного решения; п. 4 ч. 1 ст. 330 ГПК РФ, признающего нарушение или неправильное применение норм материального права основанием для отмены или изменения решения суда в апелляционном порядке; ч. 1 ст. 397.7 ГПК РФ, признающей такое же основание отмены или изменения судебных постановлений кассационным судом; п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ, признающего основанием для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора нарушения единообразия в толковании и применении судами норм права; абз. 5 п. 3 ч. 4 ст. 170 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ, определяющего круг судебных актов, на которые могут содержаться ссылки в решении арбитражного суда; п. 4 ч. 1 ст. 270 АПК РФ, признающего нарушение или неправильное применение норм материального права основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции; ч. 1 ст. 288 АПК РФ, признающей такое же основание для отмены или изменения судебных актов кассационным судом; п. 3 ст. 308.8 АПК РФ, признающего основанием для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора нарушение единообразия в толковании и применении судами норм права.

Существует два вопроса, требующие четко сформулированных вопросов и ответов: 1. Имеют ли гражданско-правовое содержание все перечисленные выше положения ГПК РФ и АПК РФ? 2. Если в них такое содержание присутствует, то в чем оно заключается? Гражданско-правовое содержание в приведенных положениях, действительно, существует. Если суду предоставлено право ссылаться в обоснованиях судебного решения на постановления Пленума Верховного Суда РФ, обзоры судебной практики Верховного Суда РФ, утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ, в том числе и по вопросам применения материального гражданского права, то все указанные документы должны быть признаны источниками гражданского права. Перечисленные выше положения ГПК РФ и АПК РФ признают правотворческие полномочия Пленума Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда РФ, закрепленные в перечисленных законодательных положениях логически, а обнаружить их можно при помощи вывода последующего правового явления (права суда ссылаться на акты Пленума Верховного Суда РФ и Президиума Верховного Суда РФ; права судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций отменить или изменить судебный акт, принятый без учета правовой позиции, содержащейся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, Президиума Верховного Суда РФ и обзорах практики Верховного Суда РФ, утвержденных Президиумом Верховного Суда РФ) к предыдущему (значению указанных правовых позиций как устанавливающих нормы гражданского права).

Признание того обстоятельства, что в приведенных выше положениях процессуальных кодексов логически закреплены правовые нормы, предоставляющие правотворческие полномочия Пленуму Верховного Суда РФ и Президиуму Верховного Суда РФ, позволяет правильно оценить значение правовых норм, установленных п. 3 ст. 391.9 ГПК РФ, п. 3 ст. 308.8 АПК РФ, признающих основанием для отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора нарушение единообразия в толковании и применении судами норм права. Сами по себе эти правовые нормы с точки зрения догматики права замечаний не вызывают, а проблемы политики права выходят за пределы целей настоящей статьи. Но нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что, наряду с указанным основанием отмены или изменения судебных постановлений в порядке надзора, не

упоминается неправильное истолкование и применение законов и подзаконных актов. Тем самым единообразная судебная практика, которая сложилась, выходит из подчинения закону. И нет возможности в процессе судопроизводства в надзорной инстанции подчинить или хотя бы приблизить эту практику к закону. Возможно, законодатель установил это вполне осмысленно и сознательно. В таком случае возникает вопрос о том, почему законодатель не захотел закрепить эти нормы текстуально и прямо, в частности в ГК РФ. Ответ очевиден: потому что это противоречит ст. 120 Конституции РФ, которая предусматривает, что судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону. Законодатель (или разработчики соответствующих законопроектов) в данных условиях решил соответствующие материально-правовые нормы, которые ставят единообразную судебную практику выше закона: закрепить только логически и только в процессуальных кодексах. И это с учетом следующих обстоятельств: если в науке, да и в профессиональной среде в целом, логически закрепленные правовые нормы, которые обнаружены при толковании при помощи выводов от последующего правового явления к предыдущему и наоборот, рационально не воспринимаются, а в лучшем случае ощущаются интуитивно, что находит отражение в решениях, определениях и постановлениях судов в виде ссылки на «смысл» законодательных положений.

Большая группа норм гражданского права установлена УПК РФ. Они предусматривают прежде всего возмещение имущественного вреда и компенсации за моральный вред, причиненный в связи с незаконным преследованием, а также в связи с незаконным применением иных мер процессуального принуждения или иных принудительных мер. В науке по-разному квалифицируют правоотношения, в форме которых производятся указанные возмещения и компенсации. Четко выражено в науке признание публично-правового характера этих правоотношений¹. Так М. Ю. Чельшев писал о ряде «уголовно-процессуальных норм о возмещении вреда», внутренне связанных «с положениями

¹ См.: Калинина И. Ответственность государства за причиненный вред // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4. С. 162; Бойцова В. В., Бойцова Л. В. Ответственность государства за действия должностных лиц: публично-правовая или частноправовая? // Правосудие. 1993. № 1. С. 72.

гражданского права»¹. То, что нормы уголовно-процессуального права регулируют процессуальные отношения, в том числе относительно возмещения вреда и компенсации за моральный вред, является неоспоримым фактом. Но употребление термина «уголовно-процессуальные нормы о возмещении вреда» ведет к разрушению границы между нормами гражданского и уголовно-процессуального права, между гражданскими и уголовно-процессуальными правоотношениями. Поэтому более приемлема позиция ученых, которые квалифицируют рассматриваемые правовые нормы и правоотношения как гражданские².

Можно обнаружить существенные различия в содержании гражданско-правовых норм о возмещении имущественного вреда и компенсации за причиненный моральный вред, установленных ГК РФ с одной стороны и УПК РФ – с другой. Речь идет и об основаниях возникновения правоотношений (обязательств) по возмещению имущественного вреда и компенсации за причиненный моральный вред, содержания этих правоотношений. Все указанные различия подлежат устранению путем внесения изменений и дополнений в главу 18 УПК РФ и главу 59 ГК РФ.

Но наибольшее количество норм гражданского права содержится в актах, которые устанавливают преимущественно нормы административного права и отпочковавшегося от него финансового права. В рамках статьи мы можем только перечислить некоторые виды таких правовых норм: 1) нормы гражданского права, текстуально закрепленные в БК РФ (например, ст. 93.2, 93.4); 2) нормы гражданского права, текстуально закрепленные в НК РФ (например, ст. 73, 74, 74.1); 3) нормы гражданского права, которые логически закреплены в Кодексе РФ об административных правонарушениях и обнаружены при помощи вывода от последующего правового явления (административного взыскания за совершение определенных действий или бездействия) к предыдущему (запрет на совершение определенных действий или бездействия); 4)

¹ Чельшев М. Ю. Указ. соч.

² См.: Маковский А. Л. Гражданская ответственность государства за акты власти // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. М.: Изд-во Международного центра финансово-экономического развития, 1998. С. 67; Михайленко О. В. О юридической природе отношений по возмещению вреда реабилитированному // Юрист. 2006. № 11. С. 4; Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 36–38.

нормы гражданского права, которые закреплены в актах административного законодательства (например, ст. 10 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» перечисляет действия, совершение которых запрещено хозяйствующими субъектами, занимающими доминирующее положение на рынке). Речь идет о норме административного права. Одновременно в этих же законодательных положениях текстуально или логически закреплены нормы гражданского права.

Изложенное дает основания утверждать, что правовые нормы, текстуально или логически закрепленные в актах иной отраслевой принадлежности, нуждаются в дальнейшем исследовании. Особенно это относится к нормам гражданского права, которые перечислены в актах иной отраслевой принадлежности логически и которые можно обнаружить с помощью соответствующих логических средств.

Библиографический список

1. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М.: Госюриздат, 1955. 176 с.
2. Бойцова В. В., Бойцова А. В. Ответственность государства за действия должностных лиц: публично-правовая или частноправовая? // Правосудие. 1993. № 1. С. 70–77.
3. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. М.: Статут, 1997. 692 с.
4. Васьковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении юридических законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 508 с.
5. Гревцов Ю. И., Хохлов Е. Б. О юридико-догматических химерах в современном российском правоведении // Правоведение. 2006. № 5. С. 4–22.
6. Данилов-Данильян В. И. Последняя редакция Водного кодекса не имеет смысла // Мировая энергетика. 2006. № 3. С. 3–5.
7. Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 618 с.
8. Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 547 с.
9. Калинина И. Ответственность государства за причиненный вред // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4. С. 162–170.

10. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Наука, 1958. 187 с.

11. Лейст О. Э. Сущность права. Проблема теории и философии права: учеб пособие. М.: Зерцало-М, 2011. 352 с.

12. Маковский А. Л. Гражданская ответственность государства за акты власти // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. М.: Изд-во Международного центра финансово-экономического развития, 1998. С. 67–112.

13. Михайленко О. В. О юридической природе отношений по возмещению вреда реабилитированному // Юрист. 2006. № 11. С. 4–9.

14. Новейшее учение о толковании права / под ред. В. Г. Ротаня. Симферополь, 2019. 792 с.

15. Сергеев А. П. Об ошибочном понимании гражданско-правовых норм в уголовном судопроизводстве // Закон. 2020. № 1. С. 139–148.

16. Строгович М. С. Вопросы теории правоотношения // Советское государство и право. 1964. № 6. С. 54–72.

17. Тимофеев Л. И. Водный кодекс: год спустя // Экологическое право. 2008. № 1. С. 19–22.

18. Уголовное право России: общая часть: учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб.: ИД Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. 1061 с.

19. Чельшев М. Ю. О межотраслевых связях уголовно-процессуального, гражданского и гражданского процессуального права // Российский следователь. 2005. № 10. С. 13–16.

20. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. М.: Юридическая литература, 1979. 168 с.

А. Р. Гетажеева

аспирант Таганрогского института
управления и экономики
Россия, г. Таганрог
dasha_sam94@mail.ru

**КОНЦЕПЦИЯ ФИЛОСОФИИ ПРАВА Г. Ф.
ШЕРШЕНЕВИЧА: ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ
ПРАВОВОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

**G. F. SHERSHENEVICH'S CONCEPT OF PHILOSOPHY OF
LAW: SUBJECT, TASKS AND METHODS
OF STUDYING LEGAL REALITY**

В статье рассмотрена проблема обоснования Г. Ф. Шершеневичем концепции философии права в качестве сферы знания, интегрирующего общую теорию права, историю философии права и политику права. Автор обращается к методологическим основаниям концепции Г. Ф. Шершеневича, полагая, что к ним отнесены методологические установки правоведа на формально-догматическую методологию. По мнению автора, интерпретация концепции философии права Г. Ф. Шершеневича позволяет глубже раскрыть особенности его правопонимания, как и теоретико-методологические источники учения об общей теории права. В статье утверждается, что концепция философии права теоретика мотивирована необходимостью преодоления умозрительности классической философии права посредством придания ее методологии научного характера. Научность философии права показана Г. Ф. Шершеневичем как исключение из ее предмета содержательных компонентов права, ориентация на формально-догматическую методологию. В заключение сделан вывод о противоречивости точки зрения этого теоретика, обусловленной включением в структуру философии права политики права, ориентированной на изучение идеальных факторов правообразования. Вместе с тем идея научной философии права не теряет актуальности в контексте современного российского правоведения и находит отклик среди теоретиков права.

Ключевые слова: общая теория права, философия права, юридический позитивизм, формально-догматическая методология, Г. Ф. Шершеневич, правоведение, юриспруденция, политика права, история философии права, идеал правового порядка.

The article considers the problem of G. F. Shershenevich's justification of the concept of philosophy of law as a sphere of knowledge integrating the general theory of law, history of philosophy of law and politics of law. The

author turns to the methodological foundations of the concept of G. F. Shershenevich. F. Shershenevich, believing that they include methodological attitudes of the jurist to formal-dogmatic methodology. According to the author, the interpretation of the concept of G. F. Shershenevich's philosophy of law allows to reveal more deeply the peculiarities of his understanding of law, as well as the theoretical and methodological sources of the doctrine of the general theory of law. The article argues that the concept of the theorist's philosophy of law is motivated by the need to overcome the speculative nature of the classical philosophy of law by giving its methodology a scientific character. The scientificity of the philosophy of law is shown by G. F. Shershenevich as the exclusion of the substantive components of law from its subject matter, orientation to formal-dogmatic methodology. In conclusion, it is concluded that the point of view of this theorist is contradictory due to the inclusion in the structure of the philosophy of law of the politics of law, oriented to the study of ideal factors of law formation. At the same time, the idea of scientific philosophy of law does not lose its relevance in the context of modern Russian jurisprudence and finds resonance among legal theorists.

Keywords: general theory of law, philosophy of law, legal positivism, formal-dogmatic methodology, G. F. Shershenevich, jurisprudence, jurisprudence, politics of law, history of philosophy of law, ideal of legal order..

Г абриэль Феликсович Шершеневич (1863–1912) прежде всего известен как один из российских цивилистов конца XIX – начала XX в. Его исследования по гражданскому праву внесли значительный вклад в развитие российской правовой науки указанного периода¹. Некоторые его идеи, сформулированные в произведениях, посвященных этой проблематике, не утратили значения и сегодня.

Но было бы ошибкой признать Г. Ф. Шершеневича узким специалистом, посвятившим все свое творчество развитию исключительно этого направления. Значительная часть его научной деятельности связана с общими вопросами права, методологией его изучения, развитием юридического

¹ Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань: тип. Императорского университета, 1891; Шершеневич Г. Ф. Система торговых действий. Критика основных понятий торгового права. Казань: тип. Императорского университета, 1888; Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. М.: Московское научное изд-во, 1919; Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911; Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. Казань: тип. Императорского университета, 1893.

позитивизма, понимаемого как единственно возможного в науке права изучения государственно-правовой действительности. Данные вопросы не были предметом праздного внимания правоведа, они находились на повестке дня науки права в период его деятельности, и от ответа на них в значительной степени зависело состояние других разделов юридического знания, как и юридической практики.

Время конца XIX – начала XX века в российской истории отмечено не только бурными социальными процессами, порой приобретающими форму реакции со стороны консервативно настроенной власти. В этот период происходило и активное развитие науки, в том числе и правоведения, преодолевавшего глубокий методологический кризис, связанный с поиском новых моделей правопонимания, отвечающих требованиям дня. Развивались психологическая теория права А. И. Петражицкого¹ и социологическая теория права, создание которой восходит к творчеству С. А. Муромцева² и Н. М. Коркунова³. Распространение получали теории возрожденного естественного права и другие учения, в которых предлагались новые подходы к интерпретации сущности права, его юридической природы. На этом фоне получали распространение и интегралистские концепции права, представлявшие собой попытку соединения идей разных школ правопонимания в рамках единой теоретико-методологической конструкции (А. С. Яценко⁴, П. А. Сорокин⁵, в дальнейшем Г. Д. Гурвич⁶ и др.).

Но в этом поиске новых методологических оснований правовой науки особое значение имела верность юридическому

¹ Петражицкий А. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. Т. 1. СПб.: Слово, 1907. С. 468–617.

² Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М.: тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1879. С. 147–164.

³ Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Издание Н. К. Мартынова, 1909. С. 30–118.

⁴ Яценко А. С. Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1912. С. 88–184.

⁵ Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2009. С. 22–120.

⁶ Гурвич Г. Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права: избранные сочинения. СПб.: ИД С.-Петербургского университета, Изд-во философского факультета С.-Петербургского университета, 2004. С. 213–270.

позитивизму, поскольку сохранение его познавательных принципов давало надежную опору объективности научных исследований. Это не говорит о верности первым позитивистским теориям, которые, несомненно, пережили свое время, но свидетельствует о желании обновления методологии исследуемого направления, ее обогащения достижениями современного социально-гуманитарного знания. В отличие от многих теоретиков своего времени, Г. Ф. Шершеневич, оставаясь верным позитивизму, не отрицал возможности интеграции в его методологию социологического и философского подходов. Вместе с тем он полагал, что для соответствия задачам познания права они должны претерпеть изменение, адаптируясь к методологии юридических исследований на основе коррекции правопонимания. Изложенное прежде всего относится к философии права. Она должна отказаться от метафизической традиции, опираясь на присущий научному правоведению догматический способ познания права. Такая установка, находящаяся в основе концепции философии права Г. Ф. Шершеневича, может представлять интерес и сегодня в контексте не нашедшего разрешения спора правоведов о предмете философии права и природе этой сферы знания, выразившегося в формировании трех подходов к решению проблемы: философского, юридического и междисциплинарного.

К проблеме определения специфики философско-правового знания, предмета этой дисциплины Г. Ф. Шершеневич обращался неоднократно, в разных произведениях¹, что свидетельствует о значении, которое он придавал решению проблемы. Особенность его подхода к специфике знания исследуемой отрасли правоведения состоит в признании ее частью философии. Вместе с тем теоретик настаивает на том, что философия права (философия) представляет собой один из возможных способов изучения права в единстве с другими применяемыми в правоведении методами. В связи с этим для выяснения содержания данной концепции следует, во-первых, определить способ интерпретации Шершеневичем специфики философского

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М.: тип. Бр. Башмаковых, 1910. С. 1–62; Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве. М.: тип. Сытина, 1911. С. 151–163; Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб.: Труд, 1907. С. 14–36; Шершеневич Г. Ф. Социология. Лекции. М.: тип. Сытина, 1910. С. 124–155; Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб.: Лань, 2001. С. 27.

знания; во-вторых, раскрыть специфику задач философии права, вытекающих из этой интерпретации; в-третьих, охарактеризовать особенности философского подхода к изучению права, его значение для решения познавательных задач, стоящих перед правоведением.

Г. Ф. Шершеневич рассматривает философию как всеобщее знание, построенное на основании обобщения знаний, которые выработаны наукой. По мнению теоретика, такое понимание свойственно именно для современной философии, которая, независимо от времени, не изменила своей главной задаче, состоящей в построении всеобщей картины мира.

Вездесущность философии, присущая ей ранее, когда она охватывала собой в целом область теоретического знания, канула в лету под напором развивающегося научного знания, которое последовательно отнимало у нее области изучаемой ей действительности. Теоретик ставит вопрос о том, изучает ли философия такую же действительность, что и наука. Если она изучает идеальный мир, который только мыслим, но не дан в актах эмпирического познания, то она мало что может дать процессу познания. Такие проблемы, как «конечность или бесконечность мира», «познание Бога», «смысл жизни» и т. п., должны быть предметом веры, а не познания.

В действительности философия изучает такую же реальность, что и науки, но отличается задачами познания. Философия невозможна вне наук, но каково ее положение среди них? Ученый отвечает: «Материал философского исследования тот же эмпирический материал, что и в науках, методы разработки одни и те же, как у философии, так и у наук. Специальная задача философии заключается в объединении тех выводов, которые даются отдельными науками, в видах построения цельного научного мирозерцания... В таком виде философия является венцом и в то же время основой всех наук. Она соединяет все выводы, подносимые ей науками, в одно стройное целое и исследует положения, лежащие в основе всех наук и принимаемые ими поневоле догматически. Если настоящая философия должна основываться на научных данных, и вне их бесплодна, то, с другой стороны, и специальные науки должны считаться с философскими заключениями... Науки

начинают свою работу только на фундаменте, воздвигнутом философией, и только философия подводит здание под крышу»¹.

Такое понимание философии имеет позитивистские корни, а логика постановки проблемы ее предмета очень напоминает логику основателя позитивизма Огюста Конта, но с той лишь разницей, что великий француз исключил полностью мировоззренческую проблематику из философии, оставив в ее компетенции логику и диалектику. Философия, о которой ведет речь Г. Ф. Шершеневич, – научная философия, не в том смысле, что идентична по своим задачам отраслевым наукам, а в том смысле, что данные научных отраслей являются единственным материалом, с которым она имеет дело. Так как, по мнению Г. Ф. Шершеневича, философия права является отраслью философского знания, ей присущи такие же свойства, что и философии. Но сфера ее компетенции ограничена правом и, соответственно, отраслевыми правовыми науками.

Отличительная особенность трактовки Г. Ф. Шершеневичем философии права заключается в предписании ей формально-догматической методологии, которая только и соответствует природе ее знания, но не как отраслевой юридической дисциплине, а как части философского знания. Лишь посредством этого знания, соответствующего, по мнению теоретика, научной юриспруденции, философия права может решать познавательные задачи, реализовать свою функцию в системе правоведения. Речь идет о теоретической задаче философии права, которая состоит в обобщении юридического знания в системе понятий, выражающих позитивное знание о праве, о совокупности понятий, используемых юридическими науками. Он пишет: «Теоретическая задача философии права заключается в критическом исследовании всех тех главных понятий, которые лежат в основе юридических наук и которые принимаются ими большей частью догматически: это понятия о праве, его образовании и формах, о законе и кодификации, о государстве и государственной власти, о юридическом отношении, о договоре, о преступлении и наказании, о применении норм права, о методах научной его разработки и

¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М.: тип. Бр. Башмаковых, 1910. С. 10–11.

некоторые другие. Перерабатываемый философией права материал добывается ею из наук, а не извне»¹.

По мнению Г. Ф. Шершеневича, принципиально важен формальный подход, которым должна руководствоваться философия права. Иными словами, анализ позитивного права должен ограничиваться его формой, игнорируя содержательную сторону. В истории права следует рассматривать понятия, выражающие юридические явления, игнорируя их историческую и социокультурную специфику. Лишь в этом случае философия права будет играть плодотворную роль в отношении к юридическим наукам. Теоретик утверждал: «Без таких формальных понятий, вырабатываемых философией права, догма отдельных юридических наук будет всегда страдать неточностью заключений. Только при помощи формального понятия возможно решать сомнение, составляет ли данный случай юридический вопрос и где юридическая сторона граничит с другими. Только при формальном направлении философии права возможна история права и сравнительное правоведение»².

Такова теоретическая задача философии. Но у нее существует и практическая задача, которая вытекает из специфики философского характера этой дисциплины, то есть говорится о задаче обоснования идеала правового порядка. Если в науке права идет речь о том, что было или есть, как пишет Шершеневич, то почему в ней не могла бы идти речь и о том, что могло бы быть. Такая задача и возможность ее решения средствами философии свидетельствуют о качественной характеристике способа изучения права, который и представляет собой философия права. Философия права должна указывать путь, ведущий к улучшению человеческого общежития, опираясь на разрозненные юридические науки. Но, формулируя цель, философия права подходит к границе своей компетенции, за которой начинается политика. Г. Ф. Шершеневич подводит итог: «Задача философии права двоякая: теоретическая и практическая. Она должна исследовать все те понятия, которые лежат в основании отдельных юридических наук, и выработать при помощи этих понятий и на почве исторического опыта общий идеал правового порядка. Отдельные юридические науки будут пользоваться в догме установленными философией

¹ Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб.: Труд, 1907. С. 27.

² Там же. С. 28.

теоретическими понятиями, а в политике займется вопросом об осуществлении, каждая в своей области, идеала, начертанного философией права. Тогда восстановится общее представление о правовом порядке, как о чем-то цельном, ныне совершенно ускользающее от внимания, вследствие изучения права лишь по частям. Тогда установится правильное соотношение между философией права и отдельными юридическими науками, а в настоящее время между последними нет ни связи, ни единства в постановке задач, в методологии, в принципах»¹.

Политика права вырастает из философии права и представляет собой критический метод, без которого не может обойтись правоведение, решая стоящие перед ним задачи. Право как норма есть не что иное, как продукт человеческой воли, а значит, содержит в себе поставленные человеком цели. Цели имеют своим источником ценности и интересы, из этого следует необходимость оценки нормы права. Такая оценка в разные исторические периоды становится более или менее актуальной, но она необходима всегда. Критический метод в итоге следует рассматривать в качестве фундаментального для познания права. Его структура проста: «1) сознание неудовлетворительности действующего правового порядка, в его целом и в частях; 2) постановка идеала, как цели, в направлении которой должно быть произведено преобразование права; 3) изыскание соответствующих мер для перехода от существующего к желательному»².

Таким образом, концепция философии права представляется оригинальной попыткой позитивизации философского знания, его интеграции в контекст научной юриспруденции в качестве специфического теоретического способа обобщения отраслевых знаний правоведения с целью его интеграции в единое научное пространство изучения права. Эта попытка не является компромиссом с альтернативными формально-догматической методологии способами изучения права. Напротив, она состоит в придании философии права свойств формально-догматической методологии. Принципиальное значение имеет критический метод, предполагающий критический анализ действующего правового порядка на основе

¹ Там же. С. 29.

² Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М.: тип. Бр. Башмаковых, 1910. С. 800.

правового идеала, разрабатываемого философией права. Политика права, в пределах которой реализуется данный метод, становится завершающей частью философии права, реализуя ее практическую задачу.

В заключение дополним, что философия права в концепции Г. Ф. Шершеневича рассмотрена в качестве одного из способов изучения права, включая формально-догматический, исторический и критический методы. Как сложная структура знания, философия права состоит из разделов, имеющих относительную самостоятельность в контексте решения познавательных групп задач, распределяемых теоретическую и практическую области. Так, общая теория права, руководствуясь формально-догматическим методом, решает теоретические задачи правоведения, главная из которых состоит в разработке системы общих юридических понятий (догматика права). История философии права призвана рассмотреть эволюцию философско-правовой мысли с целью выяснения закономерностей изучения правовой действительности. Политика права, руководствуясь критическим методом, решает задачу формулирования идеала правового порядка с целью определения качественного состояния действующего права и направления его реформирования. Квинтэссенция идеи философии права Г. Ф. Шершеневича заключается в необходимости ее разработки как научной дисциплины, ее позитивизации посредством исключения из предмета содержательных компонентов права, сосредоточения внимания на исследовании юридической формы. Несмотря на некоторую противоречивость данной концепции философии права, она сохраняет актуальность в современном правоведении. Приведенную точку зрения на специфику философии права, ее предмет и задачи разделяют и некоторые современные российские правоведы.

Библиографический список

1. Гурвич Г. Д. Юридический опыт и плюралистическая философия права // Гурвич Г. Д. Философия и социология права: избранные сочинения. СПб.: ИД С.-Петербургского университета, Изд-во философского факультета С.-Петербургского университета, 2004. 848 с.
2. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. СПб.: Издание Н. К. Мартынова, 1909. 365 с.

3. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М.: тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1879. 240 с.

4. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. Т. 1. СПб.: Слово, 1907. 308 с.

5. Сорокин П. А. Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2009. 238 с.

6. Шершеневич Г. Ф. Авторское право на литературные произведения. Казань: тип. Императорского университета, 1891. 321 с.

7. Шершеневич Г. Ф. Система торговых действий. Критика основных понятий торгового права. Казань: тип. Императорского университета, 1888. 317 с.

8. Шершеневич Г. Ф. Учебник торгового права. М.: Московское научное изд-во, 1919. 387 с.

9. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911. 858 с.

10. Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. Казань: тип. Императорского университета, 1893. 244 с.

11. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М.: тип. Бр. Башмаковых, 1910. 805 с.

12. Шершеневич Г. Ф. Общее учение о праве и государстве. М.: тип. Сытина, 1911. 163 с.

13. Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб.: Труд, 1907. 588 с.

14. Шершеневич Г. Ф. Социология. Лекции. М.: тип. Сытина, 1910. 200 с.

15. Шершеневич Г. Ф. История философии права. СПб.: Лань, 2001. 528 с.

16. Яценко А. С. Теория федерализма: опыт синтетической теории права и государства. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1912. 841 с.

Д. С. Дулаева
аспирант юридического факультета
Северо-Осетинского государственного университета
имени К. Л. Хетагурова
Россия, г. Владикавказ
dulaeva.zarina@bk.ru

**ВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ (ПОСЕССОРНАЯ) ЗАЩИТА
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

**THE OWNERSHIP (POSSESSORY) DEFENCE
IN RUSSIAN LAW**

В статье рассмотрена владельческая (посессорная) защита в российском законодательстве. Проанализирована проблематика владельческой (посессорной) защиты. Показана ее роль в защите гражданских прав. Автор приходит к выводу о важности закрепления владельческой (посессорной) защиты в Гражданском кодексе Российской Федерации для обеспечения эффективной защиты вещных прав на недвижимость. Речь идет и об отсутствии положений о посессорной защите владения в российском гражданском законодательстве. Вместо этого находят отражение механизмы защиты фактических владельцев через нормы о защите вещных и обязательственных прав. Упоминается титульное владение, то есть особый вид владения для лиц, не являющихся собственниками, и говорится о необходимости дальнейших исследований, разработок в целях улучшения законодательства и создания эффективных механизмов защиты владения недвижимостью, иными формами собственности. Сделан вывод о том, что обеспечение надлежащей защиты владения служит фундаментальным аспектом справедливости и установления равновесия между интересами владельцев и третьих лиц. Создание эффективных механизмов защиты поможет гарантировать права владельцев и предотвращать недопустимое оспаривание их владения.

Ключевые слова: владение, владельческая защита, господство над вещью, виндикационный иск, правомочия собственника, приобретательная давность, защита от самоуправства, негаторный иск, посессорный иск.

The article considers proprietary (possessory) defence in the Russian legislation. The problematics of proprietary (possessory) protection is analysed. Its role in the protection of civil rights is shown. The author comes

to the conclusion about the importance of fixing the possessory (possessory) defence in the Civil Code of the Russian Federation to ensure effective protection of proprietary rights to real estate. It is also about the absence of provisions on possessory defence in Russian civil legislation. Instead, mechanisms for the protection of actual owners are reflected through the norms on the protection of rights in rem and rights of obligation. Title ownership, i.e. a special type of ownership for persons who are not owners, is mentioned, and it is stated that further research and development is needed in order to improve the legislation and create effective mechanisms for the protection of ownership of real estate and other forms of property. It is concluded that ensuring adequate protection of possession is a fundamental aspect of fairness and balancing the interests of owners and third parties. Establishing effective defence mechanisms will help to guarantee the rights of owners and prevent inadmissible challenges to their possession.

Keywords: possession, owner's defence, dominion over the thing, vindication action, owner's powers, acquisition limitation, defence against self-dealing, negatory action, possessory action.

Владельческая (посессорная) защита представляет собой одно из важных понятий в российском законодательстве, которое обеспечивает защиту прав собственников на недвижимость. Этот принцип применяют для защиты прав собственников на землю, другие объекты недвижимости, и он является существенной составляющей российской правовой системы¹.

Основная цель владельческой защиты состоит в установлении и обеспечении прав владельцев на их собственность. Она включает в себя набор мер и механизмов, направленных на устранение и предотвращение нарушения прав собственности, защиту корпуса прав собственности от посягательств и обеспечение возможности безопасного и свободного владения, пользования имуществом собственников.

Владельческая защита имеет множество ключевых принципов и правил, которые регулируют ее применение в отечественной правовой системе. Суть одного из главных

¹ См. более подр.: Камышанский В.П., Мантул А.Г. Гражданское право. Вещные права: учебник / В.П. Камышанский, Г.А. Мантул; под общ. ред. В.П. Камышанского. – Краснодар: КубГАУ, 2023. (Глава 7, § 4); Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». В 2 томах. Том 1. / под общ. ред. В.П. Камышанского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. (Глава 25, § 4).

принципов сводится к тому, что права собственников на недвижимость защищены законом. Это означает, что государство гарантирует исполнение данных прав и пресекает любые посяательства на них.

К механизмам владельческой защиты относится возможность обратиться в суд для защиты прав собственников. Судебная система играет ключевую роль в разрешении любых споров, связанных с нарушением прав собственников на недвижимость. Если собственник сталкивается с посяательствами на его права, он может обратиться в суд и требовать восстановления нарушенных прав, а также возмещения причиненного ущерба.

Однако владельческая защита не ограничивается судебными мерами. Российское законодательство также предоставляет собственникам возможность использовать и иные механизмы защиты своих прав. Например, возможность обратиться в органы государственной власти и местного самоуправления, чтобы привлечь внимание к решению проблемы нарушения прав собственности.

Любые нарушения прав собственности должны быть пресечены и устранены, чтобы обеспечить защиту интересов владельцев. Законодательство Российской Федерации (РФ) предоставляет равные возможности всем владельцам для защиты своих прав. Имеют ли они титулы на собственность или являются беститульными владельцами, в любом случае у них существует право на требование устранения нарушений, независимо от наличия ущерба или утраты права собственности¹.

Однако очевидны проблемы в предоставлении полноценной защиты беститульным владельцам. В частности, они не могут полностью рассчитывать на охрану своих интересов от третьих лиц и других собственников. Их возможности ограничены и требуют доказательства добросовестного, непрерывного владения, что не всегда легко выполнить на практике. Таким образом, оперативность посессорной защиты, которая является одним из важнейших аспектов, может быть ограничена для этих владельцев.

¹ Маланина Е. Н., Бутина В. В. Сравнительно-правовой анализ института владельческой защиты в российском и зарубежном гражданском праве // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 2. С. 173.

В контексте исполнения решений суда также существует ряд вопросов. Без правильного и эффективного исполнения решений суда владельческая защита становится бессмысленной. Однако законодательство РФ предусматривает механизмы для обеспечения исполнения решений и наказания за их неисполнение. Это означает, что судебные решения должны быть исполнены в полном объеме, чтобы обеспечить защиту прав собственников недвижимости.

Защита владельческих прав – значимая составляющая гражданского законодательства. Однако по-прежнему актуальны проблемы, которые необходимо активно решать. На этом этапе важно продолжить дальнейшую разработку и совершенствование законодательства, чтобы создать более эффективные и надежные механизмы защиты владельческих прав¹.

В процессе анализа действующего гражданского законодательства РФ прослеживается отсутствие положений относительно посессорного порядка защиты владения. Тем не менее в нем предусмотрены механизмы защиты фактических владельцев через нормы о защите вещных и обязательственных прав. В частности, согласно ст. 209 Гражданского кодекса (ГК) РФ, владение признано одним из прав собственника, наряду с пользованием и распоряжением. Оно представляет собой законно обеспеченную возможность иметь фактическое владчество над вещью. Однако владение не рассматривают как самостоятельное вещное право, а используют в контексте осуществления права собственности.

В ст. 305 ГК РФ также упоминается титульное владение как особый вид владения, предоставляемый лицам, не являющимся собственниками. Это может включать в себя различные формы, в том числе пожизненное наследуемое владение, хозяйственное ведение, оперативное управление. Такое владение обладает вещно-правовой защитой против третьих лиц, включая собственника. Иными словами, лица, обладающие титульным владением, имеют право на защиту своего владения, даже если они не являются собственниками.

Однако российское законодательство до сих пор вызывает вопросы и не обеспечивает полноценную защиту владельцам, особенно в случае оспаривания их прав третьими лицами.

¹ Андреев Ю. Н. О защите фактического владения // Цивилист. 2022. № 4 (40). С. 47.

Возникает необходимость проведения дальнейших исследований и разработок для улучшения законодательства, создания эффективных механизмов для защиты владения недвижимостью и иными формами собственности. Это важная задача, поскольку обеспечение надлежащей защиты владения служит фундаментальным аспектом справедливости и установления равновесия между интересами владельцев и третьих лиц. Развитие законодательства и создание эффективных механизмов защиты позволят гарантировать права владельцев и предотвращать недопустимое оспаривание их владения¹.

Улучшение системы защиты владения требует коллективных усилий со стороны юридической науки, законодательства и практического опыта. Необходимо активно разрабатывать и внедрять новые правовые механизмы, которые надежно защитят права владельцев и будут способствовать развитию справедливого и эффективного правоприменения. Только таким образом можно обеспечить стабильность в правовой системе и защитить права владельцев в полной мере.

В настоящее время ученые-цивилисты активно обсуждают необходимость укрепления владельческой защиты и признание владения как самостоятельного института гражданского права. Этот вопрос имеет свою историю в законодательных системах различных стран и выступает предметом интереса многих юристов. Однако российское право уже предоставляет некоторую защиту законным владельцам. В частности, ст. 305 ГК РФ предусматривает меры защиты владения, а значит, можно утверждать, что в российском праве существует пример владельческой защиты.

Е. А. Суханов ранее обращал внимание на важность признания владения как правомочия, связанного с определенными имущественными правами. Он указывал на то, что признание прав арендатора или хранителя, например, приводит к законному владению соответствующим имуществом и предоставляет вещно-правовую защиту². Идея владельческой защиты уже присутствует в законодательстве. Целесообразно

¹ Селезнев А. Б. Владельческая (посессорная) защита титульных прав владельцев недвижимости // Закон. Общество. Человек. Актуальные вопросы теории и практики права: сб. науч. ст. / под ред. О. В. Архиповой, А. И. Климина. СПб.: Фора-принт, 2020. С. 46.

² Суханов Е. А. Российское гражданское право. М.: Статут, 2018. С. 452.

продолжать исследования и обсуждения этой темы, чтобы разработать более полное и эффективное законодательство о владении и его защите.

Между тем возникает вопрос о необходимости расширения и развития владельческой защиты в современной правовой практике. Один из вариантов состоит в том, чтобы обратиться к опыту других стран и внедрить эти положения в нашу законодательную систему. Такой подход позволит усовершенствовать правовую защиту субъектов владения, создать более справедливую и эффективную систему гражданских прав и обязанностей.

Современные исследователи пишут о ряде элементов владельческой защиты, которые можно найти в действующей редакции ст. 234 ГК РФ. Данная статья направлена на защиту лица, осуществляющего давностное владение. Позиция П. А. Перевозниковой особенно интересна. Она считает, что указанная норма обеспечивает защиту фактического состояния владельца вещи¹. В свою очередь, она предлагает расширить защиту, предоставив давностному владельцу возможность противостоять требованиям собственника и законных владельцев. Необходимо дальше исследовать эту тему, подробнее рассмотреть возможность расширения владельческой защиты в российском праве.

Ряд ученых выражают сомнение относительно признания владельческой защиты на основании статей 305 и 234 ГК РФ. В частности, Д. Д. Климанова считает, что владение и владельческая защита, которые упоминаются в ст. 234 ГК РФ, затрагиваются только косвенно². Законодатель в этой статье говорит не о праве владения, а о владении как о фактическом состоянии, которое может превратиться в право собственности при определенных условиях и по истечении определенного срока. Тем не менее действующее гражданское законодательство РФ содержит нормы о защите вещных и обязательственных прав, позволяющих фактическим владельцам использовать меры защиты, включая самозащиту.

¹ Перевозникова П. А. Владельческая защита в современном российском законодательстве // Аллея науки. 2022. Т. 1. № 9 (72). С. 315.

² Климанова Д. Д. Защита владения в гражданском праве: монография. М.: Проспект, 2023. С. 67.

В соответствии с содержанием ст. 209 ГК РФ владение признано одним из правомочий собственника, наряду с пользованием и распоряжением. Это означает, что владение представляет собой правовую возможность человека осуществлять фактическое и непосредственное господство над вещью. Однако такое владение не может быть рассмотрено как самостоятельное вещное право, отделенное от права собственности. Дискуссия вокруг владельческой защиты и ее основ в российском праве продолжается. Для создания четкой и эффективной системы защиты прав собственности важно проводить дальнейшие исследования, диалог между учеными и практиками, чтобы найти оптимальное решение и обеспечить справедливость для всех заинтересованных сторон¹.

В настоящее время в законодательстве отсутствуют нормы, определяющие посессорный порядок защиты владения. Вместе с тем фактическим владельцам предоставлена возможность использовать нормы о защите вещных и обязательственных прав. Это дает им право на самозащиту и применение соответствующих мер для защиты фактического владения. Хотя посессорный порядок защиты владения не прямо установлен законом, фактические владельцы имеют возможность обратиться в суд для восстановления нарушенных прав или возмещения причиненного ущерба. Важно помнить о том, что владение является одним из правомочий собственника и служит способом осуществления права собственности².

Очевидна потребность в проведении дальнейших исследований и обсуждения в рамках правовой науки и практики в целях разработки более четких механизмов посессорной защиты владения. Это поможет устранить возможные противоречия и неоднозначность в применении правовых норм, а также сделать систему защиты более эффективной и справедливой. Справедливая защита владения – значимый аспект обеспечения правовой стабильности и

¹ Бутина В. В. Теоретико-правовые основы институтов владения и владельческой защиты в отечественном гражданском праве // Будущее науки – 2018: сб. науч. ст. 6-й Междунар. молодежной науч. конф.: в 4 т. Т. 2. / отв. ред. А. А. Горохов. Курск: Университетская книга, 2018. С. 219.

² Тамлиани Д. М. Спорные вопросы введения посессорной защиты в России // Аллея науки. 2022. Т. 1. № 9 (72). С. 632.

установления равновесия между интересами собственников и фактических владельцев¹.

Таким образом, владельческая защита в российском законодательстве является важной частью системы защиты прав собственников на недвижимость. Она гарантирует исполнение прав собственников и предоставляет им механизмы, инструменты для защиты и обеспечения безопасности, свободного владения и пользования своим имуществом. Владельческая защита служит неотъемлемой частью современного правового порядка и играет существенную роль в обеспечении стабильности, развития российского общества. Очевидной становится необходимость закрепления теоретической основы института владения в отечественном законодательстве для предотвращения возможных коллизионных противоречий в правоприменительной практике. Установление четкого правового статуса владения обеспечит гарантии владельческой защиты и снизит риск нарушения вещных прав собственников недвижимости. Проблема владельческой защиты и ее законодательное закрепление остаются предметом дискуссий и различных толкований. Одни ученые призывают к расширению владельческой защиты давностных владельцев, другие считают, что владение и владельческая защита отражены в законодательстве, хотя и косвенно. Успешное разрешение этой проблемы состоит в тщательном изучении и анализе судебной практики, а также внесении изменений в законодательство для обеспечения более четкой и эффективной владельческой защиты.

Библиографический список

1. Андреев Ю. Н. О защите фактического владения // Цивилист. 2022. № 4 (40). С. 47–53.
2. Бутина В. В. Теоретико-правовые основы институтов владения и владельческой защиты в отечественном гражданском праве // Будущее науки – 2018: сб. науч. ст. 6-й Междунар. молодежной науч. конф.: в 4 т. Т. 2. / отв. ред. А. А. Горохов. Курск: Университетская книга, 2018. С. 219–224.

¹ Рышкова Е. В., Сенина В. В. Владельческая защита в гражданском праве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4. № 2. С. 242.

3. Гражданское право: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция». В 2 томах. Том 1. / под общ. ред. В.П. Камышанского. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.

4. Камышанский В. П., Мантул А. Г. Гражданское право. Вещные права: учебник. Краснодар: КубГАУ, 2023. 168 с.

5. Климанова Д. Д. Защита владения в гражданском праве: монография. М.: Проспект, 2023. 152 с.

6. Маланина Е. Н., Бутина В. В. Сравнительно-правовой анализ института владельческой защиты в российском и зарубежном гражданском праве // Вестник Омской юридической академии. 2018. Т. 15. № 2. С. 173–180.

7. Перевозникова П. А. Владельческая защита в современном российском законодательстве // Аллея науки. 2022. Т. 1. № 9 (72). С. 315–319.

8. Рышкова Е. В., Сенина В. В. Владельческая защита в гражданском праве // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т. 4. № 2. С. 242–246.

9. Селезнев А. Б. Владельческая (посессорная) защита титульных прав владельцев недвижимости // Закон. Общество. Человек. Актуальные вопросы теории и практики права: сб. науч. ст. / под ред. О. В. Архиповой, А. И. Климина. СПб.: Фора-принт, 2020. С. 46–51.

10. Суханов Е. А. Российское гражданское право. М.: Статут, 2018. 1208 с.

11. Тамлиани Д. М. Спорные вопросы введения посессорной защиты в России // Аллея науки. 2022. Т. 1. № 9 (72). С. 632–638.

Н М. Задорин

аспирант кафедры теоретико-исторических правовых наук
Брянского государственного университета
имени академика И. Г. Петровского
Россия, г. Брянск
vip.maksim.z.1995@mail.ru

**ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (1970–1980)**

**ORGANISATION OF LEGAL EDUCATION
IN THE SOVIET PERIOD (1970-1980)**

Статья содержит анализ системы правового воспитания, которая функционировала в Советском Союзе в 1970–1980 гг. Особое внимание уделено организационным аспектам данной системы, ее основным целям и методам воздействия. Автор статьи анализирует ключевые принципы правового воспитания, в том числе развитие правосознания и усвоение главных норм, принципов права. Подробно рассмотрены методы, применяемые в системе правового воспитания, в частности изучение Конституции РФ и законодательства, проведение специальных уроков по праву, массовая пропаганда правовых принципов через средства массовой информации (СМИ). Акцент сделан на роли школы и педагогических работников в организации правового воспитания. Автором проанализированы результаты исследований, свидетельствующие о значении школы в формировании правового сознания учащихся и их активной гражданской позиции. Речь идет и о влиянии внешних факторов, таких как семья и среда обитания, на правовую социализацию молодежи. Утверждается, что в период существования советского государства особое внимание уделяли правовому воспитанию подрастающего поколения. На государственном уровне разрабатывали и внедряли в советское общество различные организационные формы правового воспитания молодежи. Все формы правового просвещения в период существования советской власти позволили воспитать граждан с активной гражданской позицией, ответственных перед обществом и государством. Сделан вывод о том, что в целях дальнейшего развития механизма правового воспитания молодежи очень важно сохранить преемственность поколений и воссоздать в существующих реалиях опыт правовоспитательной действительности, который преобладал в советском государстве.

Ключевые слова: организация, правовое воспитание, Советский Союз, методы, исследование, программы, практики, молодежь, школа, массовые мероприятия.

The article analyses the system of legal education that functioned in the Soviet Union in 1970-1980. Particular attention is paid to the organisational aspects of this system, its main objectives and methods of influence. The author analyses the key principles of legal education, including the development of legal consciousness and the assimilation of the main norms and principles of law. The methods used in the system of legal education are discussed in detail, in particular, the study of the Constitution of the Russian Federation and legislation, special lessons on law, mass propaganda of legal principles through the mass media (mass media). Emphasis is placed on the role of schools and teachers in organising legal education. The author has analysed the results of studies indicating the importance of school in the formation of students' legal consciousness and their active citizenship. It is also about the influence of external factors, such as family and environment, on the legal socialisation of young people. It is argued that during the existence of the Soviet state, special attention was paid to the legal education of the younger generation. At the state level, various organisational forms of legal education of young people were developed and introduced into Soviet society. All forms of legal education in the period of Soviet power allowed to educate citizens with an active civic position, responsible to society and the state. It is concluded that in order to further develop the mechanism of legal education of young people it is very important to preserve the continuity of generations and to recreate in the current realities the experience of legal education reality, which prevailed in the Soviet state.

Keywords: organisation, legal education, Soviet Union, methods, research, programmes, practices, youth, school, mass events

Организация правового воспитания в советский период (1970–1980) происходила с учетом основных принципов коммунистической идеологии, которые активно пропагандировали и внедряли во все сферы общественной жизни. Одной из задач государства было формирование у граждан социалистического мировоззрения и понимания значимости законности.

Среди основных организационных форм правового воспитания в СССР огромное значение имела школа. В школьной программе особое внимание уделяли вопросам законности, правовой культуры и гражданственности. Учебным заведениям была предоставлена возможность проводить специальные мероприятия, направленные на повышение правовой

грамотности учащихся. В школах проводили классные часы, на которых обсуждали актуальные правовые вопросы¹.

Формой правового воспитания выступали также пионерские и комсомольские организации. Они занимались формированием гражданской позиции у молодежи, пропагандировали идеи справедливости и законности. Члены этих организаций проходили специальную подготовку, которая включала в себя изучение правовых норм и принципов.

В СССР существовали различные организации и объединения, направленные на правовое воспитание. Например, юридические клубы, юридические факультеты и другие учебные заведения, где проводили специальные занятия и семинары по вопросам права. Такие мероприятия позволяли глубже изучить правовую науку и развить навыки применения правовых норм. Еще одной формой правового воспитания были профсоюзы. Они занимались защитой трудовых прав работников, проводили обучающие программы по правовым вопросам и информировали членов о своих правах и обязанностях.

Кроме того, существовали такие формы правового воспитания, как юридическая литература и СМИ. Они позволяли распространять знания о праве среди населения и формировать у него правовую культуру.

Организационные формы правового воспитания в СССР играли ключевую роль в формировании у граждан правового сознания и гражданственности. Большое внимание уделяли не только теоретическому обучению, но и практическому применению правовых норм.

Существенным аспектом в правовом воспитании стало внедрение марксистско-ленинской философии в школьную программу. Учебники по истории, обществознанию и другим гуманитарным дисциплинам включали в себя разделы, посвященные идее классовой борьбы, роли партии и пролетариата в обществе. В рамках учебного процесса проводили политические лекции и дебаты, на которых стимулировали активную гражданскую позицию учащихся, формировали ответственность перед обществом.

¹ Яковлева Н. О. Историография научной проблемы как результат историко- педагогического анализа // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2009. № 4. С. 64.

Помимо школы, свой вклад в правовое воспитание вносили пионерские и комсомольские организации. В их задачи входило формирование у детей и молодежи нравственных ценностей, укрепление патриотических чувств и гражданской ответственности. Пионерские лагеря и комсомольские отряды проводили субботники, акции по благоустройству территорий, воспитывали трудолюбие и коллективизм¹.

Советский период характеризовался развитием системы ювенальной юстиции. Важными мерами правового воспитания стали ювенальные учреждения и программы реабилитации для несовершеннолетних правонарушителей. Целью таких программ служили не только наказание, но и коррекция поведения, адаптация к нормам общества и дальнейшая социализация².

В указанные годы развивались системы профориентации и правового просвещения. В рамках профориентационной работы учащимся была предоставлена возможность ознакомиться с различными профессиями и выбрать наиболее подходящую для себя. Правовое просвещение проводилось через организацию лекций, семинаров и конференций, на которых обсуждали вопросы о правах и обязанностях граждан, роли правовых институтов в обществе.

Организация правового воспитания также осуществлялась через создание системы юридического образования. Вузы и юридические факультеты предоставляли возможность студентам получить профессиональные знания и навыки в сфере права, что способствовало повышению уровня правовой культуры в обществе.

В целом организация правового воспитания в советское время (1970–1980) была направлена на формирование граждан с активной жизненной позицией, ответственных перед обществом и государством. Цели и задачи правового воспитания оказывались тесно связанными с общими идеями социализма и строительства коммунистического общества. Активно в этих условиях работали правоохранительные органы (милиция и КГБ), действия которых были направлены на обеспечение законности и

¹ Цалиев А. М. Из истории правового воспитания граждан // Право и государство: теория и практика. 2011. № 8 (80). С. 39.

² Перевезенцев С. В. Теория естественного права в трудах Самуила Пуфендорфа // Историческое образование. 2014. № 2. С. 74.

порядка в обществе. Действовали созданные в указанные годы широкие сети общественного контроля, и гражданам предоставляли возможность сообщать о нарушениях или преступлениях. Это способствовало поддержанию общественной дисциплины и укреплению веры в систему справедливости.

Другим важным аспектом служила работа СМИ, в том числе телевидения, радио и печатных изданий. В СМИ активно освещали правовые аспекты жизни общества, распространяли материалы о правах и обязанностях граждан. Таким образом, информационная компонента играла значительную роль в формировании правовой культуры и понимания общественных норм.

Кроме того, правовое воспитание осуществлялось и через международные связи. В советский период активно развивали дружественные отношения с другими странами, особенно с социалистическими государствами. В рамках таких отношений проводили обмен опытом, организовывали семинары и конференции, посвященные правовым вопросам. Это способствовало обогащению национального правового опыта и укреплению международной солидарности на основе общих ценностей.

Однако в рамках организации правового воспитания в 1970–1980-х гг. существовали и ограничения. Всеобщая идеология коммунизма порой противостояла индивидуальным правам и свободам граждан. Ограничения свободы слова, вероисповедания и самовыражения могли стать препятствием в формировании полноценной правовой культуры.

В указанный период осуществлен ряд реформ и нововведений, направленных на усиление правового воспитания. Созданы специальные учебные программы и методические пособия для школ, колледжей и вузов, которые акцентировали внимание на развитии правосознания и правовых знаний у студентов. Такие учебные программы ставили своей целью формирование граждан, способных осознанно использовать свои права и исполнять обязанности¹.

Еще одна значимая составляющая правового воспитания – юридические клубы и кружки. В этих организациях проводили занятия, на которых участникам предлагали решать различные правовые задачи и составлять проекты законов. Такие формы

¹ Перевезенцев С. В. Указ. соч. С. 75.

активности способствовали не только расширению правовых знаний, но и развитию логического мышления, аналитических навыков и умения работать в коллективе.

Немало внимания в организации правового воспитания уделяли подготовке кадров для юриспруденции. Появились специальные юридические факультеты, на которых обучение проходили будущие юристы и судьи. Студентам предоставляли возможности пройти практику в различных правовых учреждениях, что позволяло им получить практический опыт и применить знания на практике.

Однако организация правового воспитания в советский период также подвергалась критике и вызывала сомнения. В условиях жесткого контроля со стороны государства и партии многие вопросы, связанные с правовыми нормами и правами человека, оставались скрытыми или подавлялись. Некоторые области правовой науки, такие как гражданское и уголовное право, страдали от идеологического подхода и ограничений.

С 1970 по 1980 г. правовое воспитание в Советском Союзе оказывало огромное влияние на развитие общества и формирование гражданского сознания. В эти годы страна стояла на пути интенсивного развития и модернизации, и обращение к вопросам правового воспитания стало неотъемлемой частью данного процесса¹.

Одной из главных целей правового воспитания в СССР в 1970–1980 гг. было формирование правового сознания и уважения к закону у населения. Государство стремилось создать общество, в котором каждый гражданин осознает свои права и обязанности, действует в соответствии с законом. Для этого проводили множество мероприятий и реализовывали программы, которые охватывали различные аспекты правового воспитания.

Среди ведущих направлений правового воспитания исследуемого периода – подготовка молодежи к активному участию в общественной жизни. Молодежь признана основной силой для достижения социальных целей страны, и ее правовое воспитание имело стратегическое значение. Для этого молодежи предлагали различные формы обучения и воспитания, включая правовые курсы и семинары, массовые мероприятия,

¹ Ленин В. И. Задачи союзов молодежи: речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи. 2 октября 1920 г. // Ленин В. И. Сочинения: в 30 т. Т. 30. 3-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 416.

соревнования по правовым знаниям и т. д. В результате такой работы правовое сознание молодежи значительно укрепляли, и молодые люди становились активными участниками общественной жизни, сознательно соблюдающими законы и правила.

Значимым аспектом правового воспитания в 1970–1980 гг. можно признать формирование у граждан уважения к правам и свободам других людей. Это имело огромное значение для развития гражданского общества и укрепления демократических ценностей. В связи с этим проводили общественные обсуждения, дискуссии, повестки дня общественных организаций и собраний работников, на которых обсуждали вопросы толерантности, уважения к мнению других людей и принятия различий. Такие мероприятия способствовали значительному росту понимания и уважения гражданами прав других людей, а следовательно, укреплению стабильности и гармонии в обществе.

С 1970 по 1980 г. правовому воспитанию уделяли немало внимания на государственном уровне. Работу в этом направлении осуществляли через различные институты и организации, включая школы, вузы, общественные объединения и т. д. Организовывали специальные курсы повышения квалификации для педагогов, в рамках которых обучали правильно воспитывать у учащихся уважение к закону и осознание своих прав и обязанностей. Проводили научно-практические конференции и симпозиумы, на которых специалисты обменивались опытом и разрабатывали инновационные методы правового воспитания¹.

Однако, несмотря на все усилия, правовое воспитание в СССР в 1970–1980 гг. имело и недостатки. Один из них – ограничение свободы слова и возможности выразить собственное мнение. В условиях строгой государственной идеологии мнение граждан не всегда учитывали, что приводило к ограничению возможностей самовыражения и развития критического мышления.

В целом период с 1970 по 1980 г. ознаменован значительными успехами в развитии правового воспитания в

¹ Протасова И. А. Правовое образование в советской школе // Правовое образование: опыт, проблемы, перспективы: материалы регион. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 12–13 ноября 2001 г.). Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2002. С. 92.

СССР. Созданы основы для формирования правового сознания у населения и уважения к закону. Применяли различные педагогические и социальные методы, которые позволяли эффективно воздействовать на граждан и формировать у них устойчивые навыки соблюдения закона. Именно в эти годы заложены основы правовой культуры, которые до сих пор имеют значение и влияют на развитие общества. В исследуемый период СССР, будучи социалистическим государством, стоял перед задачей реализации правового воспитания населения с целью формирования социалистической правовой личности. Однако в этом процессе существовали недостатки и проблемы, которые затрудняли полноценную организацию правового воспитания¹.

Первым и наиболее значимым недостатком было отсутствие демократических прав и свобод. В советском обществе преобладало политическое и идеологическое подавление, что отрицательно сказывалось на правовом воспитании граждан. Отсутствие свободы слова, собраний и объединений в огромной степени снижало эффективность правосознания населения. Люди не имели возможности высказывать мнение, на должном уровне знать свои права и обязанности, что приводило к некомпетентности в вопросах правоохранительной деятельности и судебной системе.

Среди значимых проблемных вопросов в организации правового воспитания – недостаточное внимание к образованию в данной сфере. Мало времени уделяли изучению правовых дисциплин в школах и вузах, поэтому невысоким был уровень юридического образования граждан. Государство не создавало достойных условий для подготовки высококвалифицированных кадров в области права, вследствие этого страдала система правосудия и обеспечения прав и свобод граждан.

Недостатком в организации правового воспитания стало также отсутствие публичного обсуждения законодательства, его изменений. Новые законы и нормативные акты вводили без широкой дискуссии и участия общественности, в итоге происходило отчуждение населения от правовой системы и снижение доверия к государству. Результатом такой практики

¹ Адаева О. В. Основные формы правового воспитания в современной России: теоретические и практические аспекты // Теория и практика общественного развития. 2016. № 64. С. 98.

стали отрицательное отношение граждан к правоохранительным органам и неэффективная борьба с преступностью.

Проблемой в организации правового воспитания было недостаточное внимание к профилактической работе и реабилитации правонарушителей. Существовала необходимость в создании эффективных механизмов предупреждения правонарушений и социальной адаптации лиц, совершивших преступления. Однако государство не обеспечивало достаточных условий для проведения реабилитационной работы, что способствовало повторным правонарушениям и усилению преступности в обществе.

Итак, в организации правового воспитания в СССР с 1970 по 1980 г. существовали и недостатки, и проблемы. Отсутствие демократических прав и свобод, недостаточное внимание к образованию в области права, отсутствие публичного обсуждения законодательства и его изменений, а также пробелы в сфере организации профилактической работы и реабилитации правонарушителей – все эти факторы приводили к ослаблению системы правосудия, подрыву доверия граждан к правовой системе.

В заключение дополним, что организация правового воспитания в советский период (1970–1980) стала одной из важных составляющих общей системы образования и социализации граждан. Цель состояла в формировании активных и ответственных членов общества, укреплении веры в законность и справедливость. В ходе этого процесса использовали различные методы, от сферы школьного образования и до системы профориентации и юриспруденции.

Библиографический список

1. Адаева О. В. Основные формы правового воспитания в современной России: теоретические и практические аспекты // Теория и практика общественного развития. 2016. № 64. С. 98–100.
2. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи: речь на III Всероссийском съезде Российского коммунистического союза молодежи. 2 октября 1920 г. // Ленин В. И. Сочинения: в 30 т. Т. 30. 3-е изд. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 403–417.
3. Протасова И. А. Правовое образование в советской школе // Правовое образование: опыт, проблемы, перспективы:

материалы регион. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 12–13 ноября 2001 г.). Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2002. С. 89–94.

4. Перевезенцев С. В. Теория естественного права в трудах Самуила Пуфендорфа // Историческое образование. 2014. № 2. С. 70–88.

5. Цалиев А. М. Из истории правового воспитания граждан // Право и государство: теория и практика. 2011. № 8 (80). С. 39–43.

6. Яковлева Н. О. Историография научной проблемы как результат историко-педагогического анализа // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2009. № 4. С. 60–66..

А. Р. Калимуллина

аспирант кафедры финансового
и административного права

Института права

Уфимского университета науки и технологий

Россия, г. Уфа

Kalimullina8888@yandex.ru

**НДФЛ КАК МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИЧЕСКОЕ И
ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ**

**NDFL AS A MECHANISM OF REALISATION OF SOCIAL
POLICY OF THE STATE: HISTORICAL AND
THEORETICAL SUBSTANTIATION**

В статье утверждается, что проведение историко-теоретического исследования понятия налога на доходы физических лиц (НДФЛ) в аспекте механизма реализации социальной политики государства видится особенно актуальным, поскольку налог на доходы граждан по сущностному содержанию отличается тем, что его взимают с широкого круга лиц. Кроме того, посредством НДФЛ возможно воздействовать на имеющееся в любом обществе неравенство граждан, обусловленное уровнем дохода последних. Основные проблемы использования НДФЛ в соответствующих целях связаны с необходимостью внедрения новых и развития существующих методов социальной помощи в отношении ряда категорий граждан. Данная проблема подлежит разрешению за счет дифференциации стандартного вычета, в зависимости от категории плательщиков, замены стандартных вычетов, предоставления некоторым родителям права на уменьшение дохода семьи на сумму расходов, связанных с оплатой лечения детей, учета для имущественных вычетов уровня цен, масштаба населенного пункта с установлением допустимого лимита на базе корректировочных коэффициентов. Все указанное, по мнению автора статьи, способствует трансформации НДФЛ в современный инструмент оказания социальной помощи гражданам.

Ключевые слова: НДФЛ, социальная политика, налоговый вычет, налоговая ставка, государственная поддержка, налоговая база, доход, налогоплательщик.

The article argues that the historical and theoretical study of the concept of personal income tax (PIT) in the aspect of the mechanism of implementation of social policy of the state is seen as particularly relevant,

because the tax on the income of citizens by its essential content is different in that it is levied on a wide range of persons. In addition, through personal income tax it is possible to influence the existing inequality of citizens in any society due to the level of income of the latter. The main problems of using personal income tax for the relevant purposes are related to the need to introduce new and develop existing methods of social assistance for a number of categories of citizens. This problem should be solved by differentiating the standard deduction depending on the category of payers, replacing standard deductions, giving some parents the right to reduce family income by the amount of expenses related to the payment of medical treatment for children, taking into account for property deductions the price level, the scale of the locality with the establishment of an allowable limit on the basis of adjustment coefficients. All of the above, in the opinion of the author of the article, contributes to the transformation of personal income tax into a modern tool for providing social assistance to citizens.

Keywords: NDFL, social policy, tax deduction, tax rate, state support, tax base, income, taxpayer.

Научные просторы, по общему правилу, содержат многочисленные статьи, посвященные экономическим и правовым аспектам реализации НДФЛ в условиях современности. Однако немаловажное значение имеет первоначальное исследование истории НДФЛ, включая истоки и эволюцию развития данного вида налога, поскольку исторический подход к исследуемой проблематике позволяет выявить наиболее важные закономерности развития правового регулирования НДФЛ.

Автор предлагает раскрыть проблематику посредством применения метода сравнительно-правового исследования, исторического метода, логических методов. В. И. Прусова, Н. В. Казицкая и И. А. Семков указывают на родственную связь НДФЛ с данью. Авторы полагают, что именно дань, которую собирали «повозом» или «полюдьем», выступает в качестве так называемого прадеда НДФЛ. К числу иных предшественников НДФЛ можно отнести подворное обложение и подушную подать¹.

Обоснованность приведенной позиции отечественных ученых не исключает того факта, что и дань, и подворное обложение, и подушная подать имеют лишь некоторые общие черты с современным НДФЛ. Наибольший интерес вызывает момент формирования схожей модели налогообложения

¹ См.: Прусова В. И., Казицкая Н. В., Семков И. А. Эволюция НДФЛ в России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 11-1. С. 185.

физических лиц в рамках истории России. С этой точки зрения необходимо обратить внимание на введенный манифестом от 11 февраля 1812 г. «О преобразовании комиссий по погашению долгов» сбор временного характера, который взимали с доходов помещиков. Этот сбор не контролировали со стороны государства, определение размера подлежащего уплате сбора отдавали на усмотрение плательщиков.

Временный сбор действовал в течение продолжительного времени, до принятия в 1916 г. Закона о государственном подоходном налоге. Закон, принятый на рубеже существенных политико-социальных преобразований, содержал ряд правил взимания государственного подоходного налога:

- минимальный годовой доход, составляющий 850 руб., не облагали налогом;
- годовой доход свыше 900 руб. подлежал налогообложению в размере от 7 до 12 %;
- наличие двух и более иждивенцев или заболевания позволяло получить льготы на уплату государственного подоходного налога.

В приведенный выше период в категорию субъектов налогообложения подлежали включению и физические, и юридические лица¹. Указанный нормативно-правовой акт действовал в данном виде недолго. 12 июня 1917 г. Временным правительством принято постановление «О повышении окладов государственного подоходного налога»², которое увеличило минимальный годовой доход, не подлежавший налогообложению, до 1 000 руб., раздвинув рамки ставок налога от 1 % до 33 %. Кроме того, постановлением введено новое правило: «Доход, превышающий четыреста тысяч рублей, облагается в размере ста двадцати тысяч рублей, с прибавлением к этой сумме по три тысячи пятьдесят рублей на каждые полные десять тысяч рублей дохода сверх четырехсот тысяч рублей»³.

¹ См.: Магомедова А. Т., Махдиева Ю. М. История НДФЛ в России и за рубежом // Финансовые инструменты регулирования социально-экономического развития регионов: сб. материалов II Всерос. науч.-практ. конф. Махачкала: Апробация, 2017. С. 223.

² О повышении окладов государственного подоходного: постановление от 12 июня 1917 г. // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/44605/> (дата обращения: 03.12.2023).

³ Там же.

Дальнейшее развитие НДФЛ получил в период существования СССР, однако и в рамках одного политического режима подходы к взиманию этого налога не отличались единством. Изначально советская власть ввела «подходно-поимущественный» налог, взимаемый как с дохода, так с имущества. Данный налог неоднократно подвергали объединению с иными видами налогов. Вследствие неоднократных преобразований получено название «подходный налог». Подходный налог подлежал взиманию с применением прогрессивных ставок, его дифференциация осуществлялась согласно четырем группам плательщиков. Первая группа налогоплательщиков состояла из рабочих и служащих, во вторую – объединялись работники искусств, в третью – были включены лица, занимающиеся частной практикой, четвертая группа представлена лицами, имеющими доходы от работы не по найму.

С 40-х по 60-е гг. прошлого столетия изменения нового подходного налога нашли отражение на составе плательщиков налога, изменении ставок налога в сторону их увеличения, порядке его исчисления, увеличении нагрузки на лиц, которые получали нетрудовые доходы. 60-е гг. XX в. ознаменованы стремлением власти к полной отмене подходного налога к 1 октября 1965 г. Для достижения поставленной цели запланировано постепенно повысить необлагаемую налогом сумму заработной платы. Однако вскоре стала очевидной нереализуемость данной цели. 1 октября 1962 г. запланированные мероприятия перенесены на неопределенный срок. Вплоть до распада СССР указанная цель не была достигнута.

Российская Федерация (РФ) не ставила и не ставит в настоящее время перед собой цели полной отмены подходного налога как в рамках сложных периодов существования, так и менее проблемных. В 90-х гг. размер НДФЛ находился в прямой зависимости от размера годового дохода, при этом предусмотрены налоговые льготы, отдельные виды доходов освобождали от НДФЛ. В сущности, подход к налогообложению был следующим: установлен минимальный годовой размер дохода, с которого налог взимался, исходя из одной процентной ставки; чем сильнее фактический годовой размер дохода превышал минимальный, тем большую процентную ставку применяли при расчете налога.

С вступлением в законную силу ч. 2 Налогового кодекса (НК) РФ¹ ситуация стабилизировалась: законодатель четко закрепил, что НДФЛ является основным видом прямых налогов, предусмотренных российским законодательством; исчисление налога осуществляется с применением плоской шкалы (13 %); возможно уменьшение суммы взимаемого налога за счет вычета установленных законом и имеющих документальное подтверждение расходов.

В настоящее время налоговая ставка, применяемая при исчислении НДФЛ, отличается в зависимости от вида облагаемого дохода. Кроме того, в 2021 г. законодателем увеличена налоговая ставка, применяемая в отношении доходов физических лиц свыше 5 000 000 руб. в год, а также введено налогообложение процентов, получаемых физическими лицами по банковским вкладам, если они превышают 1 000 000 руб.

Ряд ученых связывают социальную значимость НДФЛ с возможностью прогрессивного налогообложения доходов граждан. В частности, ранее А. Т. Керимов и С. Р. Мустафаева находили последнее реалистичной перспективой для России. Однако предлагаемый указанными авторами подход более широк в сравнении с реализованным на практике. Так, предлагалось посредством прогрессивного налогообложения разрешить проблему выявления доходов самозанятых граждан, оплаты труда в конвертах², что не было осуществлено. Данный вопрос также активно разрабатывали А. Я. Чмерева, И. А. Кузьмичева³, С. Б. Чернов, А. В. Захарова⁴, А. Р. Корягина⁵ и др.

¹ См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.

² См.: Керимов А. Т., Мустафаева С. Р. НДФЛ: история, современность, мировой опыт // Форум молодых ученых. 2017. № 6 (10). С. 909.

³ См.: Чмерева Я. А., Кузьмичева И. А. Налог на доходы физических лиц: проблемы и пути его совершенствования // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 6-2 (38). С. 35.

⁴ См.: Чернов С. Б., Захарова А. В. Налог на доходы физических лиц как инструмент государственного регулирования экономики: российский и международный опыт // Экономические науки. 2020. № 192. С. 266.

⁵ См.: Корягина А. Р. Особенности налогообложения НДФЛ // Молодежная наука 2020: технологии, инновации: сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной 90-летию основания Пермского ГАТУ и 155-летию со дня рождения академика Д. Н. Прянишникова. Пермь: ИПЦ Прокрость, 2020. С. 74.

Краткий экскурс в историю НДФЛ свидетельствует о том, что в большей степени государство, устанавливая тот или иной вид налога и изменяя элементы налогообложения, преследует выполнение фискальной функции. Иными словами, государство стремится получить максимальное количество налогов. Однако советский период существования России и современный период свидетельствуют также о том, что НДФЛ может выступать и в ином качестве, как механизм реализации социальной политики государства.

Об этом свидетельствует гибкость подхода к налоговым льготам и налоговым вычетам. Включение определенной категории налогоплательщиков в число лиц, обладающих правом на получение налоговой льготы или налогового вычета, во многом служит проявлением социальной политики государства. Например, это прослеживается в предоставлении права на налоговый вычет родителю, у которого на обеспечении находится ребенок (размер вычета находится в зависимости от количества детей; если размер вычета на первого и второго ребенка составляет по 1 400 руб., то с третьего ребенка – 3 000 руб. на каждого из детей).

Этот пример не является единственным, поскольку ст. 218 НК РФ содержит несколько различных оснований для предоставления налогового вычета по НДФЛ семьям, имеющим детей. К тому же учитывают и детей, которые ввиду получения образования не могут самостоятельно осуществлять трудовую деятельность (обучающиеся по очной форме обучения и т. п., в возрасте до 24 лет). В ряде случаев право на предоставление налогового вычета не утрачивается родителем (например, если ребенок по достижении соответствующего возраста признан недееспособным).

Вместе с тем ст. 219 «Социальные налоговые вычеты» НК РФ наиболее структурированно содержит в себе случаи предоставления гражданам права на налоговые вычеты, которые интересны в контексте настоящего исследования. В частности, п. 1 упомянутой статьи закреплено право на налоговый вычет, возникающее в связи с:

- прохождением лицом, не достигшим возраста 24 лет, обучения на платной основе;
- оплатой медицинских услуг в отношении себя или близких родственников;

– оплатой прохождения независимой оценки квалификации лица, являющегося налогоплательщиком;

– оплатой физкультурно-оздоровительных услуг, которые оказаны плательщику НДФЛ или его детям до момента достижения последними установленного законом возраста и т. д.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что государство стремится поддерживать семьи, имеющие на обеспечении детей, поощрять получение образования, развитие культуры спорта и др. Установление сегодня одних налоговых вычетов не исключает того, что в дальнейшем они будут отменены с включением новых налоговых вычетов, круг которых будет определен, исходя из потребностей государства в конкретный период, а именно с учетом социальной политики государства.

Государственная поддержка семей, имеющих на иждивении детей, в том числе совершеннолетних, получающих образование по очной форме обучения, значима, требует разработки комплексного подхода к семейному налогообложению. Неслучайно авторы научной статьи, посвященной проблематике и перспективам развития НДФЛ в России, пишут: «Если в семье имеются иждивенцы – дети, инвалиды, безработные взрослые, то доходы работающего лица должны покрывать дополнительные затраты, связанные с содержанием членов семьи, не имеющих собственного дохода»¹. Тем самым реализованные меры представляются недостаточными, требуется более комплексная разработка мер реализации социальной политики в отношении семей, имеющих на иждивении детей, посредством НДФЛ.

Представленный анализ истории и современного регулирования НДФЛ в России требует обращения к концепции социального государства, необходимой при определении возможных путей использования НДФЛ в качестве механизма реализации социальной политики РФ. А. В. Аронов раскрывает содержание концепции социального государства следующим образом: «Концепция социального государства предполагает обязанности государства по обеспечению высокого уровня жизни и создания условий для всестороннего развития личности

¹ Блынская А. А., Макаренко В. А., Швидко Е. Ю. Проблемы и перспективы развития НДФЛ в РФ // Финансовая экономика: актуальные вопросы развития: сб. тр. IV Междунар. студ. науч. конф. Хабаровск: Хабаровский государственный университет экономики и права, 2022. С. 20.

каждого человека. Социальное государство как особый тип современного устройства общества обеспечивает высокий уровень социальной защищенности всех граждан посредством активной деятельности государства»¹.

Проводимые изменения в аспекте регулирования НДФЛ имеют некоторые черты социальной направленности, что позволяет сделать вывод о стремлении РФ к достижению высоких ориентиров «социального государства». Многочисленные изменения, внесенные в налоговое законодательство в 2021–2023 гг. относительно регулирования НДФЛ, стали стимулом к дальнейшему обсуждению возможных поправок. Так, И. В. Матюшенко пишет о том, что «от налога предлагают освободить выплаты при увольнении и оплату медицины для недееспособных граждан, ... выплаты выходного пособия, среднемесячного заработка и любые иные предусмотренные законом компенсационные выплаты»².

Кроме того, в условиях стремительной инфляции и не настолько преуспевающей за ней индексации заработных плат, иных выплат вполне оправданной мерой могло бы служить освобождение от уплаты НДФЛ в отношении лиц, ежемесячный доход которых не превышает среднего минимального размера оплаты труда в России. Данная мера могла бы способствовать улучшению благосостояния граждан, находящихся на черте или за чертой бедности, а также повышению привлекательности наименее востребованных населением профессий. В. А. Гребенникова и Е. В. Вылегжанина предлагают несколько иной подход к исследуемой проблеме. Ученые считают, что нужно привязывать размер налогового вычета по НДФЛ к прожиточному минимуму и потребительской корзине, а также вывести из налоговой базы величину, равную минимальному прожиточному минимуму³.

¹ Аронов А. В. Социальная функция НДФЛ // Путеводитель предпринимателя. 2008. № 1. С. 48.

² Матюшенко И. В. Социальная направленность налоговой политики государства в области налогообложения физических лиц // Развитие теории и практики управления социальными и экономическими системами. 2023. № 12. С. 96.

³ См.: Гребенникова В. А., Вылегжанина Е. В. Налоговые вычеты по НДФЛ как инструмент реализации социальной политики государства // Вестник Евразийской науки. 2021. № 3. Т. 13. URL: <http://izd-mn.com/> (дата обращения: 04.12.2023).

Однако наиболее перспективным путем использования НДФЛ как механизма реализации социальной политики России является продвижение инициатив, направленных на повышение эффективности системы предоставления вычетов по НДФЛ. На достижение указанной цели могут быть направлены, в частности:

1) дифференциация стандартного вычета в зависимости от категории плательщиков (одинокие, семьи с иждивенцами, супружеские пары, не имеющие детей, пожилые люди и инвалиды). Тем самым индивидуальные стандартные налоговые вычеты могли бы начислять с учетом статуса и социального положения физического лица;

2) замена стандартных вычетов, предоставляемых в отношении отдельных категорий граждан, иными видами социальной помощи и поддержки;

3) предоставление родителям, на иждивении которых находятся студенты-очники в возрасте до 24 лет, права на уменьшение дохода семьи на сумму расходов, связанных с оплатой лечения таких детей;

4) учет для имущественных вычетов уровня цен, масштаба населенного пункта с установлением допустимого лимита на базе корректировочных коэффициентов¹.

Полагаем, что сформулированные предложения являются обоснованными и подлежат учету в рамках разработки и внедрения последующих изменений в действующее налоговое законодательство. Таким образом, исторически сложилось, что НДФЛ служит инструментом государства для реализации не только его фискальной функции, но и выполнения социальной политики. Исследование показало, что Россия использует соответствующий механизм, внедряя и трансформируя отдельные элементы НДФЛ в целях реализации социальной политики РФ. Однако сегодня данная деятельность не отражает комплексного подхода. Зачастую учитывают лишь отдельные направления социальной политики (например, разрабатывают новые меры поддержки семей, имеющих на иждивении несовершеннолетних детей, а пенсионеры и инвалиды остаются за пределами проводимых реформ). Необходимым видится расширение способов использования НДФЛ в указанных целях, включение новых категорий граждан, имеющих право на стандартные налоговые вычеты, а также внедрение иных

¹ Там же.

случаев, при наступлении которых гражданин обретает право на налоговый вычет другого вида.

Библиографический список

1. Аронов А. В. Социальная функция НДФЛ // Путеводитель предпринимателя. 2008. № 1. С. 48–55.

2. Блынская А. А., Макаренко В. А., Швидко Е. Ю. Проблемы и перспективы развития НДФЛ в РФ // Финансовая экономика: актуальные вопросы развития: сб. тр. IV Междунар. студ. науч. конф. Хабаровск: Хабаровский государственный университет экономики и права, 2022. С. 19–22.

3. Гребенникова В. А., Вылегжанина Е. В. Налоговые вычеты по НДФЛ как инструмент реализации социальной политики государства // Вестник Евразийской науки. 2021. № 3. Т. 13. URL: <http://izd-mn.com/> (дата обращения: 04.12.2023).

4. Керимов А. Т., Мустафаева С. Р. НДФЛ: история, современность, мировой опыт // Форум молодых ученых. 2017. № 6 (10). С. 909–912.

5. Корягина А. Р. Особенности налогообложения НДФЛ // Молодежная наука 2020: технологии, инновации: сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов, посвященной 90-летию основания Пермского ГАТУ и 155-летию со дня рождения академика Д. Н. Прянишникова. Пермь: ИПЦ Прокрость, 2020. С. 74–78.

Д. И. Калимуллин

старший преподаватель кафедры криминалистики Института
права Уфимского университета
науки и технологий
Россия, г. Уфа
kalimullin.danil2013@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СЛЕДОВАТЕЛЕМ
ОПЕРАТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ О ЛИЦЕ, ЗАНИМАЮЩЕМ
ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ**

**THE SPECIFIC FEATURES OF REALISATION BY THE
INVESTIGATOR OF OPERATIONAL INFORMATION ABOUT THE
PERSON OCCUPYING THE HIGHEST POSITION IN THE
CRIMINAL HIERARCHY"**

Следственная практика в настоящее время показывает, что при расследовании отдельных категорий преступлений, связанных с организованной преступной деятельностью, особое внимание уделяют не только проведению следственных действий, которые являются единственным способом собирания доказательств в уголовном процессе, но и результатам оперативно-розыскных мероприятий. С учетом высокой степени латентности организованной преступной деятельности зачастую основанием при принятии процессуальных решений о возбуждении уголовного дела и задержании подозреваемого служат материалы оперативно-розыскной деятельности. Однако существует проблема грамотного использования и реализации результатов при расследовании данной категории преступлений. В связи с этим автор в статье предлагает соблюдение следователем алгоритма реализации полученной оперативной информации, который позволит следователю не только облегчить изыскание первоначальных доказательств причастности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, к занимаемому статусу, но и способен в значительной степени предотвратить процесс эскалации противодействия, оказываемого следствию в аспекте указанной категории преступления.

Ключевые слова: оперативная информация, преступная иерархия, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, оперативно-розыскные мероприятия, следователь, тактическое решение, реализация оперативной информации, следственные действия.

Investigative practice currently shows that in the investigation of certain categories of offences related to organized criminal activity, special

attention is paid not only to the conduct of investigative actions, which are the only means of gathering evidence in criminal proceedings, but also to the results of operational and investigative activities. Given the high degree of latency of organised criminal activity, investigative materials are often used as the basis for procedural decisions to initiate criminal proceedings and detain a suspect. However, there is a problem of competent use and implementation of the results in the investigation of this category of offences. In this regard, the author in the article proposes the investigator's compliance with the algorithm of implementation of the received operational information, which will allow the investigator not only to facilitate the search for initial evidence of involvement of the person occupying the highest position in the criminal hierarchy, but also is able to significantly prevent the process of escalation of the resistance to the investigation in the aspect of the specified category of crime.

Keywords: operational information, criminal hierarchy, person occupying the highest position in the criminal hierarchy, operational and investigative measures, investigator, tactical decision, implementation of operational information, investigative actions.

Правила ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ четко регламентируют, что результаты оперативно-розыскной деятельности могут быть использованы следователем для подготовки и осуществления следственных действий, проведения иных дополнительных мероприятий по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений, а также установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Данная формулировка закона ярко демонстрирует, что информация, полученная в ходе оперативно-розыскных мероприятий, значима для принятия следователем решений, в том числе процессуального характера.

Понимая изложенное и переходя к рассматриваемому в настоящей статье вопросу, стоит указать, что каждое преступное деяние, в зависимости от специфики и характера, выделяется особенностями принятия различных тактических решений (приемов, операций или комбинаций) и способа реализации следователем оперативной информации². Учитывая скрытую

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

² Халиков А. Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2005. С. 238.

преступную деятельность лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии¹, фундаментальными следами преступления становятся такие, которые зафиксированы путем проведения оперативно-розыскных мероприятий различного цикла², поскольку так или иначе избранному, назначенному лидеру необходимо подтвердить свой криминальный статус.

Занятие высшего положения в преступной иерархии от иных видов преступной деятельности отличается скрытостью информации об объективной стороне преступления, что значительно затрудняет выявление такого преступления следственным путем и препятствует в случае выявления ходу дальнейшего расследования уголовного дела. По данным информационной базы МВД России, в настоящее время возбуждено 201 уголовное дело по ст. 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)³, к тому же в России насчитывается около 400 «воров в законе»⁴. С учетом того, что субъектами рассматриваемого преступления выступают и другие категории лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, их количество значительно превышает указанный показатель.

Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, ярко выделяются как в обществе, так и в преступном социуме. В этой связи для оперативных служб, полагаем, не составляет труда зафиксировать и задокументировать высокое положение указанных лиц. Соответственно, с учетом небольшого количества возбужденных уголовных дел в современной практике расследования рассматриваемого вида преступлений существуют проблемы, связанные с реализацией следователем собранной оперативными службами первичной информации.

При поступлении к следователю материалов, собранных в процессе оперативно-розыскных мероприятий о лице, занимающем высшее положение в преступной иерархии,

¹ Зуев Е. А. Криминальный лидер: особенности характеристики // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 1 (60). С. 46.

² Головин А. Ю. Криминалистическая систематика: монография / под общ. ред. Н. П. Яблокова. М.: ЛексЭст, 2002. С. 128.

³ Статистические данные 2019–2023 гг. // МВД России: офиц. сайт. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 19.11.2023).

⁴ Последняя «коронация» «воров в законе» в РФ прошла по мобильной связи // РИА Новости. 2009. 19 октября. URL: <https://ria.ru/20091019/189634057.html> (дата обращения: 11.11.2023).

следователь прежде всего должен исходить из четкого знания возможностей такого материала. Зачастую оперативные материалы в контексте рассматриваемой категории преступлений поступают в виде проведенных различного рода оперативных мероприятий, которые отражают преступную деятельность такой категории преступников. Поэтому правильная оценка представленных материалов следователем очень важна¹. Необходимо точно оценить их с точки зрения полноты, достоверности, чистоты их первоисточников и возможности их уголовно-процессуальной трансформации в процессе расследования и следственно-судебной перспективы².

Анализ изученных нами уголовных дел, а также результатов интервьюирования сотрудников подразделений по борьбе с организованной преступностью со стажем службы более десяти лет показал, что одним из затруднительных аспектов скорейшего завершения расследования рассматриваемого вида преступной деятельности является не всегда верно выбранная тактика реализации полученной информации следователем. В результате впоследствии допускают волокиту расследования уголовного дела, а также возникает необходимость задействования дополнительных и ненужных следственных и оперативных ресурсов, таких как проведение дополнительных следственных действий и повторных оперативных мероприятий.

Следователи в данном случае должны понимать, что рассматриваемое преступление отличается особыми свойствами и спецификой, поскольку центральной фигурой процесса расследования станут в первую очередь личность преступника и его распределительная деятельность. В связи с этим процесс сбора доказательств о причастности такого рода преступника в немалой степени будет зависеть от правильной и тактически верной реализации полученной следователем информации о подозреваемом.

Особенность реализации такой информации о рассматриваемой категории личности преступника заключается в интенсивном поиске, обнаружении и закреплении обстоятельств,

¹ Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. С. 43.

² Яблоков Н. П. Организованная преступная деятельность: теория и практика расследования. М.: Норма: Инфра-М, 2016. С. 161.

изобличающих криминального лидера в занятии высокого преступного криминального статуса. По сути, речь идет о поиске ответов на закономерные вопросы о том, какие индивидуально-личностные характеристики имеет подозреваемый и в чем именно проявилась роль рассматриваемого субъекта при реализации полномочий лица, занимающего высокий преступный статус. Признательных показаний или сотрудничества со следствием при расследовании данного уголовного дела ожидать не стоит, поскольку профессиональный следователь должен понимать, что рассматриваемые лица обладают в преступном мире особым статусом, имеют особенности по сравнению с другими категориями преступников. Для подозреваемого существуют определенные правила: преступные традиции, отступать от которых он не будет.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» существует 15 видов оперативно-розыскных мероприятий. По итогам проведенного анализа относительно рассматриваемой категории уголовных дел установлено, что чаще всего осуществляют такой вид оперативно-розыскных мероприятий, как наведение справок (6 %).

Действия следователя при получении оперативной информации (назовем их материалами о лице, занимающем высшее положение в преступной иерархии) должны характеризоваться максимальной оперативностью и неотложностью изучения следующих элементов:

1. Внешние данные, характеризующие подозреваемого, или, иными словами, криминальная атрибутика (символика), имеющаяся на теле подозреваемого, способ их обнаружения и фиксации, а в дальнейшем предоставления на комплексную экспертизу. Обратим внимание на значимость данного фактора. Так, по изученному уголовному делу¹, рассмотренному в одном из областных судов в отношении З., по признакам преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, адвокатом заявлены доводы о том, что криминальную символику, сигнализирующую приверженность к высокому статусу в криминальном мире, может нанести любой желающий в тату-салоне, а криминальная атрибутика на теле подсудимого отсутствовала, в чем были

¹ Дело № 2-3/2021 // Архив Пензенского областного суда. URL: <http://oblsud.pnz.sudrf.ru/> (дата обращения: 19.11.2023).

убеждены суд и государственный обвинитель (обвиняемым во время нахождения под стражей в следственном изоляторе повреждены различным образом нанесенные на теле татуировки). Вместе с тем, благодаря грамотным действиям следователя, которому при получении материалов оперативно-розыскной деятельности стало известно об имевшейся на теле подозреваемого криминальной атрибутике (восьмиконечных звездах в области ключиц), во время задержания им незамедлительно зафиксирована указанная атрибутика. При этом с использованием не только фотографирования, но и путем видеофиксации, и материалы впоследствии представлены специалистам-культурологам для изучения и дачи заключения о принадлежности их к высокому криминальному статусу. Суд, в свою очередь, по данному уголовному делу, не согласившись с вышеуказанными доводами адвоката, принял сторону обвинения.

2. Имеющиеся в материалах иные непроцессуальные документы, непосредственно относящиеся к жизни подозреваемого. К примеру, это так называемые воровские прогоны (выполненные на бумаге синей ручкой записи, относящиеся к статусу подозреваемого), в которых зачастую сохранена информация о «коронации» или придании иного высокого преступного статуса. Необходимо обеспечить незамедлительную сохранность таких документов. Нередко именно эти документы являются одним из фундаментальных доказательств распорядительных функций подозреваемого.

3. Определение уязвимых факторов подозреваемого, относящихся иным образом к его криминальному статусу. К ним, помимо указанного элемента в виде криминальной символики (атрибутики) на теле подозреваемого, могут относиться и возможные аксессуары (четки, наличие которых символизирует принадлежность к особой «блатной» группе лиц), вид ведения разговора («блатной» жаргон), музыка, умение играть в азартные игры и т. п.

4. Детально изучить видео- и фотоматериалы, полученные вследствие оперативно-розыскных мероприятий, в частности результаты наблюдения и прослушивания телефонных переговоров. В ходе исследования указанных материалов следователю необходимо проверить способ и время их получения, возможность дальнейшей следственно-судебной перспективы этих материалов. На их основе нужно установить лиц, с кем и где

встречался подозреваемый, каким образом и в отношении кого реализовывал распорядительные и иные функции (с помощью мессенджеров, обычных писем), кто являлся кругом его общения, кому подозреваемый рассказывал о своих намерениях, установить интимные связи лидера, были ли они и с кем, что именно лица, состоящие в интимной связи с лидером, знают о его преступном статусе, какие виды досуга существуют у рассматриваемой личности.

Таким образом, опираясь на полученные первоначальные данные, следователь должен определить наиболее оптимальные методы и средства, которые могут помочь ему в сборе доказательств преступного статуса лица. Иными словами, выбрать наиболее тактически верные решения реализации полученной информации. К таким решениям можно отнести:

- незамедлительное фиксирование при задержании путем фото- и видеосъемки криминальной символики (атрибутики) на теле подозреваемого;

- фиксирование изъятых различных документов («воровской прогон», письма и т. д.), в том числе обеспечение их сохранности и недоступности;

- проведение группового обыска. В связи с этим необходимо обратить внимание на места пребывания и жительства подозреваемого, поскольку в результате распространенной информации о его задержании могут быть предприняты действия по уничтожению следов преступления, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела; на установление средств связи подозреваемого, документов, свидетельствующих о финансировании его деятельности;

- производство допроса свидетелей по уголовному делу, при этом постановка вопросов о том, в чем именно выражено занятие подозреваемым высшей ступени в преступной иерархии, уточняя информацию о системе соподчинения в преступной иерархии, распорядительных, а в ряде случаев – судебных и карательных функций.

Необходимо понимать, что одним из основных этапов в процессе расследования преступления является планирование первоначальных следственных действий на основании представленных материалов оперативно-розыскной деятельности. Из проведенного опроса следователей установлено, что в 70 % случаев следователи составляли планы предварительного следствия, в том числе первоначальных

следственных действий. Содержание и уровень детализации указанного плана неразрывно связан с объемом представленной оперативными службами информации¹. В связи с этим можно обоснованно сделать вывод о том, что темп реализации представленной информации зависит от объема предоставленных материалов оперативно-розыскной деятельности.

Анализируя уголовные дела, возбужденные по признакам преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, мы обратили внимание на то, что при получении материалов оперативно-розыскной деятельности следователь предпочитает делать акцент на допросе подозреваемого с целью установления сопутствующих составов преступления. Подобная тактика, на наш взгляд, видится ошибочным, неправильным ходом реализации полученной оперативной информации. Такое видение ситуации, то есть фактически по другому вектору направления расследования, может лишь усугубить процесс интенсивности сбора доказательств причастности подозреваемого к высокому преступному статусу и привести к неверным тактическим шагам следователя. Суть рассматриваемого уголовно-правового запрета заключается в доказывании не отдельных преступных деяний криминального лидера (совершения грабежей, вымогательства и т. д.), а исключительно в установлении причастности в занятии высокого криминального статуса.

После подготовки и изучения представленных материалов появляется возможность для грамотно спланированного прогнозирования работы, проведения следственных действий с подозреваемым². Необходимо понимать, что следователь при расследовании данного преступления столкнется с лицами, обладающими высоким уровнем организованности, конспирации, технической и материальной оснащенности, высоким интеллектуальным потенциалом, умелой маскировкой преступной деятельности, а также негласным использованием и строгим соблюдением неписаных законов преступного мира, что является основополагающим фактором при расследовании уголовного дела. непрофессиональное использование имеющегося арсенала

¹ Эксархопуло А. А., Макаренко И. А., Зайнуллин Р. И. Криминалистика: история и перспективы развития. М.: Юрайт, 2023. С. 167.

² Эксархопуло А. А., Макаренко И. А., Зайнуллин Р. И. Криминалистика. Теоретический курс: монография. Уфа: НИИ ППГ, 2022. С. 648.

криминалистического обеспечения следователя приводит к противоречивой практике расследования данного преступления.

На наш взгляд, предложенный алгоритм изучения и в дальнейшем реализации полученной оперативной информации позволит следователям не только облегчить изыскание первоначальных доказательств причастности лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, к занимаемому статусу, но и способен в значительной степени предотвратить процесс эскалации противодействия следствию, который возможен при расследовании указанной категории уголовных дел со стороны подозреваемого.

Библиографический список

1. Зуев Е. А. Криминальный лидер: особенности характеристики // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 1 (60). С. 46–54.
2. Гавло В. К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. 211 с.
3. Головин А. Ю. Криминалистическая систематика: монография / под общ. ред. Н. П. Яблокова. М.: ЛексЭст, 2002. 128 с.
4. Эксархопуло А. А., Макаренко И. А., Зайнуллин Р. И. Криминалистика. Теоретический курс: монография. Уфа: НИИ ППГ, 2022. 648 с.
5. Последняя «коронация» «воров в законе» в РФ прошла по мобильной связи // РИА Новости. 2009. 19 октября. URL: <https://ria.ru/20091019/189634057.html> (дата обращения: 11.11.2023).
6. Рыжов Р. С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2004. 77 с.
7. Халиков А. Н. Особенности расследования получения взяток должностными лицами правоохранительных органов: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2005. 238 с.
8. Эксархопуло А. А., Макаренко И. А., Зайнуллин Р. И. Криминалистика: история и перспективы развития. М.: Юрайт, 2023. 167 с.

9. Яблоков Н. П. Организованная преступная деятельность: теория и практика расследования. М.: Норма: Инфра-М, 2023. 224 с.

И. А. Ковалев
частный инвестор
Danikeev89@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА: ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ СЛОЖНОСТИ

THE SOCIAL INFRASTRUCTURE: CIVIL RIGHTS OBJECT AND LEGISLATIVE COMPLEXITIES

В статье исследованы проблема выявления содержания и существенных характеристик понятия «социальная инфраструктура», а также специфика статуса ее элементов в контексте их понимания как объектов гражданского права. Установлено, что в настоящее время однозначные понятия «социальная инфраструктура» и «объект гражданского права» фактически отсутствуют как на доктринальном уровне, так и на нормативно-правовом. Для выявления особенностей правового режима социальной инфраструктуры видится необходимым нормативно унифицировать оба понятия. В настоящей статье приведены их авторские дефиниции, актуализирована необходимость принятия отдельного нормативно-правового акта, направленного на регулирование общих особенностей обращения с объектами социальной инфраструктуры, в котором законодателью следует осветить соответствующие положения, по крайней мере на понятийно-терминологическом уровне.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, инфраструктура, объект прав, гражданское право, объект гражданских прав, проблемы социальной инфраструктуры, понятие социальной инфраструктуры, понятие объекта права, объект социальной инфраструктуры, толкование права.

The article investigates the problem of identifying the content and essential characteristics of the concept of "social infrastructure", as well as the specifics of the status of its elements in the context of their understanding as objects of civil law. It is established that at present there are actually no unambiguous concepts of "social infrastructure" and "object of civil law" both at the doctrinal level and at the normative-legal level. To identify the peculiarities of the legal regime of social infrastructure it seems necessary to unify both concepts normatively. This article provides their author's definitions, actualises the need to adopt a separate normative-legal act aimed at regulating the general peculiarities of the treatment of social infrastructure objects, in which the

legislator should highlight the relevant provisions, at least at the conceptual and terminological level.

Keywords: social infrastructure, infrastructure, object of rights, civil law, object of civil rights, problems of social infrastructure, concept of social infrastructure, concept of object of law, object of social infrastructure, interpretation of law.

У сложение, перманентное развитие человеческой цивилизации и ее государственно-правовой составляющей неизбежно привело к формированию социальных государств, которые ориентированы на оказание своим гражданам всесторонней помощи и поддержки в социально-экономической сфере. Это стало возможным благодаря принятию государством на себя ряда обязательств, прямо направленных на гарантию обеспечения достойного уровня жизни и социального комфорта гражданам. Однако проблема состоит в том, что понятие социальной инфраструктуры до сих пор однозначно не определено, и в отечественной доктрине по-прежнему существуют различные мнения относительно того, что следует под ним понимать и какими фундаментальными признаками, раскрывающими его природу и сущность, оно обладает. Между тем выявление его содержания представляется необходимым для целей формирования адекватных подходов к правовому оперированию им в гражданско-правовом контексте (уточнения правового режима элементов социальной инфраструктуры как объектов гражданских прав).

Прежде всего укажем, что понятие «социальная инфраструктура» раскрыто в литературе с различных позиций, несмотря на его интуитивно кажущуюся простоту и очевидность. Это связано со сложностью отнесения к ней тех или иных видов и отраслей деятельности с учетом отсутствия соответствующих критериев и должного правового регулирования данного вопроса. Как пишет А. Б. Шакаров, в наиболее общем смысле «социальная инфраструктура представляет собой совокупность отраслей и предприятий, функционально обеспечивающих нормальную жизнедеятельность населения»¹. Однако даже поверхностный анализ истории становления и развития доктринальных подходов к понятию социальной инфраструктуры позволяет сделать

¹ Шакаров А. Б. Методологические основы управления социальной инфраструктурой // Журнал маркетинга, бизнеса и менеджмента. 2022. № 4. С. 158.

однозначный вывод о том, что такой емкой (хотя и интуитивно понятной) дефиницией ограничиться было бы не вполне корректно.

Т. Г. Разумовская предлагала дифференцировать инфраструктуру как таковую на производственную и социальную. При этом критерием демаркации, по ее мнению, должно было выступать функциональное предназначение зданий, сооружений и иных объектов (например, промышленные предприятия, ориентированные на изготовление хозяйственных товаров, рассматривали в качестве объектов производственной инфраструктуры, а образовательные учреждения, больницы, родильные дома и т. п. – в качестве элементов социальной инфраструктуры)¹. Однако в контексте такого подхода становится не вполне понятным, каким критериям отвечает инженерно-коммуникационная инфраструктура, поскольку очевиден тот факт, что она в равной мере ориентирована на обслуживание объектов обоих типов. Е. М. Милоенко полагает, что социальная инфраструктура – «это общественная материально-техническая база для создания и потребления социально-экономических услуг, обеспечивающая воспроизводство населения и формирующая достойный уровень и качество жизни человека в регионе и стране»². Предлагаемые дефиниции в целом близки к изначально обозначенной и носят подчеркнуто обобщенный характер, который, к сожалению, не позволяет адекватно вычленить сущностную основу и подвязать под нее конкретное правовое содержание.

Рассматривая развитие доктринальных подходов к понятию социальной инфраструктуры, нельзя не указать на радикальную дифференциацию взглядов, связанную с попыткой четко отграничить друг от друга в данном контексте два основных аспекта: вещественно-материальный и деятельностный. Авторы, полагающие, что социальная инфраструктура как явление манифестирует себя в первом из указанных аспектов, апеллировали к материально-производственной составляющей, находящейся в основе функционирования соответствующих

¹ См.: Ратьковская Т. Г. Социальная инфраструктура Сибири: вопросы исследования и развития. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, 2010. С. 14–15.

² Милоенко Е. В. Теоретические подходы к понятию социальной инфраструктуры // Инновационная наука. 2015. № 9. С. 177.

объектов (все они существуют в пространстве, спроектированы и построены под реализацию тех или иных целей и задач)¹. Представители альтернативного подхода², напротив, актуализировали исключительно их функционально-целевые характеристики и предпочитали выводить сущность социальной инфраструктуры именно через них (то есть под ней понимали практически любую деятельность, в процессе и результате которой происходит оказание гражданам и организациями тех или иных социальных услуг). В рамках такого подхода понятие социальной инфраструктуры как правило, интерпретируют в качестве общей совокупности различного рода форм и видов социально полезной общественной деятельности, сводящихся к аналогичному функционально-целевому знаменателю – оказанию населению взаимодополняющих (но не взаимозаменяемых) социальных услуг, ориентированных на обеспечение его благополучия.

Нельзя не обратить внимание на то, что концептуальное противостояние в данном случае носит сугубо формальный характер, и фактически оно может быть успешно нивелировано лишь указанием на то, что сложный, комплексный характер понятия социальной инфраструктуры изначально не предполагает его узкого трактования и искусственного ограничения каким-либо одним из аспектов. А. А. Попович верно пишет о том, что «социальная инфраструктура представляет собой сложный механизм, связывающий множество жизненно важных отраслей»³. Однако понимание социальной инфраструктуры как совокупности конкретных, существующих в действительности материально овециественных объектов, объединенных функционально-целевой направленностью, на протяжении долгого времени и в целом не без оснований господствовало в отечественной доктрине. К ней, как правило, относили большую часть объектов и элементов из сферы обслуживания (образовательные и медицинские учреждения, ЖКХ и учреждения бытового обслуживания, элементы

¹ См., напр.: Кириченко С. А. Подходы к сущности и классификации социальной инфраструктуры // Бизнес Информ. 2016. № 3 (458). С. 13.

² См.: Русскова Е. Г. Становление рыночной инфраструктуры: методологический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Право. 1997. Вып. 2. С. 22.

³ Попович А. А. Особенности управления социальной инфраструктурой // StudNet. 2020. № 9. С. 959.

транспортной инфраструктуры, культурно-научные учреждения, а также организации, осуществляющие кредитно-банковскую деятельность, и т. п.).

Вместе с тем, например, С. Г. Важенин предложил концептуально иной подход¹ к пониманию социальной инфраструктуры, которая, по его мнению, включала в себя совокупность элементов, во-первых, сферы жизнедеятельности, в рамках и посредством которых происходят такие фундаментальные экономические процессы, как распределение, торговля и обмен материальных и общественных благ; во-вторых, сферы охраны здоровья граждан (здравоохранения, социального обеспечения, санаторно-курортного обслуживания граждан); в-третьих, сферы потребления услуг (ЖКХ и иных формы бытового обслуживания населения, обеспечения функционирования транспортных магистралей); в-четвертых, элементов культурно-просветительской деятельности, направленной на популяризацию господствующих в обществе аксиологических, религиозных или научных парадигм; в-пятых, обеспечения правопорядка (финансирования и содержания правоохранительных органов, иных органов государственной власти и управления). Изложенный подход, действительно, видится в большей степени отвечающим реалиям практической жизнедеятельности населения, поскольку последняя структурно включает в себя не только интуитивно релевантные формы его социально-экономического обслуживания (жилищно-коммунальное обслуживание, здравоохранение, транспорт и т. п.), но и организацию досуговой сферы, обеспечение доступа к реализации трудовой функции, оптимизацию производственных процессов, многие другие аспекты.

Такого расширенного подхода придерживался, в частности, Ж. Т. Тощенко, который в контексте рассмотрения содержания понятия социальной инфраструктуры особое внимание акцентировал на отнесении к ней ряда объектов, в том числе спортивно-оздоровительного назначения, охраны экологии и окружающей среды от различного рода вредных воздействий, объектов, способствующих формированию условий для активной и

¹ См.: Важенин С. Г. Социальная инфраструктура народнохозяйственного комплекса. М.: Наука, 1984. С. 55.

здоровой общественно-политической деятельности и других¹. Вместе с тем в зарубежной литературе к объектам социальной инфраструктуры принято относить и исправительные учреждения, клубы по интересам, игровые зоны, кладбища и объекты, осуществляющие иные формы избавления от трупов умерших (крематории, научно-исследовательские центры).

В рамках других подходов предлагали в содержании понятия «социальная инфраструктура» разграничивать «отраслевые» пределы ее функционирования на социально-экономический аспект (в него структурно включена общая совокупность сфер общественной жизнедеятельности, направленных на обеспечение формирования трудового резерва, в частности здравоохранение, образование, культура) и бытовой аспект (к нему отнесены объекты ЖКХ, оптовой и розничной торговли, транспорта, а также сфера услуг в аспекте удовлетворения личных потребностей граждан). Отдельно выделяли направления деятельности, результатом которой была соответствующая услуга (функция). К последним относили, во-первых, отрасли, обеспечивающие образовательно-воспитательную и просветительские функции, учреждения искусства (музеи, театры, галереи, вернисажи, спортивные площадки, досуговые центры); во-вторых, отрасли или сферы, ориентированные на удовлетворение бытовых (или личных) нужд и потребностей населения (деятельность объектов ЖКХ, общепитов, кредитно-банковских организаций и т. п.); в-третьих, деятельность в сферах и областях, имеющих узловое государственно-управленческое значение и обеспечивающих общее социально-экономическое функционирование общества (деятельность исполнительных, законодательных и судебных органов государственной власти, политических партий и общественных организаций и т. п.).

В этом контексте снова актуализирован «конфликт» вещественно-материального и деятельностного подходов к понятию социальной инфраструктуры. Однако приведенные выше примеры, как нам представляется, наглядно иллюстрируют его кажущийся характер: по существу, авторы ведут речь об аналогичных вещах, изменяя лишь условную призму их восприятия. Важным, полагаем, сделать указание на то, что

¹ См.: Тощенко Ж. Т. Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М.: Мысль, 1980. С. 10–11.

полное отождествление понятия социальной инфраструктуры с понятиями сферы услуг (обслуживания) и непроизводственной сферы было бы не вполне корректным, хотя это, на первый взгляд, и закономерно вытекает из сути деятельностного подхода. Данные понятия, безусловно, между собой теснейшим образом связаны, о чем свидетельствует по меньшей мере значение слова «услуга» (определить ее как нечто заведомо конкретное невозможно, поскольку оно включает в себя целый спектр форм и видов деятельности¹, ориентированных на достижение результата). Вместе с тем разница между данными понятиями, полагаем, существует, хотя и носит во многом формальный характер. Сфера услуг условно вычлняется из видов экономической деятельности по критерию формы манифестации результатов этой деятельности: сфера услуг характеризуется тем, что результат соответствующих видов деятельности предстает в виде особым образом выраженной потребительской стоимости, которая не овеществлена в реальном мире (то есть не имеет прямого материального выражения, характерного, например, для торговли или производства). Однако непроизводственная сфера не исчерпывается исключительно сферой обслуживания населения. Вместе с тем и то, и другое структурно включено в понятие «сфера услуг», являющееся по отношению к ним родовым, общим. По сути, непроизводственная сфера содержит в себе отраслевые комплексы экономической деятельности, которые генерируют услуги и ввиду этого вырваны из материально-производственного контекста. Сфера же обслуживания населения, выступающая частным элементом непроизводственной сферы, содержит в себе ряд отраслей экономической деятельности, которые включены в непроизводственную сферу и которые при этом функционально ориентированы на оказание населению ряда социальных услуг (в сферах коммунально-бытового обслуживания, транспортных услуг, пенсионного обеспечения, страхования и т. п.).

Таким образом, понятия «непроизводственная сфера» и «сфера обслуживания населения» соотносятся как общее и частное. Понятие же социальной инфраструктуры в этом контексте

¹ ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности: утв. приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163320/ (дата обращения: 22.06.2023).

является как бы промежуточным, поскольку, во-первых, структурно в нее включены далеко не все отраслевые экономические комплексы непроизводственной сферы; во-вторых, ввиду ее более широкого содержания (элементы материального производства имеют к ней прямое и непосредственное отношение в виде соответствующих объектов, зданий, сооружений и т. п.). Нельзя не обратить внимание на то, что социальная инфраструктура должна иметь самостоятельное нормативно-управленческое регулирование ввиду того, что она представляет собой не просто форму выражения социальных особенностей хозяйствования, а вполне самостоятельную организованную систему, в которой органично объединены различные институционально-отраслевые комплексы производственных и непроизводственных направлений общественной деятельности.

Далее представляется целесообразным перейти к анализу вопроса о сущности понятия «объект гражданских прав», относительно которого ситуация видится, хотя и менее неопределенной, чем в отношении понятия социальной инфраструктуры, но требующей уточнений. В отечественной цивилистике содержание понятия «объект гражданских прав» трактовали и даже в современной доктрине продолжают трактовать неоднозначно. Так, правовой статус бездокументарных ценных бумаг или, например, электронных денег с точки зрения гражданского права является неоднозначным и в настоящее время не имеет четкого нормативного регулирования. Е. Ю. Пащенко пишет о том, что «система объектов гражданских прав как доктринальная категория представляет собой совокупность, множество объектов, в отношении которых могут быть установлены гражданские права (вещные, обязательственные, корпоративные, интеллектуальные, личные неимущественные). Основным ее системообразующим элементом должны быть признаны субъективные гражданские (частные) права. Система объектов гражданских прав является открытой»¹. Однако, в отличие от понятия социальной инфраструктуры, относительно понятия «объекты гражданского права» ситуация несколько упрощается в связи с наличием в ст. 128 Гражданского кодекса Российской

¹ Пащенко Е. Ю. Система объектов гражданских прав // Образование и право. 2022. № 8. С. 158.

Федерации (ГК РФ)¹ исчерпывающего перечня таких объектов. Исчерпывающий характер перечня объектов гражданских прав, приведенных в ст. 128 ГК РФ, многие авторы ставят под сомнение, так как они полагают, что оснований для возникновения гражданских правоотношений крайне много, перечень соответствующих объектов вариативен и в полной мере не исчерпывается перечнем, представленным в указанной норме. Вместе с тем объект гражданского права как самостоятельное понятие все-таки не находит в ГК РФ четкой и нормативно закрепленной дефиниции.

В этом смысле представляется целесообразным актуализировать наиболее фундаментальные характеристики и признаки (свойства), которые могут и, более того, должны быть присущи объекту для его признания релевантным гражданским правоотношениям. Интересным видится подход, предложенный В. А. Лапач², который актуализировал в качестве таковых три следующих признака: дискретность, юридическую привязку и системную связь с существующими институтами. Полагаем, их содержание нуждается в разъяснении.

Под дискретностью в данном контексте предлагаем понимать условный критерий демаркации объектов друг от друга по тем или иным характеристикам (пространственным, правовым и т. п.). В этом контексте элементы социальной инфраструктуры вполне соотносятся с данным признаком и соответствуют требованию дискретности. Нельзя не учитывать, что большинство таких элементов представляют собой материально овеществленные субстанции (сооружения, здания и т. п.), которые могут быть легко отграничены друг от друга ввиду присущей им требуемой индивидуальной автономности (наиболее четко в отношении объектов социальной инфраструктуры она проявляется в функциональном аспекте, подчеркивающим степень их индивидуализации).

Правовой режим (или так называемая юридическая привязка) предполагает возможность закрепления соответствующего объекта гражданского права за его субъектом

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 14 апреля 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

² См.: Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 159.

на основании норм законодательства и тем самым легитимации его введения в гражданский оборот со всеми правовыми последствиями (постановкой на учет, определением оснований его приобретения или отчуждения субъектом права, правилами его использования и санкциями за их нарушение, пределами и особенностями эксплуатации и т. п.). Вместе с тем относительно признака возникают и затруднения, поскольку он, как следует из его содержания, формально проявляется лишь в случае, если объект введен в гражданский оборот, а соответственно, признан объектом. Но до этого момента некоего условного блага еще формально не существует в рамках определенного правового режима, а значит, и объектом гражданских прав, на первый взгляд, оно являться не может. Речь идет именно о потенциальной возможности вкрапления того или иного блага в контекст действующего законодательства с целью его последующей формализации и закрепления за ним статуса объекта гражданского права.

Наконец, системный характер блага, претендующего на статус объект гражданских прав, в каком-то смысле концептуально продолжает предыдущий признак и в наиболее общем виде связан с возможностью его органичного интегрирования в функционирующую гражданско-правовую парадигму, отсутствием необходимости для законодателя разрабатывать под него самостоятельную институционально-правовую инфраструктуру (хотя подобные примеры известны; в частности, история появления и формализации института исключительных прав представляет собой яркий пример того, как благо, претендовавшее на статус объекта гражданских прав, требованию системного характера не отвечало, но впоследствии было успешно интегрировано в гражданско-правовую систему).

Рассмотрим далее вопрос об определении правового режима (статуса) объектов социальной инфраструктуры. Прежде всего обратим внимание на ряд нормативно-правовых актов, которыми данные вопросы в той или иной степени регламентированы. В этом контексте можно выделить такие подзаконные и ведомственные нормативы, как постановление Правительства РФ от 1 октября 2015 г. № 1050 «Об утверждении требований к программам комплексного развития социальной

инфраструктуры поселений, городских округов»¹ (согласно этому Постановлению под объектами социальной инфраструктуры поселения, городского округа понимают объекты местного значения поселения, городского округа в областях образования, здравоохранения, физической культуры и массового спорта и культуры), распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2021 г. № 1486-р «О Перечне объектов социальной инфраструктуры, проектная документация на строительство, реконструкцию которых не является объектом государственной экологической экспертизы»² (согласно этому Распоряжению к ним следует отнести объекты специализированного жилищного фонда, площадки для занятий физической культурой и спортом на открытом воздухе, оборудованные площадки для занятий спортом, административные здания, предназначенные для размещения органов государственной власти и органов местного самоуправления, судов, организаций, непосредственно обеспечивающих их деятельность, многофункциональных центров государственных и муниципальных услуг, объекты капитального строительства, предназначенные для наблюдений за физическими и химическими процессами, происходящими в окружающей среде, объекты, являющиеся объектами культурного наследия и др.), а также Свод правил 136.13330.2012 «Здания и сооружения. Общие положения проектирования с учетом доступности для маломобильных групп населения» (в данном Своде указано, что объектами социальной инфраструктуры выступают здания, сооружения, их комплексы и входящие в их состав помещения многоквартирных домов, учреждений социального, медицинского, бытового, культурно-зрелищного, торгового, кредитно-финансового, банковского, гостиничного, туристического, санаторно-курортного и пассажирского обслуживания населения, воспитания, образования, отдыха, туризма, спорта и трудовой деятельности, по представлению

¹ См.: Об утверждении требований к программам комплексного развития социальной инфраструктуры поселений, городских округов: постановление Правительства РФ от 1 октября 2015 г. № 1050 (в ред. от 2 августа 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 41 (ч. III). Ст. 5661.

² См.: О Перечне объектов социальной инфраструктуры, проектная документация на строительство, реконструкцию которых не является объектом государственной экологической экспертизы: распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2021 г. № 1486-р (в ред. от 30 октября 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 24. Ст. 4532.

услуг связи и информационных услуг, иных учреждений и организаций, связанных с обеспечением жизнедеятельности и обслуживанием населения, а также участки и элементы застройки территорий указанных учреждений¹).

Анализ положений приведенных выше документов недвусмысленно свидетельствует о том, что позиция законодателя относительно содержания социальной инфраструктуры и входящих в нее объектов в полной мере соответствует доктринальным авторским предложениям расширительных интерпретаций исследуемого понятия. Соответственно, возвращаясь к вопросу о специфике правового режима (статуса) данных объектов, нельзя не указать на один из возможных вариантов его разрешения, а именно признание их единым недвижимым комплексом, согласно ст. 133.1 ГК РФ, со всеми последствиями, связанными с признанием объекта неделимой вещью. Данный объект гражданских прав сам по себе не лишен внутренних недостатков и пробелов, о которых справедливо пишут многие представители отечественной гражданско-правовой доктрины², но адекватных альтернатив оформления правового статуса объектов социальной инфраструктуры, которые бы были основаны на нормах действующего законодательства, в настоящее время не выявлено.

В заключение обобщим все вышеизложенное и сформулируем ряд резюмирующих тезисов:

– во-первых, основная проблема формализации элементов социальной структуры в качестве объектов гражданских прав сводится к отсутствию унифицированной и нормативно закрепленной дефиниции обоих понятий, что создает существенные различия и противоречия в интерпретации их содержания, особенностей правового режима функционирования и ряда иных гражданско-правовых аспектов. Однако понятие социальной инфраструктуры все-таки имеет определенную историю формирования и концептуального развития, которую надлежит восстановить из анналов отечественной доктрины и на

¹ См.: Об утверждении Изменения № 1 к СП 136.13330.2012 «Здания и сооружения. Общие положения проектирования с учетом доступности для маломобильных групп населения: приказ Минстроя России от 9 сентября 2016 г. № 626/пр // Информационный бюллетень о нормативной, методической и типовой проектной документации. 2017. № 1.

² См., напр.: Чуракова Е. В. Единый недвижимый комплекс: проблемы правового регулирования // Столыпинский вестник. 2023. № 3. С. 1405.

основании анализа реконструировать его адекватную концептуальную модель. Это представляется особенно уместным и необходимым ввиду того, что в ряде действующих нормативов законодатель оперирует категорией «объекты социальной инфраструктуры», в различных контекстах приводит их перечни, что свидетельствует о том, что эти понятия релевантны актуальной социально-экономической конъюнктуре;

– во-вторых, с целью способствования решению данной проблемы предложены авторские дефиниции понятий социальной инфраструктуры и объектов гражданского права. Под первой считаем целесообразным понимать общую совокупность институционально-отраслевых комплексов экономической деятельности как производственной, так и непроизводственной сфер (в том числе сферы обслуживания), функционально ориентированных на обеспечение благополучной общественной жизнедеятельности населения в фундаментально значимых областях (таких как труд, досуг, семья, быт, культура и др.). Под объектом гражданских прав уместно понимать всякое материальное или нематериальное благо, которое потенциально может быть использовано в обороте с целью удовлетворения чьей-либо потребности и которое в связи с этим должно отвечать требованиям дискретности, юридической привязки и системного характера;

– в-третьих, для унификации правового регулирования общественно-правовых отношений, возникающих в связи с формированием, эксплуатацией или иными формами правового обращения с объектами социальной инфраструктуры, видится целесообразным принять отдельный нормативный акт, который бы содержал общие положения и принципы регулирования данной сферы (в качестве модельного образца может быть применен Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹, а его положения в аспектах основных понятий, категорирования соответствующих объектов и т. п. адаптированы под социальную сферу).

¹ См.: О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: федер. закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4736.

Библиографический список

1. Важенин С. Г. Социальная инфраструктура народнохозяйственного комплекса. М.: Наука, 1984. 170 с.
2. Кириченко С. А. Подходы к сущности и классификации социальной инфраструктуры // Бизнес Информ. 2016. № 3 (458). С. 13–17.
3. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 542 с.
4. Милоенко Е. В. Теоретические подходы к понятию социальной инфраструктуры // Инновационная наука. 2015. № 9. С. 177–179.
5. Пащенко Е. Ю. Система объектов гражданских прав // Образование и право. 2022. № 8. С. 158–161.
6. Попович А. А. Особенности управления социальной инфраструктурой // StudNet. 2020. № 9. С. 957–962.
7. Ратьковская Т. Г. Социальная инфраструктура Сибири: вопросы исследования и развития. Новосибирск: Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, 2010. 175 с.
8. Русскова Е. Г. Становление рыночной инфраструктуры: методологический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Право. 1997. Вып. 2. С. 18–24.
9. Тощенко Ж. Т. Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. М.: Мысль, 1980. 206 с.
10. Чуракова Е. В. Единый недвижимый комплекс: проблемы правового регулирования // Стольпинский вестник. 2023. № 3. С. 1405–1414.
11. Шакаров А. Б. Методологические основы управления социальной инфраструктурой // Журнал маркетинга, бизнеса и менеджмента. 2022. № 4. С. 156–159.

С. Г. Коваленко

аспирант кафедры публичного права
Санкт-Петербургского государственного университета
аэрокосмического приборостроения
Россия, г. Санкт-Петербург
mirag88@mail.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО
ИСПОЛНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**THE ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE
ACTIVITY OF THE COERCIVE ENFORCEMENT BODIES OF
THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье рассмотрены вопросы, связанные с нормативно-правовым регулированием деятельности органов принудительного исполнения. Проанализированы последние изменения в российском законодательстве относительно Федеральной службы судебных приставов (ФССП). С помощью статистических данных исследованы вопросы практики, связанные с эффективностью принудительного исполнения актов публичной власти судебным приставом. Сформулированы актуальные проблемы функционирования органов принудительного исполнения, определены пути их решения. Сделан вывод о том, что, несмотря на последние законодательные изменения в сфере исполнительного производства, по-прежнему наблюдается несовершенство его нормативно-правовой базы, что оказывает существенное влияние на снижение эффективности работы судебных приставов. В связи с этим автор вносит ряд предложений, направленных на ее оптимизацию. В частности, предложено увеличить количество штатных мест в органах принудительного исполнения, что повлияет на снижение количества дел в производстве судебного пристава и улучшение качества их исполнения; активнее внедрять цифровые технологии в работу судебных приставов по аналогии с Единой информационной системой нотариата; изменить структуру распределения исполнительского сбора, чтобы часть этой суммы перенаправить непосредственно исполнителям.

Ключевые слова: права человека, судебный пристав, органы принудительного исполнения, Федеральная служба судебных приставов, исполнительное производство, исполнительный документ, судебная власть, судебное уведомление.

The article deals with the issues related to the normative-legal regulation of the activities of enforcement authorities. The latest changes in the Russian legislation concerning the Federal Bailiff Service (FBSS) are analysed. With the help of statistical data the questions of practice related to the effectiveness of compulsory execution of acts of public authority by bailiffs are investigated. The actual problems of functioning of enforcement authorities are formulated, the ways of their solution are determined. It is concluded that, despite the recent legislative changes in the field of enforcement proceedings, there are still imperfections in its regulatory and legal framework, which has a significant impact on reducing the effectiveness of bailiffs. In this regard, the author makes a number of proposals aimed at its optimisation. In particular, it is proposed to increase the number of staff positions in the enforcement authorities, which will reduce the number of cases in the proceedings of a bailiff and improve the quality of their execution; to more actively introduce digital technologies in the work of bailiffs by analogy with the Unified Information System of the notariat; to change the structure of distribution of the enforcement fee to redirect part of this amount directly to bailiffs.

Keywords: human rights, bailiff, enforcement authorities, Federal Bailiff Service, enforcement proceedings, enforcement document, judicial authority, court notification.

В 2020 г. произошла масштабная реформа относительно деятельности органов принудительного исполнения, которая внесла ряд положительных для Федеральной службы судебных приставов (ФССП) изменений, необходимых и ожидаемых. С 1 января 2020 г. вступил в силу Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения»¹, который приравнял службу судебных приставов к правоохранительным органам, тем самым присвоил им статус государственного служащего, включающий в себя специальные звания, повышенное денежное довольствие, систему социально-экономических гарантий и др.

Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ стандартизировал деятельность службы судебных приставов, дополнил систему аттестации сотрудников, то есть стало необходимым иметь профильное высшее образование, успешно пройти испытательный срок на неаттестованной должности.

¹ О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 40. Ст. 5488.

Данные изменения были призваны обеспечить высокий уровень профессиональной подготовки сотрудников органов принудительного исполнения и повысить эффективность работы службы в целом¹.

Одним из важнейших изменений стало обеспечение судебных приставов социально-экономическими гарантиями со стороны государства. Они включают в себя стандартизацию денежного довольствия сотрудников, которое постоянно выплачивают из государственного бюджета; льготные условия получения медицинской помощи, с возмещением расходов на необходимое лечение; возможность получения образования членами семей служащих; получение жилищной площади по льготным условиям и др. Подобные меры направлены на формирование авторитета органов принудительного исполнения, атмосферы спокойствия и стабильности нахождения на государственной службе. Это позволяет справляться с кадровыми проблемами, которые и сегодня существуют в органах принудительного исполнения.

Основу деятельности ФССП составляет исполнительное производство. Оно играет важную роль в социально-экономической жизни общества. Именно исполнительное производство гарантирует обеспечение защиты субъектов экономической деятельности от недобросовестного противоправного поведения ее сторон. Однако существует ряд проблем в реализации главных функций исполнительного производства. Они отражены в неэффективности мер принуждения его сторон, а также работы органов принудительного исполнения².

¹ *Ахмедов А. Ф.* Новые функции федеральной службы судебных приставов: проблемы практики // *Образование и право.* 2021. № 3. С. 163; *Шевелева О. Б.* К вопросу о проблемах деятельности Федеральной службы судебных приставов России // *Россия молодая: сб. материалов XI Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых* (г. Кемерово, 16–19 апреля 2019 г.). Кемерово: КузГТУ, 2019. С. 113; *Федоров П. Р.* Органы принудительного исполнения судебных актов // *Право: современные тенденции: материалы IV Междунар. науч. конф.* (г. Краснодар, февраль 2017 г.). Краснодар: Новация, 2017. С. 131.

² *Олейникова С. В., Фролов С. С.* Проблемы законодательного регулирования социальных гарантий сотрудников ФССП России // *Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы – 2011: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 2* (г. Воронеж, 6–7 октября 2011 г.) / отв. за выпуск А. Н. Лукин. Воронеж: Научная книга, 2011. С. 229; *Терешина А. С.* Проблематика исполнения судебных решений органами ФССП РФ // *Организационное,*

По итогам анализа статистических данных деятельности ФССП¹ можно сделать вывод о положительной динамике их работы, показатели превышают прогнозируемые цифры. Но, изучив данные прошлых лет, фактически можно заключить, что количественные и качественные показатели работы службы падают. Ежегодно количество неисполненных производств растет, количество исполнительных производств, возлагаемых на одного судебного пристава, увеличивается, что снижает эффективность их работы. Возникают все новые проблемы, которые необходимо решать. Приведем некоторые из них и рассмотрим возможные способы их решения.

1. Огромная нагрузка, возлагаемая на сотрудников ФССП, которая установлена Министерством труда и социального развития РФ и Минюстом России в постановлении от 15 августа 2002 г. № 60/1 «Об утверждении норм нагрузки судебных приставов»². В среднем в 2022 г. у одного судебного пристава-исполнителя на исполнении находилось 5,6 тыс. исполнительных производств (в 2021 г. – 4,9 тыс.), что в 21,2 раза превышает установленную норму нагрузки судебного пристава-исполнителя³. Безусловно, такая нагрузка отражается на качестве выполняемой работы, появлении усталости у сотрудников, проблем, связанных со здоровьем, что приводит к потере ценных опытных кадров, штатному некомплекту⁴.

Для решения этой проблемы необходимо увеличить количество штатных мест в органах принудительного исполнения, а также повлиять на снижение количества дел,

процессуальное и криминалистическое обеспечение уголовного производства: материалы VI Междунар. науч. конф. студентов и магистрантов (г. Симферополь, 15 декабря 2017 г.) / сост. Т. В. Омельченко. Симферополь: Ариаал, 2017. С. 107; Омаров Г. С. Совершенствование организации противодействия коррупции в системе ФССП России // Юридический факт. 2019. № 53. С. 56.

¹ Отчеты о выполнении плана работы и показателей деятельности Федеральной службы судебных приставов на 2022 год // ФССП России. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/2843812 (дата обращения: 12.02.2024).

² Об утверждении нагрузки судебных приставов: постановление Минтруда РФ и Минюста РФ от 15 августа 2002 г. № 60/01 // Бюллетень Министерства труда и социального развития РФ. 2002. № 9.

³ Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2022 г. // ФССП России. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/2837777 (дата обращения: 11.02.2024).

⁴ Ткаченко В. В. Совершенствование организации деятельности службы судебных приставов // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 4. С. 28.

поступающих в производство судебного пристава. К примеру, согласно п. 1 ст. 8 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», взыскатель вправе лично направить исполнительный документ о взыскании денежных средств или об их аресте в банк или иную кредитную организацию¹. Однако обеспечить самостоятельность взыскателей сложно ввиду их низкой правовой грамотности. В связи с этим предлагаем повышать уровень правовой культуры граждан РФ, а также внести поправки в законодательство, расширив полномочия взыскателя. Полагаем, что данные решения облегчат работу судебных приставов и обеспечат эффективность их деятельности.

2. Нарушения судебными приставами норм законодательства. Среди таких нередких нарушений можно выделить недобросовестное исполнение обязанностей судебными приставами, несвоевременное оповещение участников процесса о ходе исполнения судебных решений, преждевременное применение принудительных мер взыскания или обращение взыскания на имущество до истечения установленного срока для добровольного исполнения обязательств. Кроме того, возникают и ситуации, в которых процедуры исполнения прекращают без наличия веских причин для этого.

Деятельность судебных приставов тесно связана с другими органами публичной власти: Пенсионным фондом РФ, Госавтоинспекцией, Центральным банком РФ и др. Зачастую нарушения, допускаемые судебными приставами, обусловлены несвоевременностью получения данных из запрашиваемого органа публичной власти, что приводит к нарушению сроков по исполнительному производству и подрывает авторитет службы².

ФССП постоянно взаимодействует с АО «Почта России». Часто происходит нарушение сроков отправки почтовых уведомлений. Согласно ст. 13.26 Кодекса РФ об административных правонарушениях³ оператор почтовой связи, нарушивший правила оказания услуг почтовой связи (сроки,

¹ Об исполнительном производстве: федер. закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

² Львова К. А. Совершенствование деятельности службы судебных приставов // Молодой ученый. 2020. № 38 (328). С. 105.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

порядок доставки) в случаях, связанных с письмами, имеющими помету «судебное», адресованными извещаемой стороне, несет административную ответственность. К тому же оператор обязан сообщить суду о дате доставления извещения. Эта статья относится только к судебным письмам. Однако отправления, которые формируют судебные приставы, также нуждаются в законодательном регулировании и присвоении им приоритета наравне с судебными. Следует внести изменения в законодательство и приравнять статус писем, имеющих помету «судебное», к отправлениям ФССП.

Кроме того, для повышения эффективности работы судебных приставов в законодательство РФ с 2020 г. внесены поправки¹, которые закрепили, что стороны исполнительного производства считаются извещенными и посредством Госуслуг. Процесс цифровизации работы органов принудительного исполнения положительно сказывается на показателях эффективности. В связи с этим предлагаем внедрять цифровые нововведения в работу ФССП по аналогии с институтом нотариата и их Единой информационной системой нотариата.

3. В условиях, если сфера принудительного исполнения актов органов публичной власти испытывает острую потребность в квалифицированных кадрах, стоит пересмотреть существующую систему финансирования. Это повысит мотивацию судебных приставов и, как следствие, улучшит эффективность взыскания долгов. Одним из возможных решений является изменение структуры распределения исполнительского сбора, взимаемого при исполнении судебных решений.

В настоящее время семь процентов от сбора уходит в федеральный бюджет. Однако суть нашего предложения состоит в том, чтобы часть этой суммы была перенаправлена исполнителям. Предлагаем оставить четыре процента в федеральном бюджете, которые будут продолжать финансировать общегосударственные нужды, а оставшиеся три процента можно было бы использовать для стимулирования работников ФССП. Эти средства станут основой формирования

¹ О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 40. Ст. 5488.

премиального фонда, который будет распределен среди судебных приставов территориальных органов службы.

Данный шаг приведет не только к повышению качества работы служащих, но и увеличению объема взысканных долгов. Это может способствовать мотивации судебных приставов, стать удерживающим фактором, поскольку финансовое стимулирование труда естественным образом влияет на рабочий настрой сотрудника. В долгосрочной перспективе такая политика может обеспечить более высокий уровень исполнения судебных решений и повысить авторитет ФССП, обеспечив приток кадров.

Таким образом, можно сделать следующий вывод. Несмотря на то, что законодательство РФ в сфере исполнительного производства постоянно модернизируется, существует ряд трудностей, обусловленных несовершенством нормативно-правовой базы. Эти недостатки в законодательстве оказывают влияние на эффективность работы судебных приставов, поскольку именно они сталкиваются с проблемами при взыскании долгов, реализации иных решений судов и др. Важным шагом на этом пути станет внедрение цифровых технологий, которые могут значительно сократить время на обработку исполнительных производств и повысить их прозрачность для всех участников процесса. В целом можно ожидать, что в будущем система исполнительного производства в России станет более совершенной и эффективной, благодаря продолжающимся реформам и вниманию, уделяемому государством службе судебных приставов.

Библиографический список

1. Ахмедов А. Ф. Новые функции федеральной службы судебных приставов: проблемы практики // Образование и право. 2021. № 3. С. 163–167. 2. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2022 году // ФССП России. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/2837777 (дата обращения: 11.02.2024).

3. Львова К. А. Совершенствование деятельности службы судебных приставов // Молодой ученый. 2020. № 38 (328). С. 105–107.

4. Олейникова С. В., Фролов С. С. Проблемы законодательного регулирования социальных гарантий

сотрудников ФССП России // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы –2011: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 т. Т. 2 (г. Воронеж, 6–7 октября 2011 г.) / отв. за выпуск А. Н. Лукин. Воронеж: Научная книга, 2011. С. 229–236.

5. Омаров Г. С. Совершенствование организации противодействия коррупции в системе ФССП России // Юридический факт. 2019. № 53. С. 56–58.

6. Отчеты о выполнении плана работы и показателей деятельности Федеральной службы судебных приставов на 2022 год // ФССП России. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/2843812 (дата обращения: 12.02.2024).

7. Терешина А. С. Проблематика исполнения судебных решений органами ФССП РФ // Организационное, процессуальное и криминалистическое обеспечение уголовного производства: материалы VI Междунар. науч. конф. студентов и магистрантов (г. Симферополь, 15 декабря 2017 г.) / сост. Т. В. Омельченко. Симферополь: Ариал, 2017. С. 107–108.

8. Ткаченко В. В. Совершенствование организации деятельности службы судебных приставов // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 4. С. 28–34.

9. Федоров П. Р. Органы принудительного исполнения судебных актов // Право: современные тенденции: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Краснодар, февраль 2017 г.). Краснодар: Новация, 2017. С. 131–133.

10. Шевелева О. Б. К вопросу о деятельности Федеральной службы судебных приставов России // Россия молодая: сб. материалов XI Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых (г. Кемерово, 16–19 апреля 2019 г.). Кемерово: КузГТУ, 2019. С. 113–115.

А. А. Колотилна

аспирант

кафедры уголовного права и криминологии
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации имени А. Я. Сухарева
Россия, г. Москва
missn@list.ru

**УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ СУДЕБНЫМИ
ПРИСТАВАМИ-ИСПОЛНИТЕЛЯМИ**

**THE CRIMINAL LEGAL PROCEDURES OF OFFICIAL
OFFENCES COMMITTED BY
BAILIFFS-EXECUTIVE BAILIFFS BAILIFFS-EXECUTORS**

В статье рассмотрены вопросы, связанные с установлением уголовно-правовых характеристик должностных преступлений сотрудников органа исполнительного производства Российской Федерации (РФ). Утверждается, что объектом должностных преступлений, совершаемых судебными приставами-исполнителями, являются охраняемые уголовным законом общественные отношения, выраженные в обеспечении законного функционирования государственной власти и интересов государственной службы, которым причинен вред или создана угроза причинения вреда. Объективная сторона негативных последствий преступной деятельности судебных приставов-исполнителей выражена в дискредитации органов Федеральной службы судебных приставов России, нарушении имущественных прав взыскателя, неисполнении судебных решений, нанесении материального ущерба бюджету РФ. Субъектом должностных преступлений, совершаемых судебными приставами-исполнителями, выступает должностное лицо, осуществляющее функции представителя власти, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции. Субъективная сторона должностных преступлений, совершаемых приставами-исполнителями, выражена в корыстной (например, материальное благополучие) и иной личной заинтересованности (например, карьеризм).

Ключевые слова: должностное преступление, пристав-исполнитель, орган принудительного исполнения, представитель власти,

имущественные права, причинение вреда, объект должностного преступления, ущерб бюджету.

The article considers the issues related to the establishment of criminal-legal characteristics of official offences of employees of the enforcement authority of the Russian Federation (RF). It is argued that the object of official crimes committed by bailiffs-executive officers are public relations protected by criminal law, expressed in ensuring the legitimate functioning of state power and the interests of public service, which are harmed or threatened with harm. The objective side of the negative consequences of the criminal activity of bailiffs-executors is expressed in discrediting the bodies of the Federal Bailiff Service of Russia, violation of property rights of the claimant, non-execution of court decisions, causing material damage to the budget of the Russian Federation. The subject of official crimes committed by bailiffs-executors is an official who performs the functions of a representative of power, organisational and administrative or administrative and economic functions. The subjective side of official crimes committed by bailiffs-executive bailiffs is expressed in selfish (e.g., material well-being) and other personal interest (e.g., careerism).

Keywords: official offence, bailiff-executive, enforcement authority, representative of authority, property rights, infliction of harm, object of official offence, damage to the budget.

Проблема установления объективных признаков должностных преступлений на протяжении развития уголовного права является наиболее дискуссионной. Особую когорту составляют должностные преступления сотрудников Федеральной службы судебных приставов (ФССП) России, поскольку исполнительное производство – это значимая область правовой политики государства. Особенность таких преступлений состоит в обособленности видового и родового объекта от остальных должностных преступлений, заключающихся в должностной приверженности судебных приставов-исполнителей государственному аппарату, исключаящему службу в органах местного управления.

Переходя к исследованию вопроса об определении вертикальной структуры рассматриваемых преступлений, следует указать, что установление родового и видового объекта исключительно из названия разделов Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) представляется ошибочным. Как справедливо пишет П. С. Яни, «... если исходить из того, что видовой объект является частью объекта родового, а родовой объект соответствует названию раздела X УК РФ, то за пределами видового объекта должностных преступлений останутся

посягательства на интересы службы в органах местного самоуправления, поскольку последние не входят в систему органов государственной власти»¹.

Б. В. Волженкин к объекту рассматриваемой группы преступлений относит государственную власть, а также интересы государственной службы². Соглашаясь с его точкой зрения, обратим внимание на то, что рассмотрение родового объекта без учета интересов государственной службы не представляется целесообразным, поскольку преступления против государственной власти и преступления против интересов государственной службы посягают на разные общественные отношения.

По мнению Е. В. Благова, должностные преступления посягают на интересы аппарата публичной власти³. При таком подходе вопрос заключается в раскрытии содержания формулировки аппарата публичной власти, использованной с целью создания более краткого и лаконичного определения родового объекта.

Пленум Верховного Суда РФ выделяет в качестве видового объекта преступления регламентированную нормативными правовыми актами деятельность государственных органов, в результате чего существенно нарушаются права и законные интересы граждан или организаций либо охраняемые законом интересы общества и государства⁴. А. В. Наумов, в свою очередь, не разграничивает видовой и родовой объекты должностных преступлений, определяя их как «... общественные отношения, обеспечивающие стабильность и нормальное функционирование

¹ Яни П. С. Квалификация должностных преступлений: преодоление теоретических неточностей // Законность. 2011. № 10. С. 20.

² Волженкин Б. В. Служебные преступления. М.: Юрист, 2000. С. 123.

³ Благов Е. В. Преступления против государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества: лекции. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 15.

⁴ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 (в ред. от 11 июня 2020 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/?ysclid=ltu9o8uwaf512657059 (дата обращения: 26.02.2024).

государственной власти в целом, ее отдельных институтов и органов»¹.

Е. В. Львович, напротив, полагает, что «... использование при описании объекта преступления терминов “нормальная”, “правильная”, “законная” едва ли уместно, т.к. они носят весьма субъективный характер»². Возможно, термины «нормальная» и «правильная» и носят субъективный характер, но термин «законная деятельность» признать таковым нельзя, поскольку он законодательно закреплен, что подтверждается, например, наличием ст. 3 УК РФ.

Таким образом, мы солидарны с А. В. Наумовым в вопросе отождествления родового и видового объектов преступлений как единого целого, без разграничения данных понятий. В частности, под родовым и видовым объектами преступлений, совершаемых судебными приставами-исполнителями в связи с исполнением служебных обязанностей, следует понимать охраняемые уголовным законом общественные отношения, выраженные в обеспечении законного функционирования государственной власти и интересов государственной службы, которым причинен вред или создана угроза причинения вреда.

Уголовно-правовая норма включает в себя признаки объективной стороны, которые позволяют определить вид запрещенных действий или бездействия. В свою очередь, она позволяет дать возможность точнее определить характер совершенного преступления, обеспечивая защиту общества. Академик В. Н. Кудрявцев справедливо утверждал, что «... объективная сторона преступления есть процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны с точки зрения последовательности развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействий) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата»³.

¹ См.: Колотилина А. А. Злоупотребление и превышение должностных полномочий: юридический анализ составов преступлений // Публичное право сегодня. 2022. № 2 (12). С. 43.

² Львович Е. В. Должностное злоупотребление: проблемы криминализации, квалификации и отграничения от правонарушений, не являющихся преступлениями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 9.

³ Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. С. 60.

Иной точки зрения придерживаются Н. М. Кропачев, Б. В. Волженкин и В. В. Орехов¹. Они относят к обязательному признаку объективной стороны преступления лишь деяние, поскольку оно представляет собой фундамент любого преступления, без которого невозможно определить, какие преступления подпадают под действие уголовного закона. Кроме того, указание на признаки преступного деяния в законе – необходимый шаг для того, чтобы четко определить круг преступлений, которые будут охвачены соответствующими законодательными нормами.

Объективная сторона должностных преступлений, совершаемых судебными приставами-исполнителями, характеризуется нарушением законных интересов граждан, организаций и государства. Иными словами, речь идет об общественно опасных последствиях должностных преступлений.

А. Я. Аснис полагает, что «... существенным нарушением прав и законных интересов граждан и организаций необходимо признавать, во всех без исключения ситуациях нарушение конституционных прав»². Конституционные права являются основополагающими в системе прав и законов, и их нарушение может привести к существенным последствиям для граждан и общества.

Предпринятые попытки разъяснения оценочного признака (объективная характеристика оценки существенного нарушения прав и законных интересов) со стороны ученого сообщества и со стороны правоприменителей приводят к очередному неразрешенному вопросу, который будет разрешен практически сотрудниками по-разному. По нашему мнению, законодательности следует отойти от дифференциации уголовной ответственности посредством изучения последствий через призму оценочных понятий, остановившись на имеющихся разработках, обладающих возможностью определения объективных пределов.

Объективная оценка негативных последствий преступной деятельности судебных приставов-исполнителей, с нашей точки зрения, выражена прежде всего в:

¹ Уголовное право России: общая часть: учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб.: ИД Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. С. 404.

² Аснис А. Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России. Проблемы законодательного закрепления и правоприменения. М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2005. С. 215.

1) дискредитации органов ФССП России перед взыскателями путем создания мнения о вседозволенности и беззаконии в деятельности сотрудников, что влечет нарушение права гражданина на эффективное средство правовой защиты в государственном органе и умаление конституционных принципов равноправия всех граждан перед законом;

2) нарушении имущественных прав взыскателя, что является отражением основополагающего права гражданина на компенсацию ущерба, причиненного преступлением;

3) неисполнении судебного решения по привлечению виновных лиц к административной ответственности в результате пропуска срока взыскания административного штрафа, что является нарушением права на судебную защиту и доступ к правосудию;

4) нанесении материального ущерба бюджету РФ вследствие искусственного завышения статистических показателей, являющегося мнимым основанием для начисления выплат.

Определение субъекта преступления можно свести к совокупности трех его основных признаков, отраженных в уголовном законе: 1) физического лица; 2) вменяемости физического лица; 3) возраста наступления достижения уголовной ответственности. Такая точка зрения относительно сущности субъекта преступления укоренилась в отечественной теории уголовного права еще с начала XX столетия¹.

В системе исполнительного производства категории должностных лиц законодательно регламентированы. Субъект преступлений, совершаемых судебными приставами-исполнителями, является специальным. Согласно главе 30 УК РФ лишь должностные лица выступают субъектами должностных преступлений.

Согласно Указу Президента России от 1 января 2020 г. № 1 «О некоторых вопросах Федеральной службы судебных приставов» (в редакции от 5 июля 2022 г.)² законодателем введен новый вид

¹ Кузнецова О. А. Субъект коррупционного преступления: проблемы понимания // Актуальные проблемы государства и права. 2017. № 1. С. 47.

² О некоторых вопросах Федеральной службы судебных приставов: указ Президента РФ от 1 января 2020 г. № 1 (в ред. от 5 июля 2022 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342231/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/?ysclid=ltucedr3f212871077 (дата обращения: 26.02.2024).

государственной службы, в частности служба в органах принудительного исполнения РФ. Федеральным законом от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ внесены существенные изменения в ряд федеральных законов, в том числе в действовавший до 1 января 2020 г. Федеральный закон «О судебных приставах». Точнее, он не утратил юридической силы, а переименован в Федеральный закон «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации». Изменилось не только название нормативно-правового акта, но изменились и его положения, регламентирующие деятельность и ответственность сотрудников службы судебных приставов, а в настоящее время – органов принудительного исполнения.

По итогам проведенного сравнительно-правового анализа Федерального закона от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в редакции от 11 июля 2023 г.) и Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (в редакции от 30 декабря 2020 г.) «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» выделим основные изменения профессионального статуса судебных приставов¹:

1. Присвоение специальных офицерских званий и квалификационных званий, которые зависят от должности, опыта работы и квалификации сотрудника системы принудительного исполнения.

2. Поступление на службу в ФССП России зависит от прохождения обязательных тестов и проверок, таких как подтверждение физической подготовки и регулярное прохождение тестов на алкогольную и наркотическую зависимость.

¹ О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ (в ред. от 11 июля 2023 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_334479/?ysclid=ltuckcqqmb860104982 (дата обращения: 26.02.2024); Об органах принудительного исполнения Российской Федерации: федер. закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (в ред. от 21 декабря 2021 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15281/?ysclid=ltucm3a5y1473468538 (дата обращения: 26.02.2024).

3. Сотрудники системы принудительного исполнения в настоящее время получают такие же социальные льготы и гарантии, как и другие сотрудники правоохранительных органов.

4. Сотрудникам ФССП России требуется пройти проверку личности с помощью дактилоскопии, а также проверку на профессиональную пригодность для потенциального применения ими силы, специальных средств и оружия в процессе надлежащего исполнения должностных обязанностей в результате угрозы их жизни или здоровью.

5. При трудоустройстве и дальнейшей работе в органах принудительного исполнения судебным приставам требуется пройти военно-врачебную экспертизу, которая подтверждает их годность для службы (по аналогии с военнослужащими).

Таким образом, Федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328-ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» повысил профессиональные требования к судебным приставам. Данный нормативно-правовой акт направлен и на обеспечение соблюдения прав граждан, являющихся субъектами исполнительного производства.

Вместе с исследованием субъекта преступления в рамках субъективных признаков, по мнению Я. М. Брайнина, обязательно установлению подлежит определение субъективной стороны преступления, выраженной в качестве психической деятельности лица, сопровождающейся совершением преступления, в которой интеллектуальные, волевые и эмоциональные процессы взаимосвязаны¹. Б. С. Волков пишет: «Наряду с умыслом и неосторожностью она включает в себя и другие признаки – мотив, цель, эмоциональные моменты и т. д.»². Применительно к большинству должностных преступлений, совершаемых судебными приставами-исполнителями, мотив и цель выступают не в качестве факультативного признака, а являются обязательными элементами состава преступления, без которых невозможно установить факт совершения преступления.

¹ Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1963. С. 227–228.

² Волков Б. С. Мотив и квалификация преступлений. Казань: Изд-во Казанского университета, 1968. С. 7.

Верная квалификация должностных преступлений, совершаемых приставами-исполнителями, предполагает установление мотива преступления. К основным видам корыстной заинтересованности необходимо отнести получение премии или максимальной надбавки к должностному окладу; желание освободить себя и близких родственников/знакомых от имущественных взысканий по исполнительному производству, обеспечить тем самым материальное благополучие; желание избежать материальной ответственности. К основным видам иной личной заинтересованности следует отнести стремление улучшить показатели по службе, уменьшить рабочую нагрузку, угодить знакомому/родственнику/колеге, продвижение по карьерной лестнице.

Таким образом, вопрос об установлении однозначного толкования уголовно-правовых характеристик должностных преступлений, совершаемых судебными приставами-исполнителями, выступает ключевым при правильной их квалификации. Важно помнить о том, что преступления, совершаемые судебными приставами-исполнителями в связи с исполнением служебных обязанностей, дискредитируют имидж государственных органов принудительного исполнения РФ.

Библиографический список

1. Аснис А. Я. Уголовная ответственность за служебные преступления в России. Проблемы законодательного закрепления и правоприменения. М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2005. 400 с.
2. Благов Е. В. Преступления против государственной власти, военной службы, мира и безопасности человечества: лекции. М.: Юрлитинформ, 2011. 196 с.
3. Брайнин Я. М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1963. 275 с.
4. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М.: Юристъ, 2000. 367 с.
5. Волков Б. С. Мотив и квалификация преступления. Казань: Изд-во Казанского университета, 1968. 166 с.

6. Колотилина А. А. Злоупотребление и превышение должностных полномочий: юридический анализ составов преступлений // Публичное право сегодня. 2022. № 2 (12). С. 43–53.

7. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Госюриздат, 1960. 244 с.

8. Кузнецова О. А. Субъект коррупционного преступления: проблемы понимания // Актуальные проблемы государства и права. 2017. № 1. С. 44–56.

9. Львович Е. В. Должностное злоупотребление: проблемы криминализации, квалификации и отграничения от правонарушений, не являющихся преступными: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 30 с.

10. Уголовное право России: общая часть: учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб.: ИД Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2006. 1061 с.

11. Яни П. С. Квалификация должностных преступлений: преодоление теоретических неточностей // Законность. 2011. № 10. С. 19–23.

В. Е. Кортяев

соискатель

Ростовский государственный университет путей сообщения
Россия, г. Ростов-на-Дону
vitaly.kortyaeff@yandex.ru

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УСТРОЙСТВА ДРЕВНЕРУССКОЙ ТМУТАРАКАНИ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

**SOME ISSUES OF THE STATE STRUCTURE OF OLD
RUSSIAN TMUTARAKAN:
HISTORICAL AND LEGAL STUDY**

В статье исследовано государственное устройство Тмутаракани – одного из самых малоизученных в историко-правовой науке государственных образований на этапе зарождения целостного Древнерусского государства. Исследование направлено на комплексный анализ государственного строя древнерусской Тмутаракани, от момента возникновения до момента исчезновения как административно-территориальной и политической единицы. Автор приходит к выводу о том, что государственный строй Тмутаракани в разной степени вобрал в себя черты Древнерусского государства и Византийской империи. Вместе с тем совокупность факторов, негативно влияющих на внутренние общественные отношения, стечение исторических обстоятельств, предопределили кратковременность расцвета древнерусской Тмутаракани и ее постепенную гибель. Утверждается, что необходимо развитие принципиально нового научного направления – юридической (правовой) археологии, запрос на которую в современной историко-правовой науке очевиден и актуальность которой неоспорима.

Ключевые слова: Тмутаракань, Древняя Русь, Византия, государство, общество, право, князья, археология, княжество, славяне.

The article investigates the state structure of Tmutarakan - one of the most understudied in the historical and legal science of state formations at the stage of origin of the integral Old Russian state. The study is aimed at a comprehensive analysis of the state structure of Old Russian Tmutarakan, from the moment of its emergence to the moment of its disappearance as an administrative-territorial and political unit. The author comes to the conclusion that the state system of Tmutarakan in varying degrees absorbed the features of the Old Russian state and the Byzantine Empire. At the same time, the totality of factors negatively influencing the internal social

relations, the confluence of historical circumstances, predetermined the short-term prosperity of Old Russian Tmutarakan and its gradual demise. It is argued that it is necessary to develop a fundamentally new scientific direction - legal (legal) archaeology, the demand for which in modern historical and legal science is obvious and the relevance of which is undeniable.

Keywords: Tmutarakan, Ancient Russia, Byzantium, state, society, law, princes, archaeology, principedom, Slavs.

Тмутаракань – административно-территориальное образование X–XII вв., находящееся на территории Таманского полуострова и Крыма, относящееся к числу наименее изученных в теории и истории государства и права. Обогащение исторической науки находками археологических экспедиций не приближает науку и общество к пониманию государственного строя Тмутаракани. В связи с этим настоящее исследование, призванное создать целостную картину Тмутаракани в историко-правовой науке сегодня, видится актуальным и своевременным.

До прихода славян в Тмутаракань наиболее убедительной выглядит версия о греческой, а затем хазарской государственности на этой территории. По меньшей мере до X в. адыги, ясы и касоги (предки осетин) проживали на этой территории до славян, либо процент славян среди населения Тмутаракани до установления власти Киева был крайне незначительным. Затем логично выделить этап «колонизации» Тмутаракани славянами. Государственность на территории Тмутараканского княжества существовала задолго до прихода на эти земли славянских князей и их дружин. Эта государственность как минимум была равной по развитию славянской, а возможно, и опережала ее. Греческий город-полис Гермонасса (впоследствии Таматарха-Тмутаракань) поддерживал обширные торговые и культурные связи с материковой Грецией. Расположение города давало такие же преимущества, что и впоследствии, при захвате Тмутаракани славянами. Развивалось строительство, что подтверждается археологическими следами построек из камня, то есть население Гермонассы в основном умело работать с камнем. Это было задолго до появления славянской государственности, а тем более централизованного Древнерусского государства.

Реконструировать вертикаль власти Гермонассы в настоящем исследовании не представляется возможным по

причине отсутствия достоверной информации относительно этого вопроса. Предположительно государственный строй Гермонассы в указанный период копировал государственный строй Афин, с поправкой на местные этнические особенности. С высокой долей вероятности можно говорить о наличии «царя» (басилевса), совещательного органа (родовой знати), призванного руководить общественной жизнью полиса. На население оказывали влияние и религиозные иерархи Греции, был распространен культ древнегреческих богов. Хазарский период с точки зрения государственного строя характеризуется наличием верховного вождя – кагана, впоследствии бека, решавшего вопросы войны и мира и в немалой степени руководившего общественной жизнью каганата, а соответственно, Таматархи, его составной части.

Сведения о хазарском наместнике в Таматархе и об особенностях государственного строя Тмутаракани в этот период не сохранились. Для нас наибольший интерес представляет древнерусская Тмутаракань, ее государственный строй. А. В. Серегин пишет: «...удачное географическое положение полуострова позволяло держать под контролем значительные пространства Северного Кавказа. Древняя Русь успешно использовала выгоды своего «южного анклава», возникшего благодаря походам своих князей. Так, впервые славяно-русская дружина конунга Вещего Олега захватила Самкерц (Тмутаракань) не позднее, чем в 944 г., но закрепиться в городе не смогла. Примерно в 965 г. киевский князь Святослав покорил местных ясов и касогов, т.е. Таманский полуостров признал власть Древнерусского государства»¹.

Прежде всего необходимо ответить на вопрос о том, что помешало славянской дружине закрепиться на территории Таманского полуострова с первого раза. Таманский полуостров находился в сфере интересов Хазарского каганата и Византийской империи, а централизованное Русское государство в исследуемый период было еще неустойчивым и только набирало силы. Вполне допустима и двойственность положения Вещего Олега как нелегитимного князя. Правомерность этого предположения подтверждает А. Н. Сахаров: «Во время этой войны (между Новгородом и Киевом) проявил себя решительным

¹ Серегин А. В. Юридическое исследование государства и права Древней Руси: монография. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2014. С. 181.

и коварным военачальником, незаурядным организатором. Овладев Киевским престолом и проведя здесь около 30 лет (умер Олег в 912 г.), он отодвинул в тень Игоря. На этот счет среди историков нет единства. Одни считают, что Олег явился вначале просто регентом при малолетнем Игоре, а потом узурпатором его власти. Другие полагают, что в ту пору на Руси, как и в других странах Восточной Европы еще не существовало прочной наследственной власти, а во главе государства вставал наиболее сильный вождь, за которым шла дружина. Таким и оказался Олег после смерти Рюрика»¹. Прослеживается вольное обращение А. В. Серегина с датами относительно формулировки «не позднее 944 года», учитывая, что Олег Вещий умер в 912 г. Вместе с тем Древнерусское государство проводило активную экспансию территорий и постепенно разрасталось. Согласно общепринятой версии, отсчет существования централизованного Древнерусского государства с центром в Киеве ведут с 882 г. На момент завоевания Тмутаракани единое Древнерусское государство существовало около 83 лет. Для традиционного раннефеодального общества срок крайне небольшой, в отличие от Византийской империи, прошедшей несколько столетий. В связи с этим можно предполагать, что с периода завоевания влияние Древнерусского государства на Тмутаракань было если не минимальным, то не доминирующим.

Существует точка зрения, согласно которой Тмутаракань была независимой административно-территориальной единицей с независимой властной верхушкой: «Хронология политических событий показывает аналогию структуры государственной власти Тмутаракани по отношению к Древнерусским княжествам и Византии. В таковой структуре присутствовали следующие звенья: князь (архонт, каган), посадник (стратиг), войско из дружины, черкесов, касогов, алан, варягов и подвластных племен. При наличии мощного “разноплеменного” войска тмутараканские князья (особенно Мстислав Владимирович) проводили достаточно самостоятельную внешнюю политику, иногда играли на противоречиях своих соседей – Руси и Византии»².

¹ История России: в 2 т. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII века / под ред.

А. Н. Сахарова. М.: Астрель, 2007. С. 56.

² Серегин А. В. Указ. соч. С. 183.

Обратим внимание на то, что отождествление государственного строя Тмутараканского княжества и государственного строя Древнерусского государства является ошибочным. Несостоятельным следует признать умозаключение В. В. Викторина: «...при первом же рейде на Хаджи-Тархан (ныне город Астрахань) царь Иван IV Грозный “вспомнил” летописную эпоху “святого князя Владимира” и его “поход корсунский”, когда в южное и приморское Тмутараканское княжество (с населением русским) был назначен киевский наместник»¹.

В контексте общепринятой версии укажем, что во главе Тмутараканского княжества находился князь, осуществляющий управленческие, военные, судебные и церемониальные функции. Князю подчинялся так называемый совет знати. С. А. Цыганков пишет: «Совет знати – это вторая ступень политической организации в Тмутаракани, туда входили преимущественно выходцы из верхнего слоя дружинников, так называемые бояре, а также богатые купцы, которые занимались торговлей. Функция совета была чисто совещательной, ее решения носили рекомендательный характер, тем более что «интересы князя и служивших ему бояр настолько переплетались (в нашем случае знатная верхушка – С. Ц.), что их трудно расчленишь»².

Существенный интерес представляет исследование С. А. Цыганкова «Политическое устройство древнерусской Тмутаракани». В нем он дает характеристику государственному строю Тмутараканского княжества: «Говоря о Тмутаракани, нужно сразу же затронуть проблему ее политического статуса. Дело в том, что среди историков не было единого мнения, как нужно определять Тмутаракань. И к сожалению, до сих пор нет общепризнанного понимания этого вопроса. На мой взгляд, Тмутаракань – это типичная для Руси XI–XIII вв. городская волость, “город-государство”, но волость, которая имела ряд особенностей, не характерных для большей части Киевской Руси»³.

В. Н. Чхаидзе подвергает критике подход С. А. Цыганкова к проблеме в целом: «Идеи А. В. Гадло практически до абсурда были

¹ Викторин В. В. Россия и ее южные провинции в связях с соседними тюркскими сообществами из прежней Золотой Орды (этноистория XV–XVIII вв. в оценках современности) // Новое прошлое. 2022. № 1. С. 214.

² Цыганков С. А. Политическое устройство древнерусской Тмутаракани // Вестник Удмуртского университета. Серия: История. 2006. № 7. С. 123.

³ Цыганков С. А. Указ. соч. С. 117.

доведены С. А. Цыганковым, который без каких бы то ни было оснований, проведя параллель уже с Новгородской и Псковской “республиками”, превратил Тмутаракань в центр русской волости, где помимо князя, располагался совет старейшин и даже народное собрание – вече. Неудивителен вывод автора: по политическому устройству Тмутаракань ничем не отличалась от остальных городов Киевской Руси»¹. По нашему мнению, истина на стороне В. Н. Чхаидзе, поскольку доказательств проявления в Тмутараканском княжестве такой практики непосредственной народной демократии, как вече в Древней Руси, никем не представлено. Вместе с тем, стоит согласиться с С. А. Цыганковым в аспекте того, что Тмутаракань «была оторвана от основного территориального и этнического массива страны; Тмутаракань – это «город – эксклав». Кроме того, если в большинстве случаев древнерусские города выступали как племенные центры, то Тмутаракань таким центром не являлась, а русская государственность появилась на этой территории только в конце X в., то есть русский компонент был пришлым. В Тмутаракани существовала особенность, заключающаяся в отсутствии крупных пригородов. Кроме Тмутаракани, в этом регионе не было больше городов, которые входили во владения Тмутараканской волости»².

Термин «волость», конечно, в данном случае видится неуместным. С. А. Цыганков пишет: «В целом же, как и остальные города Киевской Руси, Тмутаракань выступает в роли административного, военного и религиозного центра волости, где располагался князь, совет старейшин и народное собрание – вече. Речь о русской Тмутаракани можно вести начиная с конца IX в., однако первые семена в ее землю были брошены еще Святославом, который своими военными походами разгромил Хазарию в 965–966 гг., и бывшие окраины каганата получили полную самостоятельность, в том числе и Таматарха – Тмутаракань»³. Но только через двадцать лет, в 80-е гг. X в., Владимир Святославич привносит в Тмутаракань киевскую

¹ Чхаидзе В. Н. Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI веков // Сугдейский сборник: материалы V Судацкой Междунар. науч. конф. «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре». Вып. 5. Киев-Судак: Горобец, 2012. С. 252.

² Цыганков С. А. Указ. соч. С. 117.

³ Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988. С. 153.

общественно-государственную модель после своих удачных походов на Крым в 981–982 гг¹. Именно с этого времени можно вести настоящую историю Тмутаракани.

Ранее нами указано, что Тмутаракань как «город-государство», несмотря на отдаленность от Киевской метрополии, сохраняла все социально-политические особенности любого древнерусского города X–XII вв. Это наличие такой же трехступенчатой политической организации: вождь – князь, наделенный военными, дипломатическими, судебными, а также религиозными функциями; совет знати и народное собрание – вече. Такая структура городской власти позволяла Тмутаракани выступать в роли политического и административного центра Азово-Причерноморского региона. Если учитывать и то, что в Тмутаракани до установления русского протектората действовала Зихская епархия², деятельность которой распространялась и на близлежащие территории, то можно утверждать, что Тмутаракань – это и «важный религиозный центр, который к тому же пользовался поддержкой Византии»³.

На наш взгляд, более детальный анализ приведенной информации ставит вопросы, ответы на которые С. А. Цыганков не дает. Почему только через двадцать лет после разгрома Хазарского каганата киевские князья установили в Тмутаракани свою государственность? Логика подсказывает ответ: потому, что «разгром» Хазарии не был настолько очевидным, как пытается показать С. А. Цыганков. Хазарские устои остались в Тмутараканском обществе и спустя длительное время после установления киевской власти. Термин «князь» должен быть заменен термином «каган». Религиозными функциями обладал не «князь», а высший духовный сановник (например, Никон Печерский) относительно славянского населения и высшие религиозные иерархи для каждого из народов, населявших предельно многонациональную Тмутаракань (например, Хазарское население исповедовало иудаизм, к которому ни славянские князья, ни славянские церковные иерархи не имели отношения). Иной была бы ситуация, если бы перед

¹ Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. С. 162.

² Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевоего уклада). СПб.: Абышко, 2003. С. 135.

³ Цыганков С. А. Указ. соч. С. 118.

Древнерусским государством стояла задача распространения новой религии (христианства), а князь, номинально стоявший во главе Тмутараканского «княжества», мог оказывать сильное влияние на ее распространение. С. А. Цыганков пишет: «Рассмотрим указанную общественно-политическую структуру более подробно. Одним из самых демократических институтов Тмутаракани являлось народное вече. Оно было “главным атрибутом городской общины”»¹.

Вместе с тем позиция С. А. Цыганкова вступает в противоречие с позицией В. П. Степаненко: «Русь к концу X в. Смогла закрепиться на азиатском берегу Боспорского пролива в Тмутаракани. О Тмутаракани при минимуме нарративных источников написано предельно много (...). Появившиеся в последнее время новые материалы дают возможность высказать ряд предположений относительно истории княжества и его контактов с администрацией византийской Таврики в XI в.

На наш взгляд, трактовать Тмутаракань как древнерусское княжество вряд ли будет правомерным, как и рассматривать ее в системе данных княжеств, как минимум после княжения Мстислава Владимировича, начальная дата которого предельно условна. Фактически это была приазовская вольница с предельно смешанным населением. Князь опирался на дружину, отчасти пришедшую с ним из Руси, частично набранную на месте. Так как Киев и Константинополь были далеко, то византийско-русские отношения на этой территории, за редкими исключениями, сводились к контактам византийской провинциальной администрации в Крыму с часто сменявшимися друг друга в Тмутаракани русскими князьями – представителями киевского князя, а чаще всего изгоями. Как следствие, «здесь сталкиваются как собственно локальные интересы, так и в известной степени интересы великих держав Северного Причерноморья в целом»².

Похожую точку зрения высказывает Н. Ф. Котляр: «А. В. Гадло полагает, опираясь на свидетельства Константина Багрянородного и других источников, что Тмутаракань была

¹ Там же. С. 118.

² *Степаненко В. П.* Некоторые вопросы истории Северного Причерноморья конца X – XI вв. (по поводу книги А. Н. Слядзь «Византия и Русь. Опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII вв.)») // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* 2015. Вып. XX. С. 568.

автономным образованием, управлявшимся князем и старейшинами. ... По существу, это была автаркичная территориальная (городская) община-государство, подобная Херсону, управлявшемуся выборной властью. ... Русский князь присвоил себе лишь prerogatives высшей власти, сохранив его (города) самостоятельность и самоуправление. ... После смерти Ростислава вопрос о замещении княжеского стола решают сами тмутороканцы»¹. Но можно ли называть подобное образование *княжеством*? Полагаю, что нельзя. Как известно, для русских княжеств в конце X и большей части XI в. характерна не ограниченная вечем или иными выборными органами княжеская власть (такое ограничение произойдет во времена удельной раздробленности, около середины XII в.). Н. Ф. Котляр пишет: «Князь был и верховным собственником земли. Тмуторокань не могла быть *русским* княжеством прежде всего потому, что тянувшая к ней территория не была даже в минимальной степени «окняжена», на нее в должной мере не распространялись ни княжеская администрация, ни система сбора дани, ни княжеский суд. На мой взгляд, это был русский центр власти в иноязычной, иноплеменной среде, наместник которого (князь по рождению) управлял окрестными землями сугубо насильственными методами»².

Автором данной работы приводятся разные мнения исследователей с целью их трактовки и понимания с точки зрения историко-правовой науки. Копирование Тмутараканским «княжеством» политико-правовой системы Древней Руси не может быть доказано. Единичный факт коллективного решения

¹ Цит. по: Котляр Н. Ф. «Остров Тмутороканьский» // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и современной историографии: тезисы докладов / XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 17–19 апреля 2002 г.) / отв. ред. Т. Н. Джаксон. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002. С. 115; *Гадло А. В.* Тмутороканские этюды. III // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1990. Вып. 2. С. 22–27; *Гадло А. В.* Тмутороканские этюды. IV // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. История, языковедение, литературоведение. 1990. Вып. 4. С. 4.

² *Котляр Н. Ф.* «Остров Тмутороканьский» // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: тезисы докладов / XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 17–19 апреля 2002 г.) / отв. ред. Т. Н. Джаксон. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002. С. 116.

вопроса, о котором сообщает летопись, также не может быть подтверждением «веча» в Тмутаракани по причине того, что в Древней Руси X–XI вв. оно не практиковалось. Термин «княжество» по отношению к Тмутаракани сомнителен. Нет доказательств употребления этого термина современниками применительно к Тмутаракани. Отдаленное от основных столичных центров – Киева и Константинополя – месторасположение данной территории делало влияние Древней Руси и Византии на политический процесс Тмутаракани более чем условным. В такой ситуации уместно говорить не о «Тмутараканских князьях», а о «тмутараканских наместниках Киевского князя». Им для удержания власти и осуществления властных полномочий был необходим репрессивный аппарат.

С. А. Цыганков пишет: «со всей отчетливостью высвечивается все политическое устройство Тмутаракани, которое при Мстиславе Владимировиче развилось в полную силу. Оно выражалось в наличии народного собрания – веча. Все свободные жители собрались на главной площади города с целью решить, кто будет новым князем Тмутараканской Руси после смерти Ростислава. Как и полагалось на вече, произошло столкновение двух традиционных направлений в политике Тмутаракани. Это «черниговское» и «сепаратистское». Действительно, нельзя отрицать наличия двух направлений и двух группировок в жизни Тмутаракани рассматриваемого периода. Первая группа – «черниговская» – выступала за более тесные связи с Черниговом и Русью, ее представители, однако, были в меньшинстве. Вторая – обозначим ее как «сепаратистская» – боролась за полную независимость во всех делах от воли Чернигова. В обе группировки входили русские, которых объединяло одно – верность Киеву»¹.

Недоказуемость наличия в Тмутаракани «веча» нами объяснена ранее. Вместе с тем в утверждении С. А. Цыганкова о наличии «партий» в городе существует рациональное зерно. Однако сводить политико-правовые отношения к двум «группировкам», проталкивающим свои интересы и своих людей, в высшей степени поверхностно. Если речь идет о «черниговской» и «сепаратистской» так называемых группировках, то возникает два вопроса. Уместно ли такое их обозначение? Почему выделено только две «группировки»? Если соглашаться с терминологией С.

¹ Цыганков С. А. Указ. соч. С. 119.

А. Цыганкова, то как минимум необходимо выделить «хазарскую», «византийскую», «адыгскую», «киевскую», «греческую» «группировки». Каждая из них имела собственные интересы.

Библиографический список

1. Викторин В. В. Россия и ее южные провинции в связях с соседними тюркскими сообществами из прежней Золотой Орды (этноистория XV–XVIII вв. в оценках современности) // Новое прошлое. 2022. № 1. С. 211–218.

2. Гадо А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. 358 с.

3. Гадо А. В. Тмутороканские этюды. III // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1990. Вып. 2. С. 21–33.

4. Гадо А. В. Тмутороканские этюды. IV // Вестник Ленинградского государственного университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. 1990. Вып. 4. С. 3–13.

5. История России: в 2 т. Т. 1. С древнейших времен до конца XVIII века / под ред. А. Н. Сахарова. М.: Астрель, 2007. 941 с.

6. Котляр Н. Ф. «Остров Тмутороканьский» // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и современной историографии: тезисы докладов / XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто (Москва, 17–19 апреля 2002 г.) / отв. ред. Т. Н. Джаксон. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002. С. 115–117.

7. Петров А. В. От язычества к Святой Руси. Новгородские убоицы (к изучению древнерусского вечевоего уклада). СПб.: Абышко, 2003. 351 с.

8. Серегин А. В. Юридическое исследование государства и права Древней Руси: монография. Ростов н/Д: Изд-во Южного федерального университета, 2014. 245 с.

9. Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М.: Мысль, 1988. 879 с.

10. Степаненко В. П. Некоторые вопросы истории Северного Причерноморья конца X – XI вв. (по поводу книги А. Н. Сладзь «Византия и Русь. Опыт военно-политического взаимодействия в Крыму и Приазовье (XI – начало XII вв.)») //

Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2015. Вып. XX. С. 567–580.

11. Цыганков С. А. Политическое устройство древнерусской Тмутаракани // Вестник Удмуртского университета. Серия: История. 2006. № 7. С. 117–123.

12. Чхаидзе В. Н. Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI веков // Сугдейский сборник: материалы V Судацкой Междунар. науч. конф. «Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре». Вып. 5. Киев-Судак: Горобец, 2012. С. 251–270.

М. Мишкович

аспирант

Института государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
ассистент кафедры гражданского права Белградского
университета юридического факультета,
доктор права (PhD)
Россия, г. Москва
mmishkovich-21@edu.ranepa.ru

**К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ВЕНСКОЙ КОНВЕНЦИИ
О ДОГОВОРАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ
ТОВАРОВ К ПРОДАЖЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ**

**THE ISSUE OF APPLICATION OF THE VIENNA CONVENTION ON
CONTRACTS FOR THE INTERNATIONAL SALE OF GOODS TO
THE SALE OF ELECTRIC POWER**

В статье автор рассматривает исключение применения Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров к продаже электрической энергии. С учетом того, что Венская конвенция применяется к международной купле-продаже товаров и что исключает свое применение к продаже электроэнергии, возникает вопрос о том, является ли электроэнергия товаром. Конвенция не содержит понятия товара, а лишь исключает свое применение к отдельным видам купли-продажи. Вопрос об исключении применения Конвенции к купле-продаже электрической энергии рассмотрен в процессе анализа регулирования, сравнительно-правовой доктрины, а также в рамках исторического контекста, существовавшего в ходе принятия Венской конвенции и объясняющего причины исключения ее применения к продаже электроэнергии. Сделан вывод о том, что по характеристикам электроэнергия представляет собой товар, и причины исключения применения Венской конвенции к купле-продаже электроэнергии не являются обоснованными.

Ключевые слова: электрическая энергия, правовая природа электрической энергии, электрическая энергия как вещь, электрическая энергия как товар, продажа электрической энергии, международная купля-продажа товаров, Венская конвенция, применение Венской

конвенции, исключение применения Венской конвенции, выбор Венской конвенции как применимого права.

In the article the author considers the exclusion of the application of the Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods to the sale of electrical energy. Given that the Vienna Convention applies to the international sale of goods and that it excludes its application to the sale of electricity, the question arises as to whether electricity is a commodity. The Convention does not contain the concept of goods, but only excludes its application to certain types of sale. The issue of the exclusion of the application of the Convention to the sale of electricity is examined by analysing regulation, comparative legal doctrine, and the historical context that existed during the adoption of the Vienna Convention, which explains the reasons for the exclusion of its application to the sale of electricity. It is concluded that electricity is a commodity in terms of its characteristics and the reasons for excluding the application of the Vienna Convention to the sale of electricity are not justified.

Keywords: electric energy, legal nature of electric energy, electric energy as a thing, electric energy as a commodity, sale of electric energy, international sale of goods, Vienna Convention, application of the Vienna Convention, exclusion of application of the Vienna Convention, choice of the Vienna Convention as applicable law.

Конвенция Организации Объединенных Наций (ООН) о договорах международной купли-продажи товаров (1980) исключила свое применение к продаже электрической энергии. Ввиду того, что Конвенция применяется к международной купле-продаже *товаров*, то есть предметом договора купли-продажи должен быть товар (англ. *goods*), чтобы Конвенция могла быть применена, и что ст. 2 исключает ее применение к продаже электроэнергии, возникает вопрос о том, является ли электрическая энергия товаром применительно к содержанию Конвенции.

Венская конвенция не содержит определения товара, но значение этого термина становится понятным на основе положения, регулирующего применение Конвенции¹. Некоторые авторы пишут, что Конвенция принимает метод отрицательного

¹ Poikela T. Conformity of Goods in the 1980 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods // Nordic Journal of Commercial Law. 2003. No. 1. P. 12; Maley K. The Limits to the Conformity of Goods in the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods // International Trade and Business Law Review. 2009. No. 12. P. 84.

перечисления, уточняя в ст. 2, что *не является товаром*¹. Однако, как нам кажется, ст. 2 не определяет то, что не является товаром, а предусматривает исключение применения Конвенции к определенным видам продаж («*Настоящая Конвенция не применяется к продажам...*»).

Статья 2 исключает применение Конвенции в трех случаях: во-первых, в зависимости от цели, для которой покупатель приобретает товар (товары, приобретаемые для личного, семейного или домашнего использования); во-вторых, в зависимости от обстоятельств, при которых заключен договор купли-продажи – особый способ продажи (продажа с аукциона, в порядке исполнительного производства или иным образом ввиду закона); в-третьих, в зависимости от предмета договора купли-продажи (продажа фондовых бумаг, акций, обеспечительных бумаг, оборотных документов и денег, судов водного и воздушного транспорта, а также судов на воздушной подушке, электроэнергия)².

Поэтому не следует считать, что исключение применения Конвенции в ряде случаев подразумевает, что указанные вещи не являются товаром. Возможно, они являются товаром, но Конвенция по каким-то причинам исключила свое применение к продаже тех или иных товаров. Для определения понятия товара обычно требуется, чтобы вещь была движимой и телесной. В итоге возникает вопрос о том, означает ли исключение применения Венской конвенции к продаже электроэнергии то, что она не выполняет эти условия и, следовательно, не представляет собой товар, или существует иная причина исключения ее применения к продаже электроэнергии.

¹ Кнежевич Г., Павич В. Арбитраж и АДР. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2013. С. 148.

² NACHEM P. Article 2 CISG: Sales excluded from Convention's scope // Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG) / eds. I. Schwenzer, U. G. Schroeter. O.: Oxford University Press, 2022. P. 60; Ferrari F. What Sources of Law for Contracts for the International Sale of Goods? Why One Has to Look Beyond the CISG // International Review of Law and Economics. 2005. No. 25. P. 322; Ziegel J. S., Samson C. Report to the Uniform Law Conference of Canada on Convention on Contracts for the International Sale of Goods. 1981 // Institute of International Commercial Law (IICL). URL: https://iicl.law.pace.edu/sites/default/files/bibliography/english2_0.pdf (дата обращения: 08.01.2024); Kröll S., Mistelis L., Viscasillas P. P. UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) – A Commentary. M.: C. H. Beck, Hart, Nomos, 2018. P. 40.

Электроэнергия выполняет все условия, чтобы представлять собой товар. Во-первых, это – телесная движимая вещь. Во-вторых, вещь, находящаяся в обороте и предназначенная для обмена на рынке. В-третьих, она представляет собой продукт человеческого труда, удовлетворяющий определенные потребности человека. В-четвертых, электроэнергия представляет собой товар, который определяют по типу, количеству и качеству. В-пятых, она является предметом права собственности с особенностями вещно-правового режима, которые стали последствием ее физической природы. Таким образом, по характеристикам электроэнергия должна представлять собой товар в контексте Конвенции, поэтому исключение ее применения к продаже электроэнергии не является оправданным. Следовательно, исключение применения Конвенции к продаже электроэнергии не означает, что она не является товаром. Речь идет о том, что в ходе принятия Конвенции существовали причины для исключения ее применения в международной торговле электроэнергией.

При рассмотрении обоснованности исключения применения Венской конвенции к купле-продаже электроэнергии следует сравнить решение Венской конвенции с ее предшественницей – Гаагской конвенцией о единообразном законе о международной купле-продаже товаров 1964 г. Вступив в силу, она, хотя и не получила широкого распространения, но создание единообразного права международной купли-продажи продолжено и после принятия этой Конвенции. Продажа электроэнергии исключена и в Гаагской конвенции, как гласит ст. 5(1)(ц). Значит, уже в указанный период существовало основание для исключения применения Конвенции к продаже электроэнергии, которое принято и при создании Венской конвенции.

Существуют две группы оснований для исключений из ст. 2 Конвенции, то есть для исключения ее применения. Во-первых, продажи, регулируемые национальными законами, которые слишком различны, поэтому унификация права может быть сложной. Во-вторых, продажи, которые по своей сути не имеют международного характера, и на такие продажи Конвенция не распространяется¹.

¹ Kröll S., Mistelis L., Viscasillas P. P. Op. cit.

Становится понятным, что вторая причина не относится к электроэнергии из-за необходимости международного обмена энергией и существования международного энергетического рынка. Относительно первой причины укажем, что государства регулируют сферу энергетики посредством национальных правил. Однако необходимость международного энергетического обмена подтолкнула государства, чьи хозяйствующие субъекты участвуют в этом обмене, постепенно начать гармонизацию некоторых правил в сфере энергетики. В результате международный обмен энергией повлиял на развитие энергетического права, и сегодня все меньше можно говорить о национальном энергетическом праве отдельной страны и все более объективно говорят о международном энергетическом праве¹. Это означает, что первая причина для исключения применения Конвенции уже не существует, если речь идет о продаже электроэнергии.

Другие виды энергии в Конвенции не упоминаются, но, как указано в юридической теории, Конвенция распространяется на продажу иных видов энергии – нефти и газа². В литературе часто приводят случай из судебной практики. В частности, Верховный суд Австрии признал Венскую конвенцию применимым правом в деле о продаже газа пропана³. Между тем нефть и газ – это не энергия, а энергетические ресурсы. Энергетические ресурсы – это источники энергии (уголь, нефть, природный газ, возобновляемые источники энергии), а энергия – способность совершать работу (электрическая, тепловая, ядерная)⁴.

Другие виды энергии не могут быть исключены из применения Конвенции по двум причинам. Во-первых, поскольку в ст. 2 четко даны исключения из применения Конвенции, и они представляют *numerus clausus*. Это означает, что необходимо узкое толкование ст. 2. В итоге список исключений не может

¹ Лепотич Ковачевич Б. Понятие права энергетики // Право энергетики: сб. работ. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2005. С. 401.

² Ferrari F. Op. cit. P. 324.

³ Propane case, Oberster Gerichtshof, решение № 10 Ob 518/95, Austria (6 February 1996) // Obersten Gerichtshof der Republik Österreich. URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokument.wxe?Abfrage=Justiz&Dokumentnummer=JJT_19960206_OGH0002_0100OB00518_9500000_000 (дата обращения: 09.01.2024).

⁴ Лепотич Ковачевич Б. Указ. соч. С. 432; Maloo A. H. Is electricity a good or service? // Manupatra. URL: <http://docs.manupatra.in/newslines/articles/Upload/988674F7-21FB-439C-8A9F-57607D2B1D92.pdf> (дата обращения: 09.01.2024).

быть расширен по аналогии. Во-вторых, невозможно толкование по аналогии, вопреки четко выраженной воле создателей Конвенции¹. В частности, при принятии Конвенции высказаны предложения о распространении исключения по аналогии и применении его к нефти, газу, другим источникам энергии. Но такие предложения категорически отвергнуты².

В литературе в качестве причины исключения применения Конвенции приведен тот факт, что договоры международной купли-продажи энергии очень подробны, поэтому обычно нет необходимости обращаться к конкретному применимому праву³. Однако подробное регулирование купли-продажи путем предусмотрения в договоре всех возможных вопросов и спорных моментов не означает, что Конвенция не должна быть применимым правом. При отсутствии Конвенции или иного применимого права, предусмотренного договором, в качестве применимого национального права будет применено право, определенное коллизионными нормами.

Можно заключить, что, независимо от детального регулирования того или иного вопроса в договоре, важно иметь Конвенцию в качестве применимого права, так как к договорным отношениям могут быть применены ее общие правила. Венская конвенция представляет собой «возможно, величайшее правовое достижение в области гармонизации торгового права»⁴, и, судя по числу стран, ратифицировавших ее, эту Конвенцию можно считать международным «законом» о продажах⁵.

В комментарии Секретариата к проекту Венской конвенции 1978 г. указаны две причины для исключения применения Конвенции к продаже электроэнергии: во-первых, во многих правовых системах энергия не является товаром; во-вторых, международная продажа энергии сопряжена со

¹ Kröll S., Mistelis L., Viscasillas P. P. Op. cit. P. 52.

² Ibid; Hachem P. Op. cit. P. 73.

³ Schlechtriem P. Uniform Sales Law – The UN-Convention on Contracts for the International Sale of Goods. V.: Manz, 1986. P. 31.

⁴ Lookofsky J. Loose Ends and Contorts in International Sales: Problem in the Harmonization of Private Law Rules // American Journal of Comparative Law. 1991. No. 39. P. 403.

⁵ Вукадинович Р. Несоответствующая поставка и поставка несоответствующего товара как условие ответственности продавца в договоре международной купли-продажи товаров // Право и экономика. 2010. № 4-6. С. 328.

«специфическими проблемами, отличными от тех, которые возникают при обычной международной продаже товаров»¹. Однако, если речь идет о втором аргументе, следует утверждать, что существуют товары, продажа которых также предполагает специфические проблемы (например, продажа газа, сырой нефти), но к таким товарам Венская конвенция применима.

Первый аргумент указан потому, что основным условием применения Конвенции (в контексте ст. 1) служит то, что она представляет собой договор международной купли-продажи *товаров*. Ряд авторов убеждены в том, что во многих правовых системах электроэнергия не является товаром². Для других – это спорный вопрос, поскольку сложно утверждать, что энергия обладает всеми характеристиками «физического объекта»³. Существует и мнение о том, что энергия – вещь бестелесная⁴. Поэтому считают, что разные мнения о природе энергии повлияли на исключение применения Конвенции к ее продаже, чтобы избежать дискуссию и неопределенность в данном вопросе⁵.

Исключение электроэнергии из материальной сферы применения Конвенции инициировано рабочей группой ЮНСИТРАЛ (и позднее принято в ЮНСИТРАЛ в 1977 г.) с целью предотвращения различной квалификации договоров о передаче электроэнергии. Ожидали, что конфликты между национальными правами по категоризации этого вопроса в соответствии с

¹ The Secretariat Commentary on the 1978 Draft of the CISG // Institute of International Commercial Law (IICL). URL: <https://iicl.law.pace.edu/cisg/page/article-2-secretariat-commentary-closest-counterpart-official-commentary> (дата обращения: 9.01.2024); Ziegel J. S., Samson C. Op. cit.

² Ferrari F. Op. cit. P. 38–39; Rézei L. The Rules of the Convention Relating to its Field of Application and to its Interpretation // Working papers submitted to the Colloquium of the International Association of the Legal Science. New York: Oceana Publications, 1980. P. 72.

³ Khoo W. Article 2-5 CISG // Commentary on the International Sales Law / eds. C. M. Bianca, M. J. Bonell. M.: Giuffrè, 1987. P. 34.

⁴ Diedrich F. Maintaining Uniformity in International Uniform Law via Autonomous Interpretation: Software Contracts and the CISG // Pace International Law Review. 1996. No. 2. P. 319.

⁵ Loewe R. The Sphere of Application of the UN Sales Convention (Presentation at the 1997 Willem C. Vis International Commercial Arbitration Moot on the CISG) // Pace International Law Review. 1998. No. 10. P. 84; Honnold J. O. Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention. H.: Kluwer Law International, 1999. P. 52.

Конвенцией неизбежно возникнут, если не будет такого четкого исключения ее применения. Причиной конфликта могла бы стать разная категоризация электроэнергии как возможного предмета договора купли-продажи товаров в соответствии с национальным законодательством государств-участников¹.

Исключение применения Венской конвенции к продаже электроэнергии не означает, что она не может представлять собой применимое право. Договаривающиеся стороны могут предусмотреть в договоре применение Венской конвенции (англ. *opting-in/opt-in*), хотя в конкретном случае ее применение исключено ст. 2. Если Венскую конвенцию применяют в соответствии со ст. 1, Конвенция является «законом» в смысле применимого права. Однако, если договаривающиеся стороны выбирают ее в качестве применимого права (англ. *opting-in*), положения Венской конвенции фактически являются положениями договора². Возможность выбора Венской конвенции в качестве применимого права на основании соглашения договаривающихся сторон, даже в случае исключений из ст. 2, не оспаривают ни в теории, ни в судебной практике³.

Тем не менее, принимая решение о выборе Венской конвенции в качестве применимого права, следует проявлять осторожность и учитывать, *почему* применение Конвенции исключено в конкретном случае. Таким образом, если причиной исключения из ст. 2 стало применение императивных правил к определенным продажам (англ. *mandatory law*), *opt-in* является невозможным, поскольку выбор Венской конвенции повлиял бы на императивные нормы применимого права⁴. Например, соглашение о применении Конвенции в случае потребительской продажи ограничено императивными нормами защиты прав потребителей⁵. Речь идет о том, что в таком случае

¹ Diedrich F. Op. cit. P. 319.

² Reiley E. H. International Sales Contracts. The UN Convention and Related Transnational Law. D.: Carolina Academic Press, 2008. P. 54.

³ Ibid. P. 52–55; Kröll S., Mistelis L., Viscasillas P. P. Op. cit. P. 40; Cook S. V. Practical considerations in opting-in (or not) the CISG // Journal of Law and Commerce. 2019–2020. No. 38. P. 122.

⁴ Reiley E. H. Op. cit.; Enderlein F., Maschew D. International Sales Law. New York: Oceana Publications, 1992. P. 51.

⁵ Schlechtriem P. Requirements of Application and Sphere of Applicability of the CISG // Victoria University of Wellington Law Review. 2005. No. 4. P. 785.

договаривающиеся стороны не могут согласовывать положения договора и положение о применимом праве.

П. Шлехтрим полагает, что стороны могут договориться о применении Конвенции, в частности, к «чисто внутренним» продажам, к продаже судов, ценных бумаг или *электроэнергии*, которые исключены из применения Конвенции согласно ст. 2(д)-(ф)¹. Учитывая, что исключение применения Конвенции к продаже электроэнергии обосновано спорным характером – правовой природой электроэнергии в различных правовых системах, а не императивными правилами ее продажи, можно сделать вывод о возможности выбора Конвенции в качестве применимого права при продаже электроэнергии.

В случае выбора Конвенции в качестве применимого права отношения между договаривающимися сторонами регулировались бы подробно договорными положениями (как это принято на международном рынке обмена энергией). Вместе с тем применяли бы и общие правила Венской конвенции в качестве применимого права, предусмотренного в договоре купли-продажи электроэнергии. Таким образом, Венская конвенция могла бы в определенной степени способствовать преодолению различий в национальных правах и развитию международного энергетического права.

Библиографический список

1. Вукадинович Р. Несоответствующая поставка и поставка несоответствующего товара как условие ответственности продавца в договоре международной купли-продажи товаров // Право и экономика. 2010. № 4-6. С. 327–341.

2. Кнежевич Г., Павич В. Арбитраж и АДР. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2013. 292 с.

3. Лепотич Ковачевич Б. Понятие права энергетики // Право энергетики: сб. работ. Б.: Университет в Белграде – Юридический факультет, 2005. 652 с.

4. Cook S. V. Practical considerations in opting-in (or not) the CISG // Journal of Law and Commerce. 2019–2020. No. 38. P. 113–122.

¹ Ibid. P. 786.

5. Diedrich F. Maintaining Uniformity in International Uniform Law via Autonomous Interpretation: Software Contracts and the CISG // *Pace International Law Review*. 1996. No. 2. P. 303–338.

6. Enderlein F., Mascoff D. *International Sales Law*. New York: Oceana Publications, 1992. 480 p.

7. Ferrari F., What Sources of Law for Contracts for the International Sale of Goods? Why One Has to Look Beyond the CISG // *International Review of Law and Economics*. 2005. № 25. P. 314–341.

8. Hachem P. Article 2 CISG: Sales excluded from Convention's scope // *Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG)* / eds. I. Schwenzer, U. G. Schroeter. O.: Oxford University Press, 2022. 2144 p.

9. Honnold J. O. *Uniform Law for International Sales under the 1980 United Nations Convention*. H.: Kluwer Law International, 1999. 760 p.

10. Kröll S., Mistelis L., Viscasillas P. P. *UN Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) – A Commentary*. M.: C. H. Beck, Hart, Nomos, 2018. 1254 p.

11. Loewe R. The Sphere of Application of the UN Sales Convention (Presentation at the 1997 Willem C. Vis International Commercial Arbitration Moot on the CISG) // *Pace International Law Review*. 1998. No. 1. P. 79–88.

12. Lookofsky J. Loose Ends and Contorts in International Sales: Problem in the Harmonization of Private Law Rules // *American Journal of Comparative Law*. 1991. No. 39. P. 403–416.

13. Maley K. The Limits to the Conformity of Goods in the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods // *International Trade and Business Law Review*. 2009. No. 12. P. 82–126.

14. Maloo A. H. Is electricity a good or service? // *Manupatra*.

URL:
<http://docs.manupatra.in/newsline/articles/Upload/988674F7-21FB-439C-8A9F-57607D2B1D92.pdf> (дата обращения: 09.01.2024).

15. Poikela T. Conformity of Goods in the 1980 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods // *Nordic Journal of Commercial Law*. 2003. No. 1. P. 1–68.

16. Reiley E. H. *International Sales Contracts. The UN Convention and Related Transnational Law*. D.: Carolina Academic Press, 2008. 490 p.

17. Schlechtriem P. Uniform Sales Law – The UN-Convention on Contracts for the International Sale of Goods. V.: Manz, 1986. 120 p.

18. Schlechtriem P. Requirements of Application and Sphere of Applicability of the CISG // Victoria University of Wellington Law Review. 2005. No. 4. P. 781–794.

19. Ziegel J. S., Samson C. Report to the Uniform Law Conference of Canada on Convention on Contracts for the International Sale of Goods. 1981 // Institute of International Commercial Law (IICL). URL: https://iicl.law.pace.edu/sites/default/files/bibliography/english2_0.pdf (дата обращения: 08.01.2024).

20. Réczei L. The Rules of the Convention Relating to its Field of Application and to its Interpretation // Working papers submitted to the Colloquium of the International Association of the Legal Science. New York: Oceana Publications, 1980. P. 53–103.

21. Khoo W. Article 2-5 CISG // Commentary on the International Sales Law / eds. C. M. Bianca, M. J. Bonell. M.: Giuffrè, 1987. P. 34–50.

**УДК 34.341;
34.342; 34.07
ББК 67.9**

Ю. А. Намиток
аспирант кафедры
конституционного и международного права
Юридического института
Белгородского государственного национального
исследовательского университета
Россия, г. Белгород
vip.namitokov@mail.ru

**ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ И ПУБЛИЧНЫЙ
МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ
В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

**LEGAL TOOLS AND PUBLIC MECHANISM OF ENSURING
NATIONAL ECONOMIC INTERESTS IN THE SPHERE OF
INTERNATIONAL CO-OPERATION**

В статье рассмотрены юридические средства и публично-правовая основа обеспечения национальных интересов в сфере внешнеэкономического сотрудничества. Проблематика раскрыта с правовой точки зрения в плоскости разделения властей, с процедурной – через обеспечение демократической легитимности принимаемых решений, с субстантивной – через толкование национального суверенитета как способности принимать эффективные решения с учетом ограниченности ресурсов. Утверждается, что степень открытости и конкурентоспособности национальной экономики определяет особенности принятия решений по внешнеэкономическим вопросам органами публичной власти. Кооперативная модель принятия внешнеэкономических решений основана на природе ценностей права, которые выражают общественный консенсус относительно принятия решений в сфере экономики и обеспечивают баланс интересов на рынке. Институционально способное государство предполагает формирование и воспроизводство деятельности эффективных институтов и правил, которые в состоянии осуществлять справедливую аллокацию ресурсов и на этой основе обеспечивать финансирование, планирование расходов на определенные легитимные цели для обеспечения экономического благосостояния общества. Дефицит верховенства права и низкая конкурентоспособность национальной экономики часто служат благоприятной почвой для склонения национальных государств к

принятию сомнительных с точки зрения их национальных интересов решений. На этих кардинальных направлениях, по мнению автора, должно быть сосредоточено внимание в дальнейшей эволюции публичных институтов России.

Ключевые слова: национальные интересы, экономические интересы, согласованность интересов, внешние вызовы и угрозы, экономическая безопасность государства, разделение властей, верховенство права, легитимность властных решений, государственный суверенитет, конституционная юстиция.

The article considers legal means and public-law basis for ensuring national interests in the sphere of foreign economic co-operation. The problematic is revealed from the legal point of view in the plane of separation of powers, from the procedural point of view - through ensuring the democratic legitimacy of decisions, from the substantive point of view - through the interpretation of national sovereignty as the ability to make effective decisions taking into account the limited resources. It is argued that the degree of openness and competitiveness of the national economy determines the peculiarities of decision-making on foreign economic issues by public authorities. The cooperative model of foreign economic decision-making is based on the nature of the values of law, which express the public consensus on decision-making in the sphere of economy and ensure the balance of interests in the market. An institutionally capable state implies the formation and reproduction of effective institutions and rules that are able to carry out a fair allocation of resources and on this basis provide funding, planning expenditures for certain legitimate purposes to ensure the economic well-being of society. The deficit of the rule of law and the low competitiveness of the national economy often serve as a favourable ground for inclining national states to make decisions that are questionable from the point of view of their national interests. These cardinal directions, in the author's opinion, should be the focus of attention in the further evolution of public institutions in Russia.

Keywords: national interests, economic interests, coherence of interests, external challenges and threats, economic security of the state, separation of powers, rule of law, legitimacy of power decisions, state sovereignty, constitutional justice.

На первый взгляд, проблематика национальных интересов в сфере экономики находится в плоскости соотношения политики и экономики. Однако такие решения требуют определенного юридического оформления. Вопрос о национальных интересах является оценочным, предусматривающим балансирование между имеющимися ресурсами, а также средствами и инструментами их реализации на внешнеполитической арене. Само по себе балансирование с

учетом верховенства права служит гарантией исключения произвольных решений: национальные государства обладают широким полем усмотрения для избрания оптимальной модели принятия решений, учитывая структуру национальной экономики и свое видение на глобализированном рынке.

С правовой точки зрения предлагаемый к рассмотрению вопрос лежит в плоскости разделения властей, с процедурной – через обеспечение демократической легитимности принимаемых решений, а с субстантивной – через толкование национального суверенитета как способности принимать эффективные решения, учитывая ограниченность ресурсов. Итак, суть первого постулата состоит в том, что *обеспечение национальных экономических интересов находится* в корреляционной связи с *принципом разделения властей в экономической сфере*. Как правило, распределение властных прерогатив и их осуществление в экономической сфере зависит от формы правления. Это предполагает механизм разделения полномочий между парламентом, президентом и правительством. В парламентских и полупрезидентских моделях правления ключевая роль в обеспечении этого процесса принадлежит демократической легитимизации мер в рамках функционирования парламента. Поэтому ключевым методологическим инструментарием служит реализация этого внешнеполитического курса с учетом конституционного распределения полномочий между упомянутыми институтами власти.

Согласно Конституции Российской Федерации¹ (РФ) ключевой институцией, принимающей решения в сфере внешней политики, признан Президент РФ. Это связано с тем, что Президент России доминирует в процессе формирования Правительства РФ, то есть, по существу, определяет процесс инвестигуры Правительства РФ и существенно влияет на сферу внешнеэкономической политики.

Предписания ст. 80 в сочетании со статьями 83 и 86 Конституции РФ образуют опасную комбинацию. Юридическая

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

конструкция (заимствованная из Франции¹) о Президенте как «гаранте Конституции» наделяет его значительными прерогативами при осуществлении руководства внешнеэкономическим курсом. Прерогативы Правительства РФ в этой сфере связаны с обеспечением экономической самостоятельности России и реализации внешней политики государства (ст. 114 Конституции РФ). В этом тандеме доминирует глава государства, внедрение политики которого в сфере внешнеэкономических отношений обеспечивает Правительство РФ.

Вполне это подтверждает система отечественного парламентаризма, в которой принимают основополагающие решения в сфере внешнеэкономического курса государств и которая формально является средоточием инвеституры Правительства РФ, то есть его демократической легитимизации. Федеральное Собрание РФ влияет на сферу внешнеэкономической политики тройственно: через законодательство (1), инвеституру Правительства РФ (2) и парламентский контроль (3).

Если провести компаративный анализ парламентских и смешанных моделей правления, то преимущества парламентской модели по принимаемым мерам в экономической сфере обусловлены их смешанным характером, поскольку они предусматривают как правовое регулирование, так и осуществление контроля над такими мерами с точки зрения народного представительства. При парламентской модели основные властные прерогативы в сфере внешней политики по экономическим вопросам сконцентрированы в Правительстве, которое является подвластным и подконтрольным парламенту, черпает демократическую легитимность их поддержки парламентом реализуемых мер. Со своей стороны, президентская модель правления предполагает концентрацию властных прерогатив преимущественно в руках Президента. При смешанных моделях возможны две вариации осуществления внешней политики в сфере экономики, обусловленные дуализмом исполнительной власти. При первой модели, если Президент опирается на большинство в парламенте, как правило, формируется служебный аппарат (Правительство), который будет

¹ Подробнее об этом см.: Краснов М. А. Проблемы концепта «гарант конституции» // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 2 (141). С. 15.

внедрять политический курс именно Президента и обеспечивать его, воплощать в жизнь. При второй модели, если в парламенте складывается большинство с отличным от Президента политическим курсом, получаем ситуацию «сосуществования», поскольку за Президентом остаются прерогативы определения стратегии внешнеполитического курса, и именно он обуславливает эти прерогативы соображениями демократической легитимации по результатам президентских выборов. Степень демократической легитимизации Правительства в такой ситуации зависит от поддержки большинства в парламенте, и для этого Правительство должно опираться на сильно институтированные политические структуры, а также совершенную инвестирующую одобренное его программы деятельности.

Указанный институциональный аспект вносит беспорядок в систему принятия решений в сфере внешней политики, в том числе по внешнеэкономическим вопросам. Это связано с тем, что основная работа по разработке проектов и ведению переговоров при принятии решений по экономическим вопросам во внешнеполитической сфере концентрируется именно на правительственном уровне. Если Правительство не обладает достаточной демократической легитимацией и средствами для воплощения таких решений в жизнь, в итоге сложно отстаивать национальные интересы государства на международном уровне. Следует иметь в виду, что модель конституционной демократии в России тяготеет к электоральной демократии, которой присуща неразвитость институтов и процедур демократической подотчетности и подконтрольности.

Далее рассмотрим вопросы *обеспечения демократической легитимности принимаемых властных решений*. Демократическая легитимация служит составляющей конституционной демократии, основанной на ограничении властного произвола и обеспечении баланса интересов в многоукладном обществе. С экономической точки зрения это выглядит характерным: свобода договора и открытая конкурентная экономика. Однако нельзя не обратить внимание на еще один существенный элемент, в частности конституционную юстицию, роль которой чрезвычайно важна при диффузионной модели правления, поскольку позволяет ограничить аффекты парламентского большинства и защитить конституционные ценности. Опыт свидетельствует о том, что

удовлетворительное состояние конституционной юстиции является стабилизирующим фактором функционирования власти как институционально способной, то есть способной методично внедрять свои решения, основанные на балансе публичных и частных интересов¹.

Речь идет об экстрактивных и инклюзивных экономических институтах, которые, со своей стороны, порождают закрытые и открытые экономические системы. Это чревато разрывом между консервативными и либеральными моделями экономики, а также определяет степень их конкурентоспособности, имеющую кардинальное значение при принятии правительственных решений относительно экономических вопросов. В свою очередь, экстрактивные модели экономики *per se* закрыты, то есть предусматривают разнообразные административные преграды для доступа к рынку субъектам экономической деятельности, а также – с существенными проблемами с верховенством права, в частности с гарантиями независимого правосудия. Между тем открытые экономические модели основаны на их демократической подотчетности и контролируемости.

Какие инструменты сегодня предоставляет Конституция РФ и каков их потенциал в рамках существующей модели экономики с учетом ресурсов конституционной юстиции? Выше приведен анализ преимуществ и недостатков систем парламентского и суперпрезидентского правления, влияющих на качество решений в экономической сфере. В этой системе координат институциональной опорой отстаивания конкуренции служит эффективность конституционной юстиции. Далее существенное значение имеет структура подотчетности в рамках представительной демократии, которой, с одной стороны, присуще делегирование властных полномочий Правительству через его инвестирующую, с другой – профессиональным государственным служащим путем уполномочивания и назначения их на должности.

В этой системе координат вопрос интереса видится ключевым, поскольку в конституционном праве принято говорить об обеспечении баланса интересов, под которым подразумевается определенное сочетание публичных и частных

¹ Лазарев В. В. Конституция как стабилизирующий фактор развития общества // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 2. С. 317.

интересов¹. Вместе с тем понятие «интерес» имплементируется в категориальный аппарат благодаря рационализации дискурса и пониманию роли права как социального регулятора, источника нормативности. *Возникновение понятия «интерес» в политической науке и юриспруденции, собственно, связано с рационализацией государственного управления, превращением его в «понятный» и эффективный процесс и утверждением «мононормативности» в общественных регуляторах через введение «монополии» права, то есть санкционированных (или в немногочисленных случаях толерированных) государством норм.* Неслучайным представляется возникновение «интереса» в период раннего модерна и его формирование в эпоху Просвещения и промышленной революции². В целях настоящего исследования мы интегрируем это понятие с явлением национального в контексте конституционной идентичности.

Дискурс об интересе связан с его рационализацией, поскольку именно в эпоху раннего модерна и Просвещения мировоззрение является механистическим. Из него исходят такие понятия в праве, как «механизм правового регулирования», «механизм государства», «механизм/система юридической защиты» и т. п. По сути, речь идет о понимании истоков и движущих сил, которые приводят социальные системы к их действию. Понимание их как механизмов выводит на критерии действенности и эффективности, а также разработки их определенных параметров и критериев. Рационализация этого дискурса окончательно оформляется у Рудольфа фон Иеринга через его концепцию «юриспруденции интересов» (*Interessen jurisprudenzen*)³, которая затем будет разработана американскими правоведами⁴ и в дальнейшем окажет заметное влияние на

¹ См., напр.: Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, 2011. С. 126.

² Азнагулова Г. М. Понятие «интерес» в философской и политико-правовой мысли эпохи Просвещения // *Lex Russica / Русский закон*. 2016. № 11 (120). С. 164, 172.

³ Подробнее об этом см.: Иеринг Р. ф. Дух римского права на различных ступенях его развития / пер. с 3-го испр. нем. изд.-я. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1875. С. 29; Иеринг Р. ф. Цель в праве. Т. 1. СПб.: Н. В. Муравьев, 1881. С. 18; Иеринг Р. ф. Борьба за право / пер. С. И. Ершова с 13-го нем. изд.-я. 2-е изд. М.: Издание М. Н. Прокоповича, 1907. С. 6.

⁴ См., напр.: Pound R. Interests of personality // *Harvard Law Review*. 1915. Vol. 28. P. 343; Gardner J. A. The Sociological Jurisprudence of Roscoe Pound (Part I) // *Villanova Law Review*. 1961. Vol. 7. P. 1; Llewellyn K. Jurisprudence: realism in

развитие отечественной политико-правовой мысли¹. Вместе с тем это – период, при котором публичное Правительство изменяет концепт полицейстики на доктрину правового государства. Последнее будет иметь решающее значение для формирования современного понимания принятия решений государствами, в частности во внешнеполитической сфере.

Со становлением национальных государств и воплощением их политических мер на практике через юридические средства возникли вопросы об обеспечении именно национальных интересов в отношениях с другими государствами. Современное конституционное право, одной из методологических основ которого служит пропорциональность, оперирует его узким компонентом – балансированием. Это балансирование выражено в определении легитимной цели вводимых государством мер, а также двуединого процесса: 1) определение допустимых границ ограничений прав человека; 2) выявление легитимных границ деятельности государства, его вмешательства в сферу частной автономии. Одним из главных критериев балансирования, которому посвящено немало литературных источников, служит определение адекватности выбранных средств поставленной цели, которая должна быть легитимной и обеспечена надлежащими и достаточными для этого средствами. Это видится едва ли не ключевым фактором отстаивания национальных экономических интересов, которые должны соответствовать основополагающим принципам права, в частности принципу уважения прав человека. Национальные интересы как компонента национальной безопасности – это критерий ограничения прав человека, к которому применяют трехсложный тест в рамках принципа пропорциональности. Из этого и возникает проблема эффективности и действенности властных решений.

theory and practice. Chicago: University of Chicago Press, 1962. P 102. Seagle W. Rudolf von Jhering: Or Law as a Means to an End // University of Chicago Law Review. 1945. Vol. 13. No. 1. P. 71.

¹ См., напр.: Жуков В. Н. Социология права в России: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. С. 154–170; Завьялов Ю. С. Взгляды Р. Иеринга на государство и право // Правоведение. 1968. № 3. С. 106; Фролова Е. А. История политических и правовых учений: учебник. М.: Проспект, 2017. С. 432–471; Фролова Е. А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. М.: Проспект, 2017. С. 197–204.

Изложенная проблематика эффективности принимаемых властных решений находит отражение и при рассмотрении вопроса *национально-государственного суверенитета*, поскольку требует осмысления баланса публичных и частных интересов в контексте внешнеэкономических отношений. В отечественной научной литературе существуют исследования об оптимизации национального правового обеспечения экономической безопасности на макро-, мезо-, микроуровнях; совершенствовании общегосударственной и региональной экономической политики в этой сфере. Однако мерой безопасности вопрос обеспечения национального суверенитета во внешнеэкономической деятельности не ограничен. *Stricto sensu*, учитывая принцип верховенства права, указанная проблематика находится прежде всего в плоскости правовой определенности. Хотя распространен и взгляд, согласно которому безопасность трактуется как защищенность жизненно важных интересов общества и государства от широкого спектра внешних и внутренних угроз, различных по природе (военных, экономических, экологических, политических, информационных и др.)¹.

Одним из инструментов отстаивания национальных экономических интересов служит Стратегия экономической безопасности РФ², которая рассматривает устойчивое развитие национальной экономики в качестве одного из направлений реализации приоритетов национальных интересов России и обеспечения ее национальной безопасности. Вместе с тем успешность обеспечения национальных экономических интересов зависит от структуры национальной экономики и институциональных возможностей государства. Степень открытости и конкурентоспособность национальной экономики определяет особенности принятия решений по внешнеэкономическим вопросам органами публичной власти.

Какая модель приемлема для принятия внешнеэкономических решений? Такая модель базируется на природе ценностей права, которые выражают общественный

¹ Беляев В. П. Национальная безопасность: доктринальные подходы к определению понятия // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 3 (82). С. 39.

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г.: указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

консенсус относительно принятия решений в сфере экономики и обеспечивают баланс интересов на рынке. Дискурс о ценностях в праве, поскольку таковые являются неформализованными и некодифицированными, в целом напоминает природную среду рынка, в основе которого находятся экономическая свобода и конкуренция. Эти факторы служат источником формулирования правил, однако такой консенсус достигается через доверие. Данная модель поведения предполагает кооперацию и/или сотрудничество и два принципиальных момента при формулировании правил: баланс между принципами права (обычно между экономической свободой и экономическим благосостоянием, национальной безопасностью и т. д.) и построение иерархии в системе ценностей, что обусловлено потребностями надлежащей юридической аргументации. Собственно, указанный механизм взаимодействия определяет матрицу согласования интересов и логику принятия решений, в частности в контексте внешнеэкономических вопросов. Эмпирический опыт показывает, что консервативные и авторитарные модели правления склонны к конфронтационным типам взаимодействия, а либеральные демократии – к кооперативным.

Как пишут в компаративной литературе, посвященной глобальной экономике, ключевыми проблемами сегодня являются преодоление бедности и аллокация ресурсов¹. Эта проблематика рассмотрена и в контексте справедливости аллокации ресурсов между богатым Севером и бедным Югом, которая также совмещается с грамотностью потребления. В действительности, многое зависит от институциональной способности государства, которое может формировать и воспроизводить деятельность эффективных институтов, которые смогут осуществлять справедливую аллокацию ресурсов и на этой основе обеспечивать финансирование, планирование расходов на легитимные цели, чтобы обеспечить экономическое благосостояние. В частности, коррупционный фактор, который существенно подрывает конкурентоспособность национальных экономик стран Юга и стран с переходными экономиками, можно преодолеть через сбалансированное регулирование экономических процессов, что часто связано с проблемой дерегуляции и сбалансированным

¹ Экономическая и национальная безопасность: учебник / под ред. Е. А. Олейникова. М.: Экзамен, 2004. С. 156.

толкованием свободы договора, доверием на рынке и инструментами ее обеспечения, а также доступом к справедливому правосудию. Поскольку при этом речь идет об экономических правах, государственная система должна быть способна поддерживать конкуренцию на рынке и обеспечить равный доступ к ресурсам, что существенно влияет на инвестиционный климат в стране и возможность привлечения для развития национальной экономики дополнительных ресурсов извне. Такие факторы в значительной степени оказывают влияние на позиции переговоров представителей национального государства на билатеральном уровне или на уровне мировых организаций в экономической сфере. Вместе с тем эти факторы свидетельствуют о происходящем сегодня кризисе представительной демократии, как с точки зрения представительства национальных интересов, так и с позиции их подотчетности и контроля.

Пороки институциональной способности государства всецело влияют на степень открытости/закрытости экономической системы, то есть наблюдается обратный процесс относительно потенциального подрыва возможности отстаивания национальных экономических интересов на глобальных рынках и в рамках мирового сообщества. Недостаточность верховенства права и конкурентоспособности национальной экономики служит благоприятной почвой для шантажа представителей национальных государств и склонения их к подписанию контрактов, сомнительных с точки зрения обеспечения национальных интересов.

На этих кардинальных направлениях, как нам представляется, должно быть сосредоточено внимание в дальнейшей эволюции публичного механизма отстаивания национальных экономических интересов России.

Библиографический список

1. Азнагулова Г. М. Понятие «интерес» в философской и политико-правовой мысли эпохи Просвещения // *Lex Russica / Русский закон*. 2016. № 11 (120). С. 162–174.

2. Беляев В. П. Национальная безопасность: доктринальные подходы к определению понятия // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2017. № 3 (82). С. 36–42.

3. Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, 2011. 544 с.
4. Жуков В. Н. Социология права в России: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 338 с.
5. Завьялов Ю. С. Взгляды Р. Иеринга на государство и право // Правоведение. № 3. 1968. С. 106–115.
6. Иеринг Р. ф. Борьба за право / пер. С. И. Ершова с 13-го нем. изд-я. 2-е изд. М.: Издание М. Н. Прокоповича, 1907. 96 с.
7. Иеринг Р. ф. Дух римского права на различных ступенях его развития / пер. с 3-го испр. нем. изд-я. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1875. 321 с.
8. Иеринг Р. ф. Цель в праве. Т. 1. СПб.: Н. В. Муравьев, 1881. 412 с.
9. Краснов М. А. Проблемы концепта «гарант конституции» // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 2 (141). С. 15–45.
10. Лазарев В. В. Конституция как стабилизирующий фактор развития общества // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 2. С. 314–325.
11. Фролова Е. А. История политических и правовых учений: учебник. М.: Проспект, 2017. 512 с.
12. Фролова Е. А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. М.: Проспект, 2017. 304 с.
13. Экономическая и национальная безопасность: учебник / под ред. Е. А. Олейникова. М.: Экзамен, 2004. 768 с.
14. Gardner J. A. The Sociological Jurisprudence of Roscoe Pound (Part I) // Villanova Law Review. 1961. Vol. 7. P. 1–26.
15. Llewellyn K. Jurisprudence: realism in theory and practice. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 531 p.
16. Pound R. Interests of personality // Harvard Law Review. 1915. Vol. 28. P. 343–365.
17. Seagle W. Rudolf von Jhering: Or Law as a Means to an End // University of Chicago Law Review. 1945. Vol. 13. No. 1. P. 71–89.

А. А. Шпак

аспирант Омского государственного университета имени Ф. М.
Достоевского
Россия, г. Омск
alena-shpak-2016@mail.ru

**КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА
В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

**THE CRIMINAL SUBCULTURE
IN YOUNG PEOPLE**

Понятие криминальной субкультуры автором статьи рассмотрено как система преступных традиций, обычаев, сложившихся норм и правил, применяемых лицами, совершившими преступления, нарушающих правовые, нравственные, моральные и иные нормы. Согласно авторской позиции, криминальная субкультура становится особенно опасной в молодежной среде, поскольку оказывает негативное влияние на детей и подростков. Органы государственной власти в рамках борьбы с молодежными преступлениями не уделяют должного внимания такой мере профилактики преступности, как воспитание детей. Противодействие криминальной субкультуре в молодежной сфере должно быть комплексным, включающим в себя систему мер, направленных в том числе на культурное и правовое воспитание граждан. В качестве рекомендаций в целях популяризации правовой культуры необходимо создать в обществе единую концепцию пропаганды знаний действующего законодательства, в контексте которой осуждали бы факты преступной деятельности.

Ключевые слова: криминальная субкультура, молодежная среда, совершение преступления, молодежная преступность, правовая культура, криминализация общества, криминология, преступная среда.

The author of the article considers the concept of criminal subculture as a system of criminal traditions, customs, established norms and rules used by persons who have committed crimes, violating legal, moral and other norms. According to the author's position, criminal subculture becomes especially dangerous in the youth environment, as it has a negative impact on children and adolescents. State authorities in the fight against youth crime do not pay due attention to such a measure of crime prevention as education of children. Countering the criminal subculture in the youth sphere must be a comprehensive effort that includes a system of measures aimed, inter alia, at the cultural and legal education of citizens. As

recommendations, in order to popularise legal culture, it is necessary to create in society a unified concept of promoting knowledge of current legislation, in the context of which facts of criminal activity would be condemned.

Keywords: criminal subculture, youth environment, committing a crime, youth crime, legal culture, criminalisation of society, criminology, criminal environment.

В настоящее время, как считают многие ученые, происходит культурный кризис, процесс преобразования культурных ценностей. В результате сложившаяся негативная ситуация может привести к полнейшему их исчезновению¹.

Именно в период кризиса и появляются так называемые субкультуры как важнейший показатель возникшего конфликта между культурными ценностями и существующими в обществе нормами поведения. Криминальная субкультура имеет негативный характер, так как она направлена на совершение преступной деятельности с учетом снятия ряда морально-нравственных ограничений.

М. П. Клейменов пишет: «Криминализация общества представляет собой опасное проявление его деградации, где концентрируются процессы культурной инволюции, а именно вспышки культурной мутации»². Неоднозначны научные подходы к термину «криминальная субкультура». В частности, В. Ф. Пирожков полагает, что необходимо изучать особенности совершения преступлений несовершеннолетними и молодежью совместно с криминальной субкультурой, поскольку без нее познать преступление невозможно. Следовательно, криминальная субкультура выступает некой «питательной средой» для молодежной преступности³.

Изученные точки зрения ученых-криминологов относительно понятия криминальной субкультуры позволяют утверждать, что в их содержание включены как исторические,

¹ Маркова Н. С., Бычкова А. М. Криминальная субкультура в молодежной среде как криминологически значимая проблема в контексте кризиса культуры современности // Пролог: журнал о праве. 2020. № 3. С. 43.

² Клейменов М. П. Криминализация общества в России: культурологический аспект // Преступность и культура / под ред. А. И. Долговой. М.: Криминологическая ассоциация, 1999. С. 21.

³ Пирожков В. Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь: Приз, 1994. С. 50.

так и социально-экономические черты каждого общественного периода. В настоящее время происходит активное распространение информационных сведений через интернет посредством социальных сетей. Поэтому, как правильно полагают Е. А. Антонян и Е. А. Борисов, к методам распространения криминальной субкультуры можно отнести применение инновационных технологий, ресурсов, предусматривающих вовлечение широкого круга лиц с минимальными вложениями, имеющими негативный эффект¹.

Часто в научных трудах ученых-криминологов речь идет о том, что криминальная субкультура – это социальное явление, существующее независимо от государственного устройства. Однако от общественных структур будут напрямую зависеть уровень криминальной субкультуры и ее негативное влияние на граждан, в особенности на молодежь. Криминальная субкультура представляет собой систему преступных традиций, обычаев, сложившихся норм и правил, применяемых лицами, совершившими преступления, и нарушающих правовые, нравственные, моральные, иные нормы.

Итак, криминальная субкультура на современном этапе является сложным механизмом по воспроизводству преступных кадров в целом. Как результат, появляется целостный преступный мир, в котором действует собственная система криминальных ценностей, сложившихся норм и правил, применяемых лицами, занимающимися преступной деятельностью. Вследствие культурного кризиса происходит утрата морально-нравственных ценностей, а вместо них возникает система преступных ценностей, внушаемых детям и молодежи посредством распространения через средства массовой информации (СМИ) и интернет. Представляется, что главная опасность криминальной субкультуры – ее быстрое распространение. На основании предварительных прогнозов можно заключить, что она вскоре может стать доминирующей субкультурой среди молодежи из-за огромного количества вовлеченных в нее лиц.

¹ Антонян Е. А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи // Lex russica. 2017. № 12. С. 180.

Следовательно, криминальная субкультура выступает механизмом криминализации молодежной среды¹, становится распространенной среди молодежи и имеет глобальный характер ввиду романтики преступной среды и преступной деятельности. Такая субкультура становится неким элементом для формирования и сплочения преступных групп, создания преступных кадров. В итоге наблюдается искажение социализации человека и формирование преступного поведения.

Криминальная субкультура может привлекать детей и молодежь своими элементами, такими как особый преступный сленг, преступная философия, имеющая особую преступную романтику, недоступную для других лиц. Знакомство с преступной атрибутикой детей, как правило, происходит на улице либо в неформальных молодежных группах. Однако сегодня прослеживаются тенденции по распространению элементов криминальной субкультуры в социальных сетях, в том числе «ВКонтакте», Instagram², на платформе YouTube. На электронных страницах представлена открытая пропаганда положений криминальной философии, отдельных преступных идей и правил, которым должны придерживаться преступные сообщества.

Приведем пример. В одной из социальных сетей насчитывается около 40 тысяч «АУЕгрупп», среди которых насчитывается около семи миллионов подписчиков, наблюдается активное распространение идей об экстремизме и призывов к насильственному свержению государственного строя³. В ряде субъектов Российской Федерации (РФ) получило распространение молодежное движение «АУЕ» («арестантский уклад един»), участники которого изучают криминальные установки, пропагандируют криминальные увлечения, живут по правилам, принятым в криминальной среде.

Предположим, что в местах изоляции от общества находится преступник, у которого на свободе сохранены связи с

¹ Гусев М. В. Проблема распространения криминальной субкультуры в России // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2007. № 5. С. 106.

² Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской, запрещен на территории РФ.

³ Клейменов М. П., Козловская М. Г., Савельев А. И. Экстремистское преступное сообщество «АУЕ» // Вестник Омского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 4. С. 75.

другими лицами (подростками), вовлеченными в преступную сферу. Такие подростки следуют всем преступным правилам, сдают деньги для преступной группы. Если не могут сдать денежные средства, то встают на преступный путь. Из приведенного примера следует, что распространение криминальной субкультуры является угрозой национальной безопасности современного государства.

Рассмотрим примеры противоправного поведения молодежного движения «АУЕ». Так, Екатеринбургский гарнизонный военный суд вынес приговор по делу adeptов экстремистского движения АУЕ и приговорил гражданина Б. к семи годам лишения свободы, гражданина З. – к трем годам и девяти месяцам, гражданка Б-Н. осуждена на четыре года условно. Как следует из приговора суда, гражданин Б. опубликовал не менее 28 439 материалов с призывом к экстремистской деятельности. Гражданка Б-Н. распространяла предметы с символикой движения путем продажи, параллельно являлась администратором паблика. На ее счету 1 842 опубликованных материала. Гражданин З. предоставлял свой аккаунт для администрирования сообщества, общался с подписчиками относительно продажи тем мерча¹.

Показателен еще один пример. В марте 2020 г. 14-летний и 12-летний сторонники «АУЕ» жестоко избили и изнасиловали восьмилетнего ребенка, который поступил не по преступным правилам, нарушив принцип «правда или действие»².

Приведенные примеры свидетельствуют не только о всеобщей опасности молодежного движения «АУЕ», но и о ситуации в отношении криминальной субкультуры в целом. Изнасилование ребенка молодежью путем влияния преступной романтики выступает причиной совершения преступления ввиду безнаказанности и оправдания преступного деяния криминальными понятиями и нормами.

Верховным Судом РФ международное общественное движение «Арестантское уголовное единство» признано экстремистской организацией, а действия лиц,

¹ Призова Е. В России впервые приговорили к реальному сроку создателей паблика АУЕ // Рос. газ. 2020. 9 сентября.

² Шарапов В. В России запретили движение АУЕ // Lenta.ru. 2020. 17 августа. URL: <https://lenta.ru/brief/2020/08/17/ae/> (дата обращения: 26.10.2023).

пропагандирующих противоправные идеи, стали подпадать под уголовно-правовую норму ст. 282.1 Уголовного кодекса (УК) РФ¹. Однако по-прежнему популярны YouTube-каналы, на которых показаны реалии преступного мира. Распространенность таких каналов обусловлена рядом причин. К ним отнесены следующие:

- романтизация криминальной субкультуры, обусловленная образом преступника, созданного в фильмах, как человека страдающего, находящегося в местах лишения свободы;

- возможность увидеть изнутри особенности содержания заключенных в исправительных учреждениях;

- возможность изучения правил криминальной субкультуры и в дальнейшем их использование.

В целях борьбы с данным негативным явлением в Государственную Думу РФ внесен законопроект, устанавливающий досудебную блокировку сайтов, которые пропагандируют криминальную субкультуру². Полагаем, что противодействие ей в молодежной сфере должно быть комплексным, включающим в себя систему мер, направленных на культурное и правовое воспитание граждан, формирование правового сознания. Следует констатировать, что органы государственной власти в рамках борьбы с молодежными преступлениями не уделяют должного внимания такой мере профилактики преступности, как воспитание детей. В качестве рекомендаций в целях популяризации правовой культуры необходимо создать в обществе единую концепцию пропаганды знаний действующего законодательства, в контексте которой осуждали бы факты преступной деятельности.

¹ Егоров И. Верховный суд запретил движение АУЕ в России // Рос. газ. 2020. 17 августа.

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в части реализации механизмов профилактики и противодействия распространению криминальных субкультур в Российской Федерации: проект Федерального закона № 1009841-7 // Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1009841-7> (дата обращения: 26.10.2023).

Библиографический список

1. Антонян Е. А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи // *Lex russica*. 2017. № 12. С. 180–186.
2. Гусев М. В. Проблема распространения криминальной субкультуры в России // *Вестник Кузбасского государственного технического университета*. 2007. № 5. С. 106–111.
3. Егоров И. Верховный суд запретил движение АУЕ в России // *Рос. газ.* 2020. 17 августа.
4. Клейменов М. П. Криминализация общества в России: культурологический аспект // *Преступность и культура* / под ред. А. И. Долговой. М.: Криминологическая ассоциация, 1999. С. 21–25.
5. Клейменов М. П., Козловская М. Г., Савельев А. И. Экстремистское преступное сообщество «АУЕ» // *Вестник Омского государственного университета*. Серия: Право. 2020. № 4. С. 75–81.
6. Маркова Н. С., Бычкова А. М. Криминальная субкультура в молодежной среде как криминологически значимая проблема в контексте кризиса культуры современности // *Пролог: журнал о праве*. 2020. № 3. С. 43–53.
7. Пирожков В. Ф. *Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура)*. Тверь: Приз, 1994. 250 с.
8. Призова Е. В России впервые приговорили к реальному сроку создателей паблика АУЕ // *Рос. газ.* 2020. 9 сентября.
9. Шарапов В. В России запретили движение АУЕ // *Lenta.ru*. 2020. 17 августа. URL: <https://lenta.ru/brief/2020/08/17/ae/> (дата обращения: 26.10.20)

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВЛАСТЬ ЗАКОНА»

1. Подписанная заявка от каждого автора и текст статьи в формате Microsoft Word в электронном виде направляются в редакцию журнала по **e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru** для проверки на соответствие формальным критериям.

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт **Times New Roman**, размер шрифта – **14**, межстрочный интервал – **одинарный**, абзацный отступ – **1,25 см**, поля сверху, снизу, слева, справа – **2 см**, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Объем статьи проходит рецензирование согласно Положению о порядке рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в научном периодическом издании «Власть Закона» (утверждено решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года). Оригиналы заявки и статьи в распечатанном виде, подписанные автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович).

4. Количество авторов одной статьи не должно превышать трех человек.

5. Научная статья проходит рецензирование согласно Положению о порядке рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в научном периодическом издании «Власть Закона» (утверждено решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года). Оригиналы заявки и статьи в распечатанном виде, подписанные автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович).

6. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- индекс УДК;
- индекс ББК;
- заглавие статьи на русском и английском языках;
- фамилии и инициалы автора(-ов) на русском и английском языках;
- должность и место работы автора(-ов) на русском и английском языках;
- аннотацию на русском языке, выполненную по требованиям журнала.

Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ необходим качественный перевод аннотации и названия статьи на английский язык, с соблюдением грамматических и орфографических правил. Перевод с помощью компьютерных программ и сайтов не допускается. Аннотация должна быть информативной (не содержать общих слов), оригинальной, содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования), структурированной (следовать логике описания результатов в статье), компактной (укладываться в объем от 50 до 100 слов);

– не менее 10 ключевых слов на русском и английском языках;

– библиографический список. В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее десяти источников, имеющих автора. Федеральные и иные законы **не приводят** в библиографическом списке. Самоцитирование автора допускается в объеме не более 10 % от общего количества цитирования источников из библиографического списка. Ссылки на электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты приводят в постраничных (подстрочных) сносках и в библиографический список **не выносят**.

7. Все ссылки в статье на литературу и другие источники должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки в тексте статьи – подстрочные и постраничные, вынесенные из текста вниз полосы документа (в сноску), шрифт ссылок – **Times New Roman**, размер шрифта – **12**, **одинарный** межстрочный интервал.

8. После проверки подписанные автором(-ами) оригиналы статьи и всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович). Документы в распечатанном виде (на бумажном носителе) должны полностью соответствовать электронной версии.

С уважением, редакция журнала!

Отпечатано в типографии
ИП Купреев В.В.
353240, ст. Северская,
ул. Чехова, 18а.
Тел./факс 8(86166) 2-14-63.
E-mail: prhouse2016@mail.ru

